

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ И ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ
при участии юридического факультета
Кубанского государственного университета**

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ
СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Материалы VI Международной научно-практической конференции
20 апреля 2017 г.

Краснодар 2017

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жинкин С. А., доктор юридических наук, декан юридического факультета имени А. А. Хмырова Кубанского государственного университета (Россия);

Прохорова М. Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Кубанского социально-экономического института (Россия);

Прохоров Л. А., заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (Россия);

Флудас Д. А., доктор юридических наук, доцент колледжа Хьюз Холл Кембриджского университета (Греция);

Лебедева А. Д., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кубанского социально-экономического института (Россия);

Пилюгина Т. В., кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного права и правоохранительной деятельности Кубанского социально-экономического института (Россия);

Петров Д. В., начальник научно-издательского центра Кубанского социально-экономического института (Россия).

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VI Международной научно-практической конференции, 20 апреля 2017 г. / отв. редактор М. Л. Прохорова. Краснодар: КСЭИ, 2017. – 236 с.

ISBN 978-5-91276-167-6

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

© Издательство Кубанского социально-экономического института, 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I раздел

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

Иликбаева Е.С. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОРОТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.....	6
Иликбаева Е.С., Прохоров Л.А. О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238.1 УК РФ.....	12
Пилюгина Т.В., Яроменко Н.С. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВАНДАЛИЗМА.....	15
Прохорова М.Л., Торосян Р.В. О СОДЕРЖАНИИ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ И СИСТЕМЕ ЭТИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ.....	20
Сидоренко Л.П. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОТБЫВАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЗАКЛЮЧЕННЫМ ПОД СТРАЖУ.....	24
Сидоров А.А. ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ.....	28
Сушкова И.А., Нозимов Х.С. ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ, СВЯЗАННЫХ С ПОДДЕРЖАНИЕМ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ.....	32

II раздел

«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества, государства»

Дригуляс А.П. ЗАДЕРЖАНИЕ С ПОЛИЧНЫМ И ЕГО РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ.....	37
Коновалов А.К., Чеботарь Ю.И. К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	41
Конюшихина Н.И. СЛЕДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА КУБАНСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	47
Кравец С.А. ИСТОРИОГРАФИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА КУБАНИ 1917–1920 ГОДОВ.....	50
Кравченко В.А. ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ О ПОМИЛОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	54
Кузьмина А.В. К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX в.....	60
Кулиш М.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	63

Лебедева А.Д., Денисенко Ю.С. ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	66
Легостаев В.П., Бацун Я.В. ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ПРОЦЕССЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.....	70
Пилюгина Т.В., Муродов Ш.М. СПОСОБЕН ЛИ ИНСТИТУТ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ ЗАЩИТИТЬ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ?	74

III раздел

«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных социально значимых интересов»

Авилова Л. ПРОФАЙЛИНГ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ.....	79
Бондарь Е.В. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР, В ТОМ ЧИСЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ».....	83
Вертепова Т.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ЖИЗНИ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	88
Давыдов В.А. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	92
Дановская Г.А. ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В СОСТОЯНИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО АФФЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	97
Дановская Г.А., Мельниченко Н.Н. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА.....	101
Джамирзов К.Х. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АРГЕНТИНЫ.....	105
Мартынова Т.В. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	108
Мелихов А., Сильченко Е.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ТАИЛАНДА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	113
Мельник Е.Р. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	116
Рассохина А.А. ПЕНАЛИЗАЦИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕГО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	120
Рассохина А.А., Мельниченко Н.Н. ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	125
Рой А.О., Сильченко Е.В. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ.....	130
Рыбалкина Е.Н. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	133
Савельев И.А., Сильченко Е.В. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ.....	138
Трошина О.Н., Сильченко Е.В. ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ И ЯПОНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	142

Фирсов В.В. УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПЕРСПЕКТИВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	145
Штаер П.Ю. ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ.....	149
Южаков А.И. ПОДАРОК ИЛИ ВЗЯТКА: КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ.....	153

IV раздел

«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

Ананенко И.В. ЯДЕРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	157
Бабкова Л.И., Бацун Я.В. «ЗАКОН ДИМЫ ЯКОВЛЕВА»: ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ И ПРАВОВАЯ СУДЬБА СЕГОДНЯ.....	161
Гапонова Г.И. РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ПОДРОСТКОВОЙ АГРЕССИВНОСТИ И СКЛОННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ.....	167
Гизатуллина Э.Ф. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОСЛЕ МАРТОВСКОГО (1965 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС.....	171
Григоренко И.Н. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.....	175
Дацко Т.Ф. СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДУЛИ КОНСТЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	179
Дынько А.П., Кулиш М.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.....	188
Кумук А.А., Денисенко Ю.С. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА.....	192
Медведева Э.А. ОСОБЕННОСТИ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ.....	195
Минина К.Е., Дынько А.П. ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЛУЧАЕ АВИАКАТАСТРОФЫ.....	199
Немцева А.С. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МНИМЫХ И ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК.....	202
Павлюшкевич Т.В., Кайнова М.А. ЛОЯЛЬНОСТЬ КЛИЕНТОВ – ГАРАНТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЫНКЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ.....	206
Саакян М.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СООТНОШЕНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ.....	210
Сидорова А.Г. ДИСПОЗИТИВНОСТЬ – ГАРАНТ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	214
Сушкова И.А. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	217
Федина И.М., Зеленина А.А. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ ПО СОХРАНЕНИЮ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	221
Цвилий А.В. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ.....	225
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	232

I Раздел:

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

Е. С. ИЛИКБАЕВА

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

E. S. ILIKBAEVA

*Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОРОТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA ON RESPONSIBILITY FOR ACTIVITIES RELATED TO THE TURNOVER OF FALSIFIED MEDICINES AND PHARMACEUTICAL PREPARATIONS: PAST AND PRESENT

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития российского уголовного законодательства об ответственности за деяния, связанные с оборотом фальсифицированных лекарственных средств и фармацевтических препаратов, исследуются причины фальсификации лекарственных препаратов, их актуальность в настоящее время. Рассматриваются вопросы о закреплении норм о фальсифицированных лекарственных препаратах в законодательных актах России.

Ключевые слова: фальсифицированные лекарственные средства, незарегистрированные лекарственные средства, недоброкачественные лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, оборот фальсифицированных лекарственных средств.

Annotation. The article raises questions about the development of the criminal legislation of Russia about the responsibility for acts relating to trafficking in counterfeit medicines and pharmaceutical products, investigates the causes of the falsification of medicinal products, their relevance now. Discusses the provisions on counterfeit medicines in the legislation of Russia.

Keywords: falsified medicines, unregistered medicines, inferior medicines, medical products, biologically active additives, turnover of counterfeit medicines.

Проблема фальсификации лекарственных средств, вызывающая в настоящее время серьезную озабоченность общества [1] не является новой, и, как свидетельствует история, первые попытки ее решения предпринимались в России достаточно давно.

Сведения об отечественных целителях, употреблявших различные снадобья для врачевания больных, присутствовали в летописях и житиях святых со времен Киевской Руси. Но первые упоминания о торговых заведениях, изготавливавших и продававших лекарства, появились лишь в документах XVI в. В источниках 1554 г. присутствовала ссылка на некоего Матюшку-аптекаря. В более поздних приказных книгах истории находили записи о голландском аптекаре Аренде Клаузинде, работавшем в Москве 40 лет, а также о

некоем Николае Броуне, изготавливавшем и продававшим лечебные снадобья [2]. «Первая русская аптека, – писал историк медицины Н. Новомбергский, – была учреждена в Москве в 1581 г. английским аптекарем Джемсом Френшаном, присланным в Россию королевою Елизаветой по просьбе Иоанна IV...» [2].

После 1632 г. из-за дороговизны ввозимых «лекарственных снадобий» в царскую аптеку, были предприняты попытки «снизить разорительные для царской казны расходы на лекарственные закупки». После некоторых прений и размышлений лучшим средством снижения затрат признали переход на отечественное лекарственное сырье. И потому чины аптекарского приказа ввели в своем ведомстве особые должности для людей, понимающих в травах и кореньях и сведущих в нуждах аптекарей. Травники, или помясы, при выезде на заготовку растений получили широкие полномочия для пополнения царских лекарственных запасов. Аптекарское начальство составляло отчеты, в которых говорилось о тысячах пучков лечебных трав, заготовленных помясами [2].

Однако проблемой стало качество собранного сырья. На добросовестность согнанных против своего желания сборщиков рассчитывать было нельзя. Крестьянские подростки подсовывали в пучки подгнившие травы, их матери сушили сырье, не соблюдая строгих наказов помясов, да и сами травники в страхе перед наказанием за недостаточное усердие в сборе для увеличения количества заготовленных трав приказывали собирать их в неурочное время и в неурочных местах, так что их применение не приносило больным никакой пользы [2].

В Соборном уложении 1649 г. была предусмотрена ответственность за отравление «зельем». Так, в ст. 23 главы XXII было закреплено: «А будет кто кого отравит зельем, и от той отравы тот, кого отравят, умрет, и того, кто такое злое дело учинит, пытать накрепко, наперед от того он над кем такова дела не делывал ли, и пытал его, «казнити смертию» [3].

В 1672 г. в Москве царским указом учредили первую общедоступную аптеку, а вслед за нею еще две. К концу XVI в. все аптеки были подчинены специальному должностному лицу – «аптекарскому боярину». Боярин Аптекарского приказа внимательно следил за всей деятельностью провизоров. Под особый контроль ставилось приготовление лекарств. Например, требуемые для изготовления лекарственного средства ингредиенты находились «в особой казенке за дьячею печатью, и без дьяка никто не ходил...». Составленное с подобными предосторожностями лекарство передавалось самым надежным боярам, которые относили его государю. Бояре не только подносили царю лекарства, но еще их и «надкушали» [4].

Резкое увеличение к концу XVII в. сети фармацевтических учреждений повлекло учреждение Аптекарского приказа. Точная дата его создания неизвестна. Ряд историков (В.Рихтер, Г.Успенский) предполагают датой его учреждения 1620 г. [5]. Усилиями названного административного органа повсеместно стали закрываться зелейные лавки, ранее бесконтрольно торговавшие разного рода травами и отварами (зельем).

Историк Михаил Чулков писал: «До 1701 г. был в Москве зелейный ряд и по улицам многие зелейные лавки, где продавали всякие товары и шарлатанские масти, используемые вместо лекарств» [6].

При Петре I анализ лекарств был возложен на вновь открытые аптеки, а также на созданную в 1720 г. химическую лабораторию при Берг-коллегии [7].

В 1714 г. Аптекарский приказ был преобразован в аптекарскую канцелярию Главной аптеки, которую в 1721 г. переименовали в Медицинскую коллегию, а затем в Медицинскую канцелярию. На эти учреждения возлагался контроль за отпуском лекарств из аптек [7].

Во второй половине XVIII столетия в связи с ростом числа аптек не только в столичных, но и в провинциальных городах возникла необходимость регламентировать их производственную деятельность, усилить контроль за качеством лекарств.

С этой целью в 1789 г. был издан первый Аптекарский устав, в котором основное внимание уделялось применению препаратов хорошего качества, приготовлению лекарств строго по прописи, хранению и отпуску лекарств, содержащих ядовитые вещества [8].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало ряд норм об ответственности за нарушение правил реализации и изготовления лекарственных препаратов. Так, отделение восьмое «О нарушении Уставов врачебных» включало нормы, предусматривающие наказание за нарушение правил об учреждении аптек, правил о внутреннем устройстве и управлении аптеками и правил приготовления, и отпуска лекарств из аптек.

Статья 1105, содержащаяся в гл. 5 «Нарушения правил о приготовлении и отпуске лекарств из аптек», признавала преступным «приготовление лекарств и лекарственных составов не по правилам фармацевтики, ... составление лекарств из веществ не того качества или веса, какие в рецепте предписаны, или из поврежденных, а равно и ... приготовление лекарств в нечистых или вредных здоровью сосудах», считая виновным в том управляющего аптекою, «хотя бы от сего и не было никаких вредных последствий...» [9].

В 1857 г. в России появился единый врачебный закон – Устав врачебный, просуществовавший вплоть до октября 1917 г. и являвший собой яркий положительный пример успешной кодификации медицинского законодательства, которого очевидно не хватает в настоящее время.

Врачебный устав в разделе II «О местном управлении аптекарской части» во втором отделении «О правах и обязанностях инспекторов управления» в ст. 193 обращал внимание на то, что все аптеки должны быть снабжены достаточным запасом лучшего качества медикаментами, материалами и посудой. Таким образом, начиная с 1857 г. стало обращаться внимание не только на медицинские препараты, но и медицинские изделия, которые должны были быть надлежащего качества.

В ст. 199 указывалось, что все медицинские препараты и медицинские изделия должны удобно и безопасно размещаться в аптеке для предохранения их от повреждения. Иначе говоря, были предусмотрены нормы хранения тех или иных медицинских препаратов.

Устав врачебный урегулировал деятельность фармацевтических работников, установив общие и специальные требования к персоналу, условиям производства и продажи фармацевтических препаратов [10].

Во второй половине XIX в. количество аптек в России значительно увеличилось: в 1877 г. их насчитывалось уже 1621 [11]. В связи с их увеличением и желанием аптекарей и фармацевтов получать большую прибыль в аптеках стали больше заниматься фальсификацией лекарственных препаратов.

Распространение фальсификации не могло остаться незамеченным. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.) в ст. 892 закреплено: «За приготовление лекарств и лекарственных составов не по правилам фармацевтики, за составление лекарств или веществ не того качества или веса, какие в рецепте предписаны, или из поврежденных, а равно и за приготовление лекарств в нечистых или вредных здоровью сосудах, виновный том управляющей аптекой, хотя от сего и не было никаких вредных последствий, подвергается: денежному взысканию: в первый раз не свыше десяти рублей; во второй раз, не свыше двадцати пяти; а в третий, не свыше ста рублей» [12].

Однако наказания за фальсификацию были мягкими, и такие меры не могли остановить фальсификаторов в их погоне за прибылью.

Примерно на рубеже XIX-XX вв. аптеки перешли на торговлю готовыми препаратами, ввозимыми преимущественно из-за границы, т.е. аптеки стали местом перепродажи препаратов, причем порой сомнительного качества. «Контроль за качеством ввозимой аптечной продукции возлагался на экспертов Медицинского совета Министерства внутренних дел. Сведения об обнаружении фальсифицированных лекарственных средствах поступали в Управление главного врачебного инспектора, которое рассылало соответствующие циркуляры во все врачебные управления» [13].

Как свидетельствует история, фальсификаторы из «прошлого» ничем не уступали фальсификаторам настоящего времени, методы производства фальсифицированных лекарственных средств не потеряли своей «актуальности».

История сохранила и иные достаточно уникальные факты, отражающие ситуацию в сфере оборота фармацевтической продукции. В частности, аптекарские магазины промышляли скупкой и реализацией краденного фармацевтического товара. Например, за покупку «заведомо краденных аптекарских товаров из аптеки содержатель аптекарского магазина в Баку Лагиев приговорен судом к заключению в тюрьму на 5 месяцев» [14].

Н.Г. Фрейберг писал, что уголовное наказание за фальсификацию лекарственных средств, «преследование против фальсификаций, подходящих под понятие мошенничества, может быть возбуждено по ст. 173 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и ст. 1666 Уложения о наказаниях, карающих обман в качестве товара. По разъяснению Правительствующего Сената, для признания наличности особого вида мошенничества – обмана в качестве товара – необходимо, чтобы были установлены следующие существенные признаки: а) чтобы продавец совершил предварительно продажи таких тайных приготовлений или действий, посредством коих продаваемый предмет получил бы мнимые качества и достоинства, с сокрытием имеющих в нем недостатков; б) чтобы такими именно действиями или приготовлениями он ввел покупателя относительно качеств и свойств товара в заблуждение, от которого уберечься, при обыкновенной осмотрительности, невозможно, и в) чтобы этими обманными средствами продавец выманил у покупателя деньги не за действительные, а за мнимые качества товара» [15].

Анализ видов и направлений фальсификации лекарственных средств на фармацевтическом рынке позволил сформулировать в «Фармацевтическом журнале» основные причины этого явления: 1) отсутствие точных законоположений о фальсификации фармацевтических средств; 2) отсутствие точных законоположений о предмете фармацевтической торговли; 3) отсутствие точных положений о лицах, которые могут заниматься фармацевтической торговлей [13].

Профессор Эрисман первопричинами появления и развития фальсификации на рынке пищевых и фармацевтических продуктов в России назвал «борьбу за существование; стремление к быстрой наживе, овладевшее всеми слоями современного общества; легкомысленное отношение к интересам ближнего; отсутствие всяких нравственных принципов в среде производителей, оптовой и розничной торговли пищевыми и фармацевтическими товарами» [16]. Выводы, которые сделал профессор Эрисман о первопричинах появления и развития фальсификации на фармацевтическом рынке, и в настоящее время актуальны для РФ.

Начавшаяся Первая мировая война и последовавшие за этим внутрисполитические события, обусловившие острый дефицит медикаментов, вновь подстегнули отечественных фальсификаторов. При этом, как отмечали современники, «если... до войны заметить можно было, так сказать, опытную, даже вдумчивую работу специалиста, то теперь фальсификация стала делом полнейших профанов» [17].

После октябрьских событий 1917 г. специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий, были ликвидированы.

Рассматривая дальнейшее развитие уголовного законодательства России об ответственности за деяния, связанные с оборотом фальсифицированных лекарственных средств и фармацевтических препаратов, необходимо отметить, что в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. имелись нормы, позволяющие давать оценку преступлениям, совершаемым на объектах фармацевтического рынка.

Так, в УК РСФСР 1922 г. существовало две нормы: ст. 190 («Фальсификация, т.е. обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов») и ст. 191 («Фальсификация предметов потребления, которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов») [18].

УК РСФСР 1926 г. предусматривал наказание за фальсификацию предметов потребления только при наличии последствий в виде причинения вреда здоровью либо при существовании реальной угрозы наступления таковых. Статья 171 гласила: «Обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов» [19].

УК РСФСР 1960 г. не содержал специальной нормы, предусматривающей ответственность за производство и реализацию фальсифицированных лекарственных средств. Такие преступления могли квалифицироваться по ст. 152 («Выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции»), ст. 153 («Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество»), ст. 155 («Незаконное пользование товарными знаками»), ст. 157 («Выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров») УК РСФСР [20].

Таким образом, подводя итог ретроспективного анализа, можно сделать вывод, что борьба, в том числе уголовно-правовыми средствами, с фальсификацией лекарственных средств возникла с момента появления соответствующих проблем. Рассмотрение вопроса о фальсификации лекарственных средств в свете прошлого позволяет выявить основные этапы становления уголовного законодательства об ответственности за нее. Однако следует заметить, что как и в прошлом, так и в настоящее время не обращается должного внимания этому вопросу. Несмотря на то, что это преступление с высоким уровнем общественной опасности, наказание за фальсификацию лекарственных средств были и остаются достаточно мягкими, и такие меры не могли и не могут остановить фальсификаторов в их погоне за прибылью.

Литература:

1. Мазеин В.П., Елисов П.П. Размышления над проблемой... // Российские аптеки. 2008. №7. С. 19-21.
2. Жирнов Е. Расслоение по лекарственному признаку // Коммерсантъ: Деньги. 2009. № 12. С. 60-63.
3. См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 520.
4. Московские цари не ограничивались тем, что опробовали действие своих лекарств на приближенных боярах. Последним иногда приходилось пускать себе кровь вместе с больным государем. См.: Мирский М.Б. Медицина России XVI-XIX вв. М., 1996. С. 21.

5. Коротеева Н.Н. Аптекарский приказ – первый орган управления медицинским делом в Русском государстве // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 90-95.
6. Русское зельеварение. Как создавались первые аптеки // Аргументы и Факты. 2015. 15 июля. № 29.
7. Шерстнева Е.В. Проблема фальсификации фармацевтических препаратов и попытки ее решения в России в конце XIX – начале XX века // Клиническая медицина. 2013. №7 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-falsifikatsii-farmatsevticheskikh-preparatov-i-popytki-ee-resheniya-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 13.03.2017 г.).
8. История фармации в России [Электронный ресурс] // URL: http://www.ecopharmacia.ru/publ/istorija_farmacii/istorija_farmacii_v_rossii/reformy_petra_i_v_aptechnom_dele/33-1-0-731 (дата обращения: 20.02.2017 г.).
9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 523.
10. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого. Т. 13. СПб., 1857. С. 386.
11. Приложение I к III Записке об общих основаниях устройства общедоступной врачебной помощи населению Империи. СПб.: Высочайше учрежденная междудементственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства, 1913. С. 19.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С.Таганцевым. Издание тринадцатое, пересмотренное и дополненное. С.-Петербург: Государственная Типография, 1908. С. 476
13. Левинштейн И.И. История фармации и организация фармацевтического дела. М.-Л., 1939. С. 615.
14. Жизнь фармацевта: журнал. 1911. № 19-20. С. 54.
15. Фрейберг Н.Г. Врачебно-санитарное законодательство в России. СПб., 1913. С. 111.
16. Фармацевтический журнал. Петроград, 1917. С. 75.
17. Бенинг К. Фальсификация фармацевтических препаратов // Фармацевтический журнал. 1917.
18. Приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. № 1551. М., 1922. С. 22.
19. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 15.02.2017 г.).
20. Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г.) [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 17.02.2017 г.).

Е. С. ИЛИКБАЕВА

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

Л. А. ПРОХОРОВ

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
заведующий кафедры административного права
и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
доктор юридических наук, профессор
(Россия)*

E. S. ILIKBAEVA

*Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

L. A. PROKHOROV

*professor of the Department of Criminal Law and Criminology
FGBOU VO "Kuban State University"
Head of the Department of Administrative Law
And law enforcement
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
doctor of Law, Professor
(Russia)*

О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238.1 УК РФ

ON THE SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ART. 238.1 OF THE CRIMINAL CODE

Аннотация. В статье обосновывается необходимость включения в ст. 238.1 УК РФ указания на специального субъекта преступления с установлением повышенной ответственности за совершение деяния, так как соответствующий признак специального субъекта оказывает прямое влияние на степень общественной опасности посягательства.

Ключевые слова: субъект преступления, специальный субъект преступления, фальсифицированные лекарственные средства, незарегистрированные лекарственные средства, недоброкачественные лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, оборот фальсифицированных лекарственных средств.

Annotation. The article substantiates the necessity of inclusion in art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, reference to a special subject of a crime with the establishment of increased liability for the commission of an act, since the relevant sign of a special subject has a direct impact on the degree of public danger of encroachment.

Keywords: the subject of the crime, the special subject of the crime and counterfeit medicines, unregistered medicines, poor quality medicines, medical products, biologically active supplements, the turnover of counterfeit medicines.

Субъект преступления является, как известно, одним из элементов состава преступления. Согласно соответствующим установлениям уголовного закона и теоретическим по-

ложениям отечественной уголовно-правовой доктрины субъект преступления – это физическое, вменяемое, достигшее установленного законом возраста лицо, совершившее общественно опасное деяние (преступление). Однако многообразие совершаемых в различных сферах общественной жизни преступлений нередко предопределяет необходимость надления субъекта дополнительными признаками. Многие преступления просто не могут совершаться любым физическим лицом, вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности. Их исполнение может требовать от субъекта дополнительных умений, особых полномочий, определенных специфических свойств и качеств и пр. В таких случаях речь идет о так называемом специальном субъекте преступления [1].

Статья 238.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, не содержит указания на признаки специального субъекта. Субъект названного посягательства – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, являющееся производителем указанных предметов, перевозящее или сбывающее их [2].

Однако, несмотря на то, что субъект преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, является общим, совершение преступления с фальсифицированными лекарственными средствами и медицинскими изделиями в большинстве случаев возможно только в связи с определенной деятельностью лица, с наличием специальных навыков и знаний в сфере фармакологии. Это люди, знающие специфику обращения лекарственных средств, установленные правила их производства, особенности сбыта и ввоза. Обладание субъектами названного преступления указанными свойствами повышает общественную опасность совершаемого ими деяния, поскольку значительно облегчает процесс осуществления такого оборота.

В науке уголовного права проблема специального субъекта поднимается часто, так как при решении вопроса о том, кто является специальным субъектом преступления, в теории уголовного права и на практике возникают споры в связи с отсутствием легально закрепленного определения специального субъекта.

В.В. Устименко писал: «Под специальным субъектом следует понимать вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее дополнительными признаками, описанными в уголовном законе или однозначно вытекающими из его толкования, ограничивающими круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по данному закону» [3].

В специальной литературе отмечается, что специальный субъект – это лицо, обладающее кроме трех основных, факультативными признаками, являющимися для конкретного состава преступления конструктивными (обязательными) [7].

Признаки специального субъекта оказывают прямое влияние нередко на наличие, а чаще всего – на степень общественной опасности преступления [4], как правило, повышая её.

Как показывает имеющаяся, хоть и не очень объемная на сегодняшний день, судебная практика по ст. 238.1 УК РФ, большинство обвиняемых за совершение названного в статье преступления имеют высшее медицинское образование.

Так, например, 11.05.2016 г. Октябрьским районным судом города Самары осужден по ст. 238.1 УК РФ Севцов А.А. Осужденный имеет высшее медицинское профессиональное образование и является индивидуальным предпринимателем [5].

Наличие соответствующих специальных познаний и осуществление деятельности в фармацевтической сфере, несомненно, облегчает совершение указанного преступления.

Довольно часто производство фальсифицированных лекарственных средств осуществляется легальными фармацевтическими предприятиями. Соответственно, субъектом

преступлений в таких случаях выступает руководитель такого предприятия. Совершение рассматриваемого преступления руководителем легального фармацевтического предприятия несет наибольшую опасность, так как в подобной ситуации подделки будет сложно отличить от настоящих препаратов, а количество изготовленной фальсифицированной продукции и масштаб ее распространения могут быть гораздо больше.

Например, в 2011 г. в г. Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ в отношении генерального директора одной из фармацевтических компаний, который организовал цех по производству поддельного лекарственного препарата «ТераФлю». Изъято более 3,4 тыс. упаковок поддельного лекарства, расходные материалы для его изготовления, поддельные печати правообладателя; обнаружены 2 станка для фасовки и упаковки препарата, более 100 кг. расфасованной смеси и 10 тыс. упаковок [6].

Таким образом, в ч. 2 ст. 238.1 УК РФ необходимо предусмотреть повышенную ответственность за совершение преступления руководителем легального фармацевтического предприятия, работником фармацевтического предприятия, организации либо аптечного учреждения, которые будут выступать специальными субъектами посягательства.

Как отмечалось ранее, именно наличие таких признаков субъекта объективно свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния. Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, считает обоснованным включение в ч.2 ст. 238.1 УК РФ следующего положения: «б) совершены с использованием лицом своего служебного положения».

Литература:

1. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: учебник. М., 1999. С. 68.
2. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 681.
3. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 45.
4. Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. 2007. №5. С. 27.
5. URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-samary-samarskaya-oblast-s/act-524537028/>.
6. В Петербурге делали фальшивый «ТераФлю» [Электронный ресурс] // URL: <http://ppt.ru/news/60963> (дата обращения: 02.02.2016 г.).
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2010. С. 216.

Т. В. ПИЛЮГИНА

*доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности
АНОО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

Н. С. ЯРОМЕНКО

*студент юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

T. V. PILYUGINA

*Associate Professor of the Department of Administrative Law and Law Enforcement
ANO "Kuban Social and Economic Institute"
candidate of Law, Associate Professor
(Russia)*

N. S. YAROMENKO

*student of the Faculty of Law
ANO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВАНДАЛИЗМА

CRIMINAL ASPECTS OF VANDALISM

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы вандализма. Дана его уголовно-правовая характеристика. Раскрыты основные элементы состава преступления. Проанализирована сложность современных социальных процессов. Приведены статистические данные МВД России по зарегистрированным преступлениям, связанным с вандализмом.

Ключевые слова: вандализм, состав преступления, уголовная ответственность.

Annotation. In the article the problems of vandalism. Given his criminally-legal characteristic. The basic elements of the offence. Analyzed the complexity of modern social processes. The statistical data of the MIA of Russia in the registered crimes related to the vandalism.

Keywords: vandalism, crime, criminal liability.

Одной из отличительных черт нашей действительности за последнее десятилетие стали массовое разрушение и порча имущества в местах общественного пользования. Осквернение зданий, испорченные лифты, разбитые электропоезда, сломанные скамейки в парках, вырубленные деревья – все это далеко не полный перечень таких массовых разрушений и порчи. Современное уголовное законодательство такое явление раскрывает как вандализм, ранее неизвестное российскому обществу [1].

Напомним, в конце 20-го века в 1996 году на фоне крушения моральных ценностей и десятилетиями формировавшихся эталонов поведения в общей массе преступлений, составляющих кривую преступности, были зарегистрированы новые общественно опасные деяния. Все это обусловило справедливую реакцию со стороны законодателя, одним из проявлений которой стало введение в Уголовный кодекс ряд новых изменений и норм, ранее не присущих уголовному законодательству. Одной из таких новелл явилась статья, предусматривающая уголовную ответственность за вандализм (ст. 214 УК РФ).

Напомним, проблема вандализма стыдливо умалчивалась во всем мире, поэтому и не изучалась до 80-х годов XX века. Западные ученые, начавшие изучать вандализм, подошли к нему с практической точки зрения - выяснения статистики «вандалных» прояв-

лений с целью создания уголовного кодекса. Вопросами вандализма занимались не только отечественные ученые-юристы и криминологи, но и психиатры. В отечественной психологии первые исследования вандализма были проведены В.Ф. Пирожковым, по мнению которого вандализм результат девиантного поведения личности, конечным результатом которого является вульгарная преступность [2].

Сложность современных социальных процессов, обострение межличностных отношений, общая нестабильность, криминализация, материальная необеспеченность значительной части населения, морально-этический кризис общества, разделение общества на страты негативно влияют на общество в целом и, особенно, на его самую уязвимую часть – подростков, поднимают проблему вандализма на новый уровень [3].

С момента введения в действие УК РФ число зарегистрированных актов вандализма постоянно увеличивается, с 1997 их количество выросло в десятки раз. За последнее время всего выявлено свыше 37 тысяч преступлений данной категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 7,5%. Значительная часть преступлений регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах – всего 26,9 тысяч.

Согласно сводкам МВД Российской Федерации пик вандализма приходится на 16-17 летний возраст. Преступления подростков увеличилось на 12 %, а их раскрываемость снизилась на 4,3%- Тревогу вызывает преобладание группового характера подросткового вандализма. Это подтверждает и тот факт, что количество выявленных лиц в 2016 оду на 20% превышает количество раскрытых преступлений. Вандализм часто носит характер побочной стороны преступления и является прикрытием более тяжких преступлений [4].

Иными словами, состояние современного вандализма характеризуется повышением уровня его общественной опасности. Те, кто заражен стремлением к разрушительству все чаще прибегают к актам вандализма, оскверняя имущество, предназначенное для общественного пользования.

Цель, которую преследует лицо, совершающее вандализм, всегда осознается виновным и выступает в виде потребности, влекущей возникновение мотива. Потребность же вандала выражается в стремлении добиться от окружающих признания его собственной значимости общественно-опасным антисоциальным способом, а именно путем нарушения определенных правил поведения по поводу обращения с имуществом, пользующимся общественным вниманием [5].

При этом, проблема разграничения вандализма от хулиганства, умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества всегда являлись актуальными, и исследовались по признакам объективной и субъективной сторон указанных преступных деяний: характеру общественно-опасных действий и их последствий, характерной обстановке совершения данных деяний, а так же мотивам, которыми руководствуется виновный.

Следует не забывать, что большинство ученых считают непосредственным объектом вандализма общественный порядок, в качестве дополнительного объекта, то есть обязательного во всех случаях, следует признать собственность. Предмет преступления четко обозначен в диспозиции ст. 214 УК РФ: при осквернении в качестве такового могут выступать только здания или иные сооружения, а при порче – любое имущество, если оно находится на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Специфическая особенность вандализма заключается в том, что виновный, подвергая порче охраняемые уголовным законом предметы, причиняет тем самым вред одновременно общественному порядку и отношениям собственности.

Следовательно, если посягательство направлено только или прежде всего на отношения собственности, состав вандализма отсутствует, а такие действия могут быть квалифицированы при наличии других обязательных признаков как преступление против собственности.

Объективная сторона ст. 214 УК РФ характеризуется альтернативными действиями. Это означает, что каждое из указанных в диспозиции данной статьи деяний образует фактически самостоятельный состав преступления.

Следовательно, для привлечения виновного к уголовной ответственности достаточно, например, совершения им действий, оскверняющих здание или иное сооружение, либо альтернативно – действий, портящих имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Как показывает статистика – 85,7 % вандалистских деяний совершается в форме порчи имущества, 4,3 % – в форме осквернения зданий или иных сооружений, а в остальных случаях не только осквернялись здания или иные сооружения, но при этом и портилось имущество. Последние действия чаще всего выражались в разрисовывании красками поверхностей зданий или иных сооружений, которое одновременно влекло ухудшение их качества в материальном отношении, что требовало ремонта этих поверхностей.

Критерии признания вандалистских действий в качестве таковых могут быть разными:

- смысловой критерий имеет отношение только к осквернительным действиям и состоит, с одной стороны, в характере (смысле) надписи, знака, символа, изображения, а с другой стороны, в значении, характере здания или иного сооружения, на котором они выполнены, при этом, чем циничнее, аморальнее надпись и чем более общественно важным, нравственно значимым является то или иное здание (сооружение), тем более вероятно признание аморального воздействия на них вандализмом;

- формальный критерий применяется для установления состава вандализма в обеих формах, его признаками могут быть величина изображения или размер повреждений на испорченном имуществе; локализация оскверняющего изображения или повреждения либо другой порчи на предмете посягательства, место расположения изображения (порчи) относительно других зданий, сооружений, других различных объектов, ландшафта местности, то есть как они выделяются на их фоне, контрастность, отчетливость изображения; чистота и целостность здания, сооружения или имущества.

Причиняемый при вандализме моральный вред общественному порядку, в отличие от материального вреда, причиняемого собственности, не может быть исчислен, а тем более выражен в каком-нибудь всеобщем эквиваленте. Более того, невозможно определить даже четкий перечень параметров охраняемого уголовным законом общественного порядка, а тем более измерить степень причинения вреда каждому из них.

С субъективной стороны вандализм характеризуется виной в форме прямого умысла.

Наиболее распространенными мотивами этого преступления являются хулиганские, их установление необходимо уже в силу требований уголовно-процессуального законодательства.

Цель нередко трудно вообще установить: она либо сливается с мотивом, либо вообще не выражена сколько-нибудь отчетливо, что обусловлено зачастую бессмысленным характером вандализма.

От административных правонарушений вандализм отграничивается в первую очередь по качественно большей степени общественной опасности. Это вытекает из принципиального положения теории права о том, что любое преступление имеет большую степень общественной опасности, чем какой бы то ни было административно наказуемый проступок.

Из этого, в свою очередь, следует, что сходные с административными правонарушениями преступления нарушают более важные блага, ценности, интересы общества, посягают на большее их число, причиняют вред большему количеству членов общества,

наносят им более крупный урон. Хотя совсем не обязательно, чтобы это происходило по всем указанным критериям и параметрам одновременно в каждом случае. Однако необходимо, чтобы при совершении преступления общий совокупный вред благам общества был бы большим (угрожал бы им таким вредом), причем существенно, чем при совершении административного правонарушения.

Интересными представляются и дискуссии относительно возраста уголовной ответственности за вандализм. Согласно требованию ст. 25 УК РФ лицо при совершении умышленного преступления должно осознавать общественную опасность своих действий (бездействия) и предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желая их наступления.

Основная проблема при решении вопроса о возрасте уголовной ответственности за вандализм заключается в том, что подростки не осознают общественной опасности этого преступления. Вандальские действия, совершаемые ими, зачастую невозможно предсказать, так как в этом возрасте существует вероятность случайных, хаотических изменений, спонтанных колебаний в поведении, способствующих смещению полярной противоположности поступка и правонарушения.

Неадекватная реализация поступка может выразиться в асоциальных действиях, стирающих границы общепринятых норм поведения в обществе. Подросток, рисуя нецензурную надпись на стене жилого здания или портя имущество в общественном транспорте, не может в полной мере понимать общественную опасность содеянного, а скорее всего, осознает аморальность своего поступка. Данное утверждение должно означать отсутствие признака умысла интеллектуального. А значит, при наличии аргументированной защиты в суде уголовное дело может быть прекращено.

Достаточно сложно усмотреть в вандализме мотив. К мотиву близка, но не тождественна цель преступного деяния, тот результат, которого стремится достичь лицо, совершившее преступление. Следовательно, несмотря на то что мотив и цель - близкие понятия, их надо отличать друг от друга, помня, что мотив - это побуждение, а цель - желаемый, конечный результат преступной деятельности, что можно отнести и к вандализму.

В заключении отметим, в отношении уголовно-правовых аспектов вандализма объектом преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, является общественный порядок, дополнительным объектом вандализма выступает общественная нравственность. В процессе рассмотрения необходимо четко конкретизировать объективный признак такого самостоятельного действия вандализма, как осквернение. Помимо мотивированности вандализма следует учитывать его асоциальную безмотивность в соответствии с возрастными особенностями правонарушителей.

Проведенные исследования в области социологии и психологии, а также статистические данные показывают, что большинство актов вандализма совершается молодыми людьми в возрасте до 25 лет. По данным выборочных обследований несовершеннолетних, проведенных социологами, пик проявления наклонностей к вандальному поведению приходится на 11-14 лет. Именно поэтому законодатель относит вандализм к числу преступлений, за совершение которых установлен пониженный возраст уголовной ответственности.

Литература:

1. Очень дорого стоит вандализм несовершеннолетних <http://gazeta-chi.com/article/ochen-dorogo-stoit-vandalizm-nesovershennoletnih>
2. Ватова Л. С. Психологические причины и условия возникновения подросткового вандализм: дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2000

3. Пилюгина Т.В., Пилюгин Д.С. Национальная безопасность на уровне региона как фактор снижения напряженности в обществе и формирования толерантности // Российский следователь. 2012. № 21.

4. Состояние преступности за январь – март 2017 года // <https://мвд.рф/folder/101762/item/987145>.

5. Омаев Б.Х. Понятие вандализма и личностные особенности вандалов – ФГУ ВНИИ МВД России // <http://pandia.ru/text/78/284/97015.php>.

М. Л. ПРОХОРОВА

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
доктор юридических наук, профессор
(Россия)*

Р. В. ТОРОСЯН

*помощник нотариуса Брюховецкого нотариального округа
кандидат юридических наук
(Россия)*

M. L. PROKHOROVA

*Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
FGBOU VO "Kuban State University"
Head of the Department of Criminal and Penal Executive Law
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Doctor of Law, Professor
(Russia)*

R. V. TOROSYAN

*Assistant notary of the Bryukhovetsky notary district
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

О СОДЕРЖАНИИ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВРСТВЕННОСТИ И СИСТЕМЕ ЭТИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

ON THE CONTENT OF THE OBJECTS OF CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY AND THE SYSTEM OF THESE CRIMES

Аннотация. В статье рассмотрено содержание объектов преступлений, посягающих на общественную нравственность. На основании их выявления предложена систематизация названных посягательств.

Ключевые слова: общественная нравственность, преступления против общественной нравственности, объект преступления, система объектов преступления, система преступлений.

Annotation. The article deals with the content of objects of crimes that encroach on public morality. Based on their identification, the systematization of these encroachments is proposed.

Keywords: public morality, crimes against public morality, the object of crime, the system of objects of crime, the system of crimes.

Осуществление анализа системы и содержания непосредственных объектов преступлений против общественной нравственности требует предварительного рассмотрения вопроса о выделении подвидового объекта названных посягательств. Видовым объектом деяний, объединенных рамками гл. 25 УК РФ, выступает, как известно, совокупность общественных отношений в сфере обеспечения безопасности здоровья населения – как физического, так и нравственного. Но тезис о том, что непосредственным объектом преступ-

лений, названных статьями 240-245 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной нравственности, представляется нам не совсем точным. Общественная нравственность – понятие весьма широкое, ибо она регулирует буквально все сферы жизни человека и социума. Соответственно, непосредственным объектом конкретного преступления не может быть общественная нравственность в целом. В такой роли может выступать лишь определенная часть общественных отношений в сфере реализации конкретных нравственных норм, регулирующих отдельную сферу жизнедеятельности. В своей совокупности названные преступления посягают на отношения в сфере обеспечения общественной нравственности в целом, но каждое конкретно – на отдельную сферу, ею регулируемую.

В специальной литературе вполне справедливо отмечается, что «такой объект, как общественная нравственность, по сути своей может поглотить все составы. Любое преступление в той или иной мере посягает на сложившиеся в обществе и охраняемые законом устои нравственности» [1]. Действительно, и убийство, и кража, и изнасилование (этот ряд можно продолжать) глубоко попирают нравственные установления, но законодатель относит их к иным видам преступлений. Это предопределено тем, что при их совершении на первый план выходят иные блага и ценности, нарушаемые преступлением (жизнь человека, отношения собственности, половая свобода и др.), а при посягательствах на общественную нравственность именно она выступает основным или единственным охраняемым уголовным правом благом.

Таким образом, рассматриваемые преступления объединяет то, что они в своей совокупности посягают на совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения общественной нравственности, представляющей собой сложившуюся в социуме в определенный период его развития систему ценностей, норм, правил и традиций, отражающих представление о добре и зле, справедливости и несправедливости, свободе и необходимости, ответственности, долге и чести и т.д., регулирующую отношения в обществе и определяющую модель поведения его членов [2].

Говоря о нравственных отношениях (в том числе как объекте уголовно-правовой охраны), Л.Г. Гринберг определяет следующим образом: «Это особым образом вырастающие на социально-экономической основе, т.е. проходящие предварительно через нравственное сознание общества, класса, социальной группы, отношения между людьми, субъектами которых могут быть индивиды или человеческие коллективы любой степени общности, отношения, направленные на реализацию сложившихся в соответствующем общественном сознании нравственных норм и выражающиеся в действиях одних субъектов, вызывающих нравственную реакцию у других» [3].

Общественная нравственность – исторически изменчивое явление, которое зависит от конкретных социально-экономических, политических, культурных условий жизни общества. Однако существует система ценностей общечеловеческих и вечных, лежащих в основе общественной нравственности во все времена и повсюду.

Как отмечено ранее, непосредственный основной объект конкретных преступлений, посягающих на общественную нравственность, следует связывать с какой-то определенной ее сферой. Определение его содержания позволит осуществить и классификацию названных деяний.

Проанализировав соответствующие статьи УК, рассмотрев вопрос о том, какие именно аспекты нравственности затрагивает совершение каждого из исследуемых посягательств, мы разделили преступления против общественной нравственности на следующие группы:

1. Преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры обще-

ства (вовлечение в занятия проституцией – ст. 240 УК; получение сексуальных услуг несовершеннолетнего – ст. 240.1 УК РФ; организация занятия проституцией – ст. 241 УК; незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов – ст. 242 УК; изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних – ст. 242.1 УК; использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов – ст. 242.2 УК).

2. Преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений (уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей, – ст. 243 УК; нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия, – ст. 243.1 УК; незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – ст. 243.2 УК; уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере – ст. 243.3 УК; надругательство над телами умерших и местами их захоронения – ст. 244 УК).

3. Преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы (жестокое обращение с животными – ст. 245 УК).

Соответственно, непосредственным основным объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 240, 240.1, 241, 242, 242.1 и 242.2 УК, выступает совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения общественной нравственности в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества.

Непосредственным основным объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3 и 244 УК, является совокупность общественных отношений в области обеспечения общественной нравственности в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений.

Непосредственный основной объект преступления, предусмотренного ст. 245 УК, – совокупность общественных отношений в сфере обеспечения общественной нравственности в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы.

Большинство преступлений против общественной нравственности относятся к категории многообъектных посягательств. Их совершением, как правило, подвергается вредному воздействию не одно, а несколько находящихся под уголовно-правовой охраной общественных отношений.

В качестве дополнительных и факультативных объектов преступлений против общественной нравственности выступают следующие группы общественных отношений:

1. Общественные отношения в сфере обеспечения здоровья личности (для преступлений, предусмотренных ст.ст. 240, 241, 244 УК). В качестве квалифицирующего признака для всех этих деяний закон предусматривает их совершение с применением насилия или угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 2 ст. 244).

2. Отношения собственности (для преступлений, предусмотренных ст.ст. 243, 243.1, 244 и 245 УК). Уничтожение и повреждение любого имущества (к нему относятся, в том числе, памятники, иные предметы, имеющие культурную или историческую ценность, надмогильные сооружения, кладбищенские здания, домашние, цирковые, находящиеся в зоопарках животные) причиняет имущественный вред, требует дополнительных затрат на восстановление, если оно возможно. Соответственно, отношения собственности тоже подвергаются негативному воздействию в ситуациях совершения названных преступлений.

3. Общественные отношения в сфере обеспечения нормального физического, психического и нравственного развития несовершеннолетних (для преступлений, предусмотренных ст.ст. 240, 240.1, 241, 242, 242.1, 242.2 УК), а также нормальное моральное развитие малолетних (для деяния, предусмотренного ст. 245 УК). Не вызывает сомнений, что совершение всех этих посягательств в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, пагубно сказывается на процессе их формирования. Поэтому для двух из них закон предусмотрел квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего» (ч. 3 ст. 240; п. «в» ч. 2 ст. 241 УК). В ч. 3 ст. 241 УК указано такое особо квалифицирующее обстоятельство, как использование для занятия проституцией лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Потерпевшими согласно ст. 240.1, 242.1 и 242.2 УК являются только несовершеннолетние лица, а квалифицирует деяния их совершение в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста (п. «б» ч. 2 ст. 242.1 и п. «в» ч. 2 ст. 242.2 УК). Одним из признаков объективной стороны жестокого обращения с животными является совершение деяния в присутствии малолетних (ч. 1 ст. 245 УК).

4. Общественные отношения в сфере обеспечения реализации конституционного запрета на разжигание политической, идеологической, социальной, расовой, национальной или религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ). Этот объект нарушается при совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 244 УК, при условии, если мотивом поведения виновного являлась политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы [4].

Выявление круга дополнительных и факультативных объектов преступления имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку их наличие влияет на решение вопросов квалификации совершенных деяний.

Литература:

1. См.: Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 238.

2. См. также: Большая советская энциклопедия. Т. 16. М., 1974. С. 559; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том второй: «И»-«О». М., 2002. С. 918; Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1995. С. 139; Краткая российская энциклопедия. Том 2 «К-Р» / сост. В.М. Карев. М., 2004. С. 572; Курс уголовного права. Том 4: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 349; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 423; Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А.И. Коробеева. СПб., С. 239; Сучкова В.В. Общественная нравственность в сфере половых отношений как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20.

3. Гринберг Л.Г. Нравственные отношения. Л., 1971. С. 33-34.

4. См. также: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 555.

Л. П. СИДОРЕНКО

*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»*

*кандидат исторических наук
(Россия)*

L. P. SIDORENKO

*Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Executive Law
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"*

*Candidate of Historical Sciences
(Russia)*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОТБЫВАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЗАКЛЮЧЕННЫМ ПОД СТРАЖУ

ORGANIZATION OF HEALTH CARE TO PERSONS FOR PENALTIES IN THE PLACES OF DEPRIVATION OF FREEDOM AND PRISONER

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, особенности получения медицинской помощи беременным женщинам.

Ключевые слова: медицина, осужденные, исправительные учреждения.

Annotation. In the article the questions of organization of medical assistance to persons serving sentences in places of deprivation of liberty, especially the medical care of pregnant women.

Keywords: medicine, convicts, correctional facility.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, как и право на жизнь являются неотъемлемыми правами каждого человека. Правовой статус осужденного основывается на общем правовом статусе граждан России, поскольку в ст. 6 Конституции РФ прямо указывается на то, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства [1].

Органами, контролирующими места лишения свободы, являются: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; суд; Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры; Президент РФ, Председатель Правительства РФ, члены Совета Федерации; представители средств массовой информации. Все они призваны выявлять факты и обстоятельства, создающие угрозу жизни и здоровью осужденных.

Администрация исправительных учреждений обязана следить за соблюдением в зонах санитарно-гигиенических норм, правил по технике безопасности в процессе трудовой деятельности осужденных, оснащением исправительных учреждений необходимыми медикаментами и своевременным помещением больных лиц в лечебные исправительные учреждения.

На 1 апреля 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 623 642 чел., в том числе в следственных изоляторах (СИЗО) и тюрьмах 110 400 чел. тыс., в исправительных колониях – 572 тыс. человек.

В уголовно-исполнительной системе 67 медико-санитарных частей ФСИН России функционируют 673 медицинских части, 143 фельдшерских и 57 врачебных здравпунктов, 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 73 военно-врачебные комиссии, 72

центра санитарно-эпидемиологического надзора, 144 больницы (в том числе 65 туберкулезных больниц, 5 психиатрических больниц, 8 больниц для оказания медицинской помощи сотрудникам ФСИН России) [2].

В структуре заболеваемости лиц, находящихся в местах лишения свободы, первое место занимают болезни органов дыхания (23,5%), второе – психические расстройства (19,6%), третье – инфекционные и паразитарные болезни (17,3%).

Одним из важных положений, направленных на повышение эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы, является закрепление в УИК РФ различных видов условий отбывания наказания в рамках конкретного исправительного учреждения. Медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы представляют собой создание совокупности условий содержания осужденных, предназначенных для удовлетворения их потребностей в пище, одежде, жилище, медицинском обслуживании. Иными словами, речь идет о микросоциальных условиях отбывания наказания, нормальном существовании человека в местах лишения свободы. Общим правилом служит то, что уровень цивилизованности этих условий не должен отставать от уровня цивилизованности страны с тем, чтобы не вызвать нарушений правопорядка в исправительных учреждениях и отвыкания осужденных от жизни на свободе, которое способствует рецидиву после освобождения от отбывания наказания.

Порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений органов здравоохранения и привлечения для этих целей их медицинского персонала устанавливается законодательством Российской Федерации, нормативными актами Министерства юстиции и Министерства здравоохранения России.

С целью реализации медико-санитарного обеспечения в местах лишения свободы организуется лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным (ст. 101 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК)), которая предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (приведены ст.ст. 19-21) и законодательством Российской Федерации.

Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с настоящими Правилами и законодательством РФ, а порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования учреждений органов здравоохранения и привлечения их медицинского персонала устанавливается законодательством, нормативными правовыми актами Минздрава РФ и Минюста РФ. В исправительных учреждениях осуществляется: медицинское обследование и наблюдение осужденных в целях профилактики у них заболеваний, диспансерный учет, наблюдение и лечение методами и средствами, рекомендованными Министерством здравоохранения РФ, а также определение их трудоспособности. В случаях, когда необходимая медицинская помощь не может быть оказана в лечебно-профилактических учреждениях и лечебных исправительных учреждениях, осужденные могут быть направлены, как правило, в территориальные лечебно-профилактические учреждения органов здравоохранения.

В исправительных учреждениях обеспечивается строгое выполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических норм и требований. Все осужденные, прибывшие в исправительное учреждение, проходят первичный медицинский осмотр и комплексную санитарную обработку, включающую в себя помывку, обработку одежды в дезкамере, короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов (для мужчин), подмышечных впадин. В соответствии с медицинскими показаниями может быть произведена полная стрижка волосяного покрова. Осужденные в карантинных отделениях проходят обязательное медицинское обследование, включающее в себя осмотр врачами-

специалистами, рентгенофлюорографическое и лабораторное исследование. Результаты обследования регистрируются в медицинской амбулаторной карте осужденного. Прием осужденными медицинских препаратов, полученных от родственников, осуществляется строго по медицинским показаниям и только под контролем медперсонала ИУ.

Осужденные, по их желанию, могут получать любую, оплаченную за счет собственных средств, дополнительную лечебно-профилактическую помощь, оказываемую специалистами органов здравоохранения в условиях лечебно-профилактических учреждений и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для этого осужденный обращается с соответствующим заявлением к начальнику исправительного учреждения, где указывает вид дополнительной лечебно-профилактической помощи, которую он хотел бы получить, фамилию, имя, отчество медицинского специалиста. При решении данного вопроса учитывается мнение медицинских работников исправительного учреждения.

Заявление рассматривается в трехдневный срок, и определяется время прибытия медицинского специалиста. По прибытии специалиста устанавливается наличие у него права на занятие медицинской деятельностью.

Вид дополнительной лечебно-профилактической помощи и ее объем фиксируются в медицинской карте осужденного.

Оплата дополнительной лечебно-профилактической помощи осуществляется путем почтового (телеграфного) перевода денег с лицевого счета осужденного в адрес медицинского учреждения либо медицинского специалиста, ее оказавшего, в сумме, указанной в заявлении осужденного.

Если осужденные переводятся в лечебно-профилактические учреждения из штрафных изоляторов, либо помещений камерного типа колоний общего, строгого режимов, ЕПКТ, равно как из одиночных камер колоний особого режима, либо со строгого режима в тюрьмах в связи с симуляцией болезни, время их нахождения в лечебно-профилактическом учреждении в срок отбывания меры взыскания не засчитывается.

К осужденным, нарушающим установленный порядок отбывания наказания, могут применяться все предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством меры взыскания, если их исполнение не противоречит медицинским показаниям. Распорядок дня лечебных исправительных учреждений включает в себя лечебные мероприятия. Проверки наличия осужденных производятся по изолированным участкам либо палатам путем количественного подсчета и пофамильной переклички не реже двух раз в сутки.

Медицинская помощь оказывается осужденным амбулаторно или стационарно. В исправительных учреждениях медицинские части организуют ежегодную диспансеризацию осужденных для выявления и профилактики заболеваний. Медицинские пункты могут быть организованы и на производственных объектах. Заболевшие осужденные помещаются в стационар колонии, а если им требуется длительное или специализированное лечение направляются в специализированные республиканские, межрегиональные или региональные больницы уголовно-исполнительной системы. При необходимости больных осужденных можно разместить в больницах системы здравоохранения с организацией охраны осужденного. Для консультирования может привлекаться медицинский персонал органов здравоохранения. Иногда в исправительных учреждениях встречаются факты отказа осужденных от приема пищи. Если это ставит в опасность их жизнь, то к ним может применяться принудительное питание по медицинским показаниям [3].

В лечебных учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденные содержатся независимо от определенного им режима. Изолированно от других содержатся только лица, совершившие преступления при особо опасном рецидиве и лица, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы. Они размещаются в пала-

тах тюремного типа. Осужденным в лечебных учреждениях, как правило, длительные свидания не предоставляются. Краткосрочные свидания они получают по нормам, установленным для соответствующих видов исправительных учреждений. В случае тяжелой болезни осужденного, ставящей в опасность его жизнь, начальник исправительного либо лечебного учреждения предоставляет близким родственникам осужденного возможность посетить его. Такое посещение в счет очередного свидания не зачитывается.

В случае нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденные несут ответственность на общих основаниях, но они не могут быть переведены в помещения камерного типа и одиночные камеры, а при помещении в штрафные изоляторы получают питание по больничной норме и имеют право на прогулку продолжительностью до двух часов в день. Злостные нарушители режима выписываются из лечебного учреждения, если их заболевание не представляет опасности для жизни и здоровья самого больного и окружающих. Если осужденные, больные туберкулезом и содержащиеся в исправительных учреждениях на правах лечебных, допускают систематические нарушения дисциплины и режима лечения, они могут быть переведены в помещения камерного типа на срок до шести месяцев. Однако лечение их продолжается, они обеспечиваются питанием по больничной норме и ежедневно получают прогулку продолжительностью два часа.

Принудительное лечение от алкоголизма или наркомании проводится в медицинских частях обычных колоний или в лечебных исправительных учреждениях во время отбывания наказания. Если во время отбывания наказания выяснится, что осужденный является алкоголиком или наркоманом, администрация исправительного учреждения входит в суд с представлением о применении к осужденному принудительного лечения.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает ряд особенностей материально-бытового и медицинского обеспечения осужденных беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных колониях. В ряде исправительных колоний, где содержатся женщины, имеющие детей, организованы дома ребенка. В них создаются условия, необходимые для нормального развития детей. Женщины вправе помещать в дома ребенка своих детей в возрасте до трех лет. Если к моменту, когда ребенку исполняется три года, оставшийся к отбытию срок наказания матери не превышает одного года – ребёнок оставляется до ее освобождения. При большем сроке наказания он направляется в соответствующее детское учреждение, передается родственникам или иным лицам. По желанию женщин их дети могут быть переданы родственникам или по решению органов опеки и попечительства иным лицам в любое время. Матери разрешается общаться с ребенком в свободное от работы время без ограничения. В колониях, где для этого имеются условия, может быть разрешено совместное проживание матери с ребенком.

Осужденным беременным женщинам и кормящим матерям разрешается получать продовольственные посылки и передачи в ассортименте, определяемым медицинским заключением. Беременные женщины, а также женщины по время родов и после родов получают специализированную медицинскую помощь.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с попр.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. <http://фсин.рф/>.
3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

А. А. СИДОРОВ

*доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

A. A. SIDOROV

*Associate Professor of the Department of Administrative Law and Law Enforcement
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

**ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
ПРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ**

**DAKTILOSCOPIC IDENTIFICATION SYSTEMS USED IN INVESTIGATION
OF CRIMES IN THE SPHERE OF SECURITY OF PUBLIC HEALTH, PUBLIC
MORALITY AND OTHER SOCIAL IMPORTANT INTERESTS**

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и проблемы использования автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: криминалистический учет, дактилоскопическая регистрация, автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы, компьютерные технологии, телекоммуникационная система, учетная информация, автоматизация.

Annotation. In article relevance and problems of use of the automated dactyloscopic identification systems in disclosure and investigation of crimes is considered.

Keywords: the criminalistic account, dactyloscopic registration, the automated dactyloscopic identification systems, computer technologies, telecommunication system, registration information, automation.

Первые попытки внедрения ЭВМ в юридическую деятельность были предприняты в первую очередь в области автоматизации криминалистических учётов и в частности дактилоскопических.

Научно-технический прогресс оказывает на институт судебной экспертизы чрезвычайно сильное и многостороннее влияние. Оно выражается в том, что за последние годы значительно усовершенствовалась материальная база экспертных подразделений, проводится работа по внедрению нового и развитию существующего технического, программного и технологического обеспечения для решения судебно-экспертных задач. Работа эксперта компьютеризируется, автоматизируются различные стороны ее деятельности, позволяя экономить время и концентрироваться на более важных и значимых участках.

Определенные трудности заключались в проверке по следотекам и дактилокартотекам ведущихся в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел следов пальцев рук, изымаемых с мест нераскрытых преступлений и дактилокарт лиц представляющих оперативный интерес.

В соответствии с ведомственными приказами и инструкциями оперативные подразделения ОВД являются инициаторами этих проверок, результаты которых, эксперт оформляет справкой.

Начиная с конца 80-х годов в силу определенных факторов в нашей стране, начался значительный рост преступности.

Во много раз возросло количество совершаемых по сравнению с предыдущими годами преступлений, вследствие этого возросли массивы указанных картотек, качественная проверка, по которым следов и дактилокарт стала невозможной. Поэтому остро встала проблема оснащения экспертно-криминалистических подразделений ОВД автоматизированными дактилоскопическими идентификационными системами. Попытки автоматизации данной стороны деятельности уже были, но положительных результатов не дали, проверка продолжала осуществляться по «старинке», визуально с помощью дактилоскопической лупы. Существовавшие зарубежные системы имели высокую цену, у них не было адаптации к российской специфике (требовалось более высокое качество изымаемых следов и дактилокарт).

Активно работы по созданию отечественных АДИС начались в 1989 г. Была изучена возможность автоматизации распознавания отпечатков пальцев с помощью персональных компьютеров, разработаны алгоритмы, программы фильтрации и сжатия изображений, автоматического индексирования отпечатков пальцев, проведены исследования методов идентификации изображений отпечатков. В 1992 году созданы отечественные АДИС. С 1993 года Экспертно-криминалистическим центром МВД РФ проводится эксперимент по внедрению АДИС в органах внутренних дел. В базовых экспертно-криминалистических подразделениях МВД России размещены для опытной эксплуатации АДИС «Сонда», «Папилон», «Поиск», «Дакто-про», «Армэк» и др.

Автоматизация преследует многие цели, основными из которых являются: оперативность (короткий промежуток времени между запросом и получением результата), возможность выяснения преступлений совершённых одним лицом на определённой территории, доступность сотрудникам низовых звеньев (оперативных работников райотделов, участковых) и т.д.

В 1993 году, на базе ЭКУ УВД Краснодарского края была установлена АДИС «Сонда». Данная система была размещена в 18 экспертно-криминалистических подразделениях края. Вместе с тем в крае была установлена и неплохо зарекомендовала себя АДИС «Папилон» (УВД г.г. Сочи, Туапсе, Лабинский ОВД). Недостатком в функционировании двух систем являлось отсутствие обмена банками данных между ними.

Поэтому в 2008 году в ЭКЦ ГУВД Краснодарского края была внедрена АДИС «Папилон». Применение данной системы зарекомендовало себя с положительной стороны, но вместе с тем были выявлены и слабые стороны, а именно невозможность установления стабильной связи между комплексом и базовой АДИС в ГУВД КК. Данный недостаток лишил данную систему основного преимущества – оперативности, приравнивая ее к обычному рабочему месту со стационарным компьютером.

Автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы осуществляют следующие функции:

- 1) Ввод изображений и дактилокарт в память компьютера;
- 2) Обработка и индексирование (копирование) дактилоскопических изображений. Обозначаются признаки узора папиллярных линий (в среднем 15 – 17 признаков).
- 3) Хранение введенной информации в базе данных.
- 4) Поиск в базе данных по запросной информации и выдача рекомендательных списков поисковых образов.

При вводе в базу данных новых дактилокарт выполняется поиск по всем ранее введенным отпечаткам и массиву следов, обновляются рекомендательные списки (поиски «карта – карты» и «карта – следы»).

Аналогичные проверки выполняются при вводе каждого нового следа (поиски «след – отпечатки» и «след – следы»). Оператору предоставляется возможность сравнить на экране монитора изображение запросного следа и отпечатков из рекомендательного списка с выделением отдельных фрагментов в увеличенном масштабе. Специальный указатель отмечает точки следа и отпечатка, признанные системой схожими.

Рекомендательный список позволяет визуально установить степень соответствия следа отпечатку. При желании оператор может детально исследовать на экране монитора фрагменты изображения.

Разработка автоматизированных дактилоскопических систем идет по пути постоянного совершенствования версий, совершенствуется, и компьютерная техника отсюда возникает возможность создания массивов в миллион и более отпечатков. Однако здесь возникает острая проблема: с увеличением базы данных увеличивается и рекомендательный список, предоставляемый оператору для исследования. Для сокращения рекомендательного списка требуются более качественные следы, изымаемые с мест совершения нераскрытых преступлений и изготавливаемых дактилокарт. По нашему убеждению для улучшения качества изымаемых следов требуется обеспечить участие специалиста-криминалиста во всех осмотрах мест происшествия в случаях, когда необходимы специальные познания, поскольку только благодаря нему обнаруживается, закрепляется и изымается большая часть следов.

Специалист-криминалист участвует на всех стадиях осмотра. На стадии общего осмотра, он оказывает помощь следователю в разработке плана детального осмотра, в частности, в выборе метода осмотра, определении последовательности осмотра, способов поиска следов и других вещественных доказательств, а также в выборе научно-технических, поисковых и вспомогательных средств для этих поисков.

На стадии детального осмотра специалист-криминалист использует наиболее эффективные средства и методы обнаружения следов и вещественных доказательств. Познания криминалиста позволяют ему с большей точностью и учетом конкретных условий выбрать нужные методы и средства для обнаружения и фиксации следов.

На заключительной стадии осмотра места происшествия специалист помогает следователю изъять и упаковать обнаруженные следы и предметы. Обладая большим, чем следователь, опытом и знаниями способов изъятия и упаковки следов и других вещественных доказательств, криминалист проводит эту работу более квалифицированно, чтобы обеспечить их сохранность для последующего исследования.

Следственный чемодан необходимо оснащать полным набором порошков для изъятия следов с различных поверхностей, различного срока давности. Вместе с тем специалист выезжает на место происшествия, имея в чемодане один дактилоскопический порошок (сажа), что в отдельных случаях ведет к изъятию некачественного следа, с недостаточным количеством признаков, а то и к утрате вещественного доказательства. Касаясь дактилокарт, можно сказать, что только опытный работник, проводящий дактилоскопирование, может добиться удовлетворительного качества. Основная масса дактилокарт поступает из дежурных частей ОВД, работники которых, не имеют навыков дактилоскопирования, поэтому часто на дактилокарте возникают смазы, непропечатки, залипания, ошибки порядка прокатки. При последующем контроле качества отбраковывается до 80 % дактилокарт.

На наш взгляд, наиболее удачным выходом из данной ситуации было бы оснащение дежурных частей настольными комплексами «Папилон», в комплект которых входит дактилоскопический ладонный сканер Папилон ДС-45(ДС-45М) или пальцевый сканер Папилон ДС-30Н (ДС-30НМ).

Однако это оснащение потребует значительных финансовых затрат, а средств выделяемых из бюджета явно не хватает.

В целом мероприятия, реализованные МВД России в рамках Программы по внедрению АДИС регионального, межрегионального и федерального уровней, позволили существенно увеличить количество раскрываемых преступлений с использованием дактилоскопических учетов.

Среди проблем, также остро стоит вопрос ежегодного сервисного обслуживания оборудования АДИС.

В завершении хотелось бы отметить, что несмотря на положительный опыт использования АДИС в РФ, некоторые цели, на наш взгляд остались не достигнуты: оперативность, нет быстрого обмена данными между базами данных, доступность сотрудников работающих на «земле» к базам следов и дактилокарт системы «Папилон». Им нужно писать запросы в ЭКЦ ГУВД края за это время преступник может скрыться. Необходимо организовать доступ из каждой патрульной машины, рабочего места оперативного работника участкового инспектора, следователя к данной информации.

И. А. СУШКОВА

*заведующая кафедрой гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

Х. С. НОЗИМОВ

*студент юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Таджикистан)*

I. A. SUSHKOVA

*Head of the Department of Civil Law and Process
ANOVO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

H. S. NOZIMOV

*Student of the Faculty of Law
ANOVO "Kuban Social and Economic Institute"
(Tajikistan)*

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ, СВЯЗАННЫХ С ПОДДЕРЖАНИЕМ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ

RENDERING OF MEDICAL SERVICES, DUPLICATED WITH THE PUBLIC HEALTH SUPPORT: LEGAL REGULATION OF CONSUMER RIGHTS

Аннотация. В статье рассмотрены права потребителя-пациента, начиная от конституционных гарантий на охрану здоровья и заканчивая специальным законодательством о защите прав потребителей, включая права потребителя на информацию, на качество и безопасность потребляемых услуг.

Ключевые слова: право на здоровье, права потребителей, медицинские услуги, качество и безопасность медицинских услуг.

Annotation. The article deals with the rights of a consumer-patient, starting from constitutional guarantees for health protection and ending with a special legislation on the protection of consumers' rights, including consumer rights for information, on the quality and safety of consumed services.

Keywords: right to health, consumer rights, medical services, quality and safety of medical services.

Право человека на охрану здоровья в действующей Конституции РФ (ст. 41) обеспечивается целой системой гарантий [1], в числе которых едва ли не самой значимой является гарантия качественной, доступной и бесплатной медицинской помощи в объеме, предусмотренном федеральной (Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») и региональными (Закон Краснодарского края от 30.06.1997 N 90-КЗ «Об охране здоровья населения Краснодарского края») базовыми программами государственных гарантий [2, 3].

Понятно, что объем бесплатной медицинской помощи далеко не всегда удовлетворяет необходимые потребности по поддержанию здоровья, поэтому медицинская помощь может быть получена уже за плату. Платная медицинская помощь, будучи дополнительной по отношению к бесплатной, указанными программами именуется платными ме-

медицинскими услугами и предоставляется на основании договоров между гражданином-потребителем и медицинской организацией об оказании платных медицинских услуг, а также договоров между медицинскими организациями и иными юридическими лицами (к примеру, работодателями) по оказанию медицинских услуг работникам и членам их семей. Такая помощь может быть также получена через систему добровольного медицинского страхования за счет средств самих граждан или юридических лиц. Посредством этих договоров реализуется право пациента на получение медицинских услуг.

Система законодательства, закрепляющего права потребителей в сфере медицинских услуг, строится по двум уровням. В систему общего законодательства, действующего в сфере любых услуг, включая медицинские, входят гл. 39 ГК РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей» [4]. Этот Закон является специальным по отношению к ГК РФ, так как сфера его действия ограничена специфическим субъектным составом участников соответствующего правоотношения.

В преамбуле Закона четко сформулировано понятие «потребитель», которым является физическое лицо, приобретающее или намеренное приобрести товары, работы или услуги для личных (домашних, бытовых, семейных) нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Иными словами, действие данного Закона распространяется на граждан, получающих медицинские услуги лично для себя или, к примеру, для членов своей семьи. Не считаются потребителями страховые медицинские организации, работодатели или иные юридические лица, заказывающие медицинские услуги в пользу граждан – третьих лиц.

Общее и специальное законодательство закрепляет две группы прав потребителя в сфере оказания медицинских услуг. К первой группе относятся права, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, ко второй – права пациента. Такими правами пациента являются: право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, право на отказ от лечения или на его прекращение, право на обследование, на облегчение боли, на уважение и гуманное обращение, право на сохранение в тайне обращения за оказанием медицинских услуг. Эти права изложены достаточно конкретно и не требуют особых комментариев [5]. Гораздо больше сложных вопросов возникает при применении в сфере медицинских услуг законодательства о правах потребителей. На некоторых из них имеет смысл остановиться подробнее.

В соответствии со ст. 4 Закона о защите прав потребителей потребитель имеет право на оказание медицинских услуг надлежащего качества. В п. 1 этой статьи указано, что качество товаров, работ или услуг должно соответствовать договору. Если в договоре условия о качестве не регламентированы, оно должно соответствовать обычно предъявляемым требованиям к услугам такого рода. К сожалению, ни Основы, ни Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг не содержат критериев, определяющих качество медицинской услуги [6].

Под качеством медицинской услуги следует понимать совокупность свойств и характеристик медицинской услуги, соответствующих уровню современной медицинской науки и оснащенности медицинской организации, отражающих ее соответствие медицинским технологиям, способных снижать риск прогрессирования имеющегося у пациента заболевания и возникновения нового патологического процесса.

Возникает вопрос, существуют ли стандарты качества медицинских услуг? Вопрос о стандартах медицинской помощи и о стандартах качества медицинской помощи ни в медицинской, ни в правовой науке не получил достаточно ясного решения. Существуют стандарты медицинской помощи по различным видам заболеваний [7-10]. Однако эти стандарты определяют не столько качество медицинской помощи, сколько ее объем, методы диагностики и лечения, комплекс диагностических, лечебных, реабилитационных ме-

роприятий и т.п. Понятно, что в каждом конкретном случае эти стандарты корректируются в зависимости от характера и тяжести заболевания, индивидуальных особенностей организма и т.д. Медицинские работники весьма скептически относятся к применению стандартов медицинской помощи.

При оценке качества медицинских услуг следует учитывать положение, содержащееся в п. 4 ст. 4 Закона о защите прав потребителей, согласно которому в случаях, если исполнитель услуг знал о цели соответствующей услуги, то их качество должно соответствовать этой цели. Представляется, что такая оценка качества медицинских услуг особенно важна при их оказании лицам определенных профессий: певцам, спортсменам, музыкантам и т.д.

В соответствии со ст. 5 Закона о защите прав потребителей услугополучатель должен быть информирован о сроках службы приобретаемого товара, о гарантийных сроках на товары, работы и услуги. Применительно к обязательствам по оказанию медицинских услуг эта норма может учитываться при оказании ортопедической и зубопротезной платной медицинской помощи, в связи с чем исполнитель услуги должен информировать потребителя не только о сроках службы зубных или иных протезов, но и о негативных последствиях их использования за пределами этих сроков. К ортопедическим и зубопротезным медицинским услугам вполне применимы те положения Закона о защите прав потребителей, которые предписывают исполнителю работ или услуг устанавливать гарантийные сроки как на изделия, т.е. сами протезы, так и на выполненную работу по их установке. Соответственно стоматологические клиники или врачи-стоматологи, занимающиеся частной практикой, отвечают за недостатки не только выполненной работы, но и материалов, из которых изготовлены протезы.

Статья 7 Закона о защите прав потребителей предусматривает право потребителей на безопасность. В соответствии с этим положением потребитель медицинских услуг должен быть информирован о наличии противопоказаний при применении медикаментозных средств или определенных методов диагностики и лечения. Такая информация должна быть предварительной; соответствующие сведения должны быть сообщены потребителю до начала оказания соответствующих медицинских услуг, так как от этого зависит решение вопроса о том, следует ли давать согласие на соответствующее медицинское вмешательство. Это приобретает особую важность при проведении хирургических операций или иных процедур, основанных на новых, недостаточно апробированных медицинских технологиях. В п. 2 ст. 7 Закона обращено особое внимание на то, что вред, причиненный жизни или здоровью потребителя, подлежит возмещению, что является эффективной гарантией реализации права на безопасность.

В качестве гарантии реализации права потребителей на информацию в ст. 12 Закона о защите прав потребителей предусмотрена ответственность за неполучение полной и достоверной информации. Имущественная ответственность выражается в возмещении убытков, выплате пени, неустойки. Если в результате получения неполной или недостоверной информации потребителю причинен вред, он подлежит полному возмещению. Применение имущественной ответственности не освобождает исполнителя медицинской услуги от ее оказания.

Особую важность представляет вопрос об ответственности исполнителя за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора в сфере оказания медицинских услуг. Необходимо различать договорную и внедоговорную ответственность в этой сфере. В принципе характеристика противоправного поведения выражается в несоблюдении требований, предъявляемых к методам профилактики, диагностики и лечения. Если последствия ненадлежащего исполнения договора ограничиваются отсутствием ожидаемых от лечения результатов, дальнейшим прогрессированием существующего заболевания или несниже-

нием риска ухудшения состояния здоровья или возврата болезни, возвратом существующих и риском появления новых патологических процессов и т.п., ответственность наступает в рамках договора и выражается в уплате неустойки, в возмещении убытков, в уменьшении стоимости услуги, в возврате части аванса, в оказании новой услуги с зачетом суммы аванса, подлежащего возврату, или суммы неустойки. При этом уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают исполнителя от оказания услуг. Потребитель вправе также расторгнуть договор, обратиться в другую медицинскую организацию и потребовать от прежнего исполнителя услуг возмещения вызванных этим убытков [11].

В случае если в результате ненадлежащего исполнения договора причинен вред жизни или здоровью лица, которому оказаны медицинские услуги, наступает внедоговорная (деликтная) ответственность в соответствии с параграфом 3 гл. 59 ГК РФ. Вред возмещается потребителю независимо от того, состоял ли он в договорных отношениях с медицинской организацией [12]. Ответственность исполнителя возникает независимо от его вины, если вред причинен вследствие конструктивных недостатков материалов, изделий или оборудования, с помощью которых производились диагностические, лечебные или иные мероприятия, входящие в комплекс медицинских услуг, вследствие рецептурных недостатков лекарственных средств, которые выдавались больному в стационаре, иных недостатков, которые чаще всего выражаются в так называемой врачебной ошибке, под которой следует понимать нарушение требований, предъявляемых к методам диагностики, лечения, профилактики, реабилитации. Основанием ответственности также является так называемая ятрогения (заболевание «от врача», т.е. побочные эффекты лечения). Ответственность в этом случае наступает, если ятрогения явилась следствием врачебной ошибки или если она была неизбежной, но пациент не был об этом заранее информирован.

В соответствии со ст. 14 Закона о защите прав потребителей медицинская организация может быть освобождена от ответственности, если докажет, что вред причинен вследствие несоблюдения пациентом предписаний врача, нарушения диеты, режима приема лекарств, употребления во время лечения спиртных напитков, наркотических средств, курения и т.п., при условии, если пациент был информирован не только о том, как он должен вести себя во время лечения, но и о последствиях нарушения предписаний. Подобные положения содержатся также в ст. 1098 ГК РФ. Основанием освобождения от ответственности исполнителя услуг является также непреодолимая сила, под которой в медицинской практике иногда понимаются такие индивидуальные особенности организма пациента, которые невозможно было учесть ввиду их неизвестности медицинской науке и т.п.

Имущественная ответственность за причинение вреда жизни или здоровью пациента выражается в возмещении утраченного заработка, дополнительных расходов, вызванных повреждением здоровья, понесенных фактически, или расходов, которые пациент понесет в будущем, расходов на погребение в случае смерти пациента и в компенсации морального вреда. В соответствии со ст. 15 Закона о правах потребителей компенсация морального вреда возможна лишь при наличии вины медицинской организации, за исключением случаев причинения вреда жизни или здоровью пациента вследствие конструктивных, рецептурных и иных недостатков. Компенсация морального вреда осуществляется не только при причинении вреда жизни или здоровью пациента или при нарушении условий договора по вине медицинской организации, но и при нарушении абсолютных прав пациента, к примеру, при разглашении врачебной тайны.

Литература:

1. Соколенко Н.Н., Багнюк Д.В. Реализация конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации в условиях модернизации здравоохранения: некоторые аспекты // Социальное и пенсионное право. 2015. № 3. С. 45-50.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
3. Об охране здоровья населения Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 30.06.1997 г. № 90-КЗ (ред. от 18.07.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
4. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 03.07.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
5. Решетов Г.А. Юридическая безопасность потребителей медицинских услуг: анализ угроз // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 52-55.
6. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: постановление Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006 // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
7. Об утверждении стандарта скорой медицинской помощи при обмороке (синкопе) и коллапсе: приказ Минздрава России от 05.07.2016 г. № 461н (зарегистрировано в Минюсте России 22.07.2016 г. № 42958) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
8. Об утверждении стандарта скорой медицинской помощи при астматическом статусе: Приказ Минздрава России от 05.07.2016 г. № 469н (зарегистрировано в Минюсте России 18.07.2016 г. № 42898) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
9. Об утверждении стандарта скорой медицинской помощи при острой головной боли: Приказ Минздрава России от 05.07.2016 г. № 463н (зарегистрировано в Минюсте России 18.07.2016 г. № 42900) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
10. Об утверждении стандарта скорой медицинской помощи при судорогах, эпилепсии, эпилептическом статусе: приказ Минздрава России от 05.07.2016 г. № 468н (зарегистрировано в Минюсте России 15.07.2016 г. № 42863) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
11. Стукалин В.Б. К вопросу об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи и медицинских услуг // Общество и право. 2008. № 2.
12. Камалиева Л.А. Медицинские услуги, опасные для жизни и здоровья потребителей // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 65-67.

II Раздел:
«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества, государства»

А. П. ДРИГУЛЯС

*студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

A. P. DRIGULAS

*student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

**ЗАДЕРЖАНИЕ С ПОЛИЧНЫМ И ЕГО РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

**DETENTION OF THE ACT AND ITS ROLE IN ESTABLISHING
THE CIRCUMSTANCES OF BRIBERY IN THE PUBLIC SERVICE**

Аннотация. В представленной статье проводится анализ понятия и признаков задержания с поличным государственных служащих при совершении взяточничества. Раскрывается проблема оперативного эксперимента в качестве способа раскрытия преступления. Автор предлагает закрепить в законодательстве критерии оценки информации о совершении взяточничества, а так же автор подчеркивает необходимость разработки алгоритма действий при проверке преступления, с точки зрения экспертной деятельности.

Ключевые слова: Взятка, коррупция, государственная служба, оперативный эксперимент, экспертиза, задержание, обстоятельства, доказательства.

Annotation. The article analyzes the concept of detention and signs the act of civil servants in the commission of bribery. It reveals some operational experiment as a way to solve the crime. The author proposes to consolidate the legislative criteria for evaluating information about the commission of bribery, as well as the author emphasizes the need for action at the algorithm checks the crime, from the point of view of expert activities.

Keywords: Bribery, corruption, civil service, operational experiment, examination, detention, circumstances, evidence.

Задержание с поличным является ключевой составляющей плодотворного и удачного расследования и раскрытия такого вида коррупционного преступления, как взяточничество. Задержание субъекта взяточничества на месте преступления позволяет получить большое количество доказательств путем внезапности и оказания на специального субъекта (государственного служащего), который совершил преступление, психологического давления, которое вызвано, прежде всего, неожиданностью происходящего.

В науке рассматривают задержание с поличным в двух смыслах: узком и широком. В первом случае его можно рассмотреть с точки зрения оперативного эксперимента, а во втором – как определенный комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в который входят определенные составляющие, перечисленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

Существует мнение, которое вызывает серьезные споры, что оперативный эксперимент нельзя использовать в качестве способа раскрытия преступления, так как он в свою

очередь является способом подстрекательства к совершению преступления, используемым оперативными работниками в отношении должностного лица. Данная теория противоречит ранее названному Федеральному закону.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», ныне утратившем силу, говорилось, что не является провокацией взятки или коммерческого подкупа проведение предусмотренного законом оперативно-розыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе [2].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» определено, что соответствующие мероприятия будут неправомерными только в том случае, если они совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено [1], [4].

Однако нередко действия должностного лица неверно воспринимаются лицом, обратившимся в государственный орган, из-за чего последнее мнимо считает себя жертвой вымогательства взятки. В данном случае при поверхностной проверке поступившей информации правоохранительные органы будут подстрекать государственного служащего на получение взятки. Встает вопрос о закреплении положений оценки информации, полученной из «источника», чтобы удостовериться в том, было ли вымогательство, или же это фантазии обиженного заявителя.

Прежде чем проводить запланированный оперативный эксперимент, необходимо удостовериться, что сообщение о вымогательстве взятки не является предположением. Кроме опроса заявителя, должны быть проведены проверочные действия, а в определенном случае – экспертизы. Но тут появляется новая проблема: в каждом государственном органе имеются свои нюансы по предоставлению государственных услуг, базирующихся на приказах вышестоящих контролирующих органов. Некоторые положения данных приказов имеют рекомендательный характер, и орган субъекта сам уполномочен считать, что является важным критерием, предположим, к отказу в предоставлении государственной услуги, а что нет. В данном случае не каждый эксперт сможет определить, преднамеренно не выполняется услуга государственным служащим или нет.

К примеру, при регистрации юридических лиц заполняется заявление определенной формы №0001, существует приказ, в котором устанавливаются требования к заполнению и оформлению данного заявления. Однако в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица требования к строгости заполнения данного заявления будут разными [3]. Это решается непосредственно руководством государственного органа с учетом рекомендаций вышестоящего органа, не являющихся обязательными. Возникает вопрос, как оперативному сотруднику необходимо проверять правомерность в отказе и наличия вымогательства взятки в определенном случае. Самостоятельно, не прибегая к помощи специалистов из данного органа, понять суть отказа будет проблематично. Так как многие документы, на основе которых производятся отказы от предоставления государственной услуги имеют гриф «Для служебного пользования» и в открытом пользовании не находятся, для следователя будет затруднена проверка данной информации. Если же информация

не вполне объективно и всестороннее проверена, то и оперативный эксперимент будет являться подстрекательством. Таким образом, необходимо разработать алгоритм действий при проверке преступления и выявить случаи, когда необходимо прибегать к оперативному эксперименту.

Задержание с поличным имеет большое значение для раскрытия преступления. Однако законодатель не относит его к следственным действиям, даже к тем, которые производятся до возбуждения уголовного дела [5]. И это ошибка, ведь именно до этой стадии происходит захват с поличным лиц, совершивших преступление. Не существует процессуальной формы задержания с поличным. В том случае, если в протоколе нет указания на это, не осуществлен обыск, выемка, задержание и иные следственные действия, то данное явление рассматривается как недопустимое доказательство. Задержание с поличным является мерой процессуального принуждения, хотя не имеет признаков таких мер, потому что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ не установлены гарантии защиты лица от необоснованного задержания с поличным. Имеется лишь возможность внесения замечаний в протокол следственного действия или в протокол задержания.

В науке существует мнение, что задержание с поличным является оперативно-тактической комбинацией. Оно включает в себя ряд оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий [6, с. 68]. Это мнение довольно сомнительное, потому что тактическая комбинация не охватывает всю сущность и совокупность следственных и иных действий.

При задержании взяточника производится оперативно-тактическая операция, в которую входит комплекс действий, таких как: наблюдение, осмотр самой взятки, ее изъятие, осмотр лица, взявшего взятку, проведения обысков, осмотров [1].

Чтобы задержание взяточполучателя имело положительный результат, используют неожиданность и внезапность. Что касается одновременности проведения всех оперативных мероприятий, то тут необходимы некоторые уточнения. Наблюдение производят заранее при подготовке к захвату с поличным, то есть до других оперативно-розыскных мероприятий. Отличительной чертой наблюдения является то, что оно должно происходить как во время захвата взяточника, так и после.

Таким образом, задержание с поличным представляет собой комплекс мер и оперативных мероприятий, последовательно сменяющих друг друга, проводимых уполномоченными лицами при их отработанном взаимодействии. Следует отметить, что список данных мероприятий в Федеральном законе не является исчерпывающим, потому что в зависимости от ситуации будут меняться и они. Все зависит от того, как будут складываться события на первоначальном этапе производства по делу. Опираясь на результаты общения с сотрудниками правоохранительных органов и следственную практику, отметим, что именно задержание с поличным является залогом быстрого раскрытия преступления. В основном, данную операцию по задержанию делят на два этапа. Первый этап проводится до возбуждения уголовного дела, он происходит по заявлениям о взяточничестве, по материалам, опубликованным в средствах массовой информации и телекоммуникационной сети «Интернет». Второй этап осуществляется на стадии предварительного расследования. Приемы и способы задержания взяточника особо не отличаются друг от друга на этих двух стадиях. Но имеются некоторые отличия в способах фиксации обстоятельств при задержании лица с поличным при совершении преступления.

Сама операция по своему содержанию состоит из трех этапов: первая – подготовительная, вторая – рабочая и третья – заключительная. При подготовке следователь получает первоначальные данные о готовящемся преступлении, проверяет их, собирают информацию. Кроме того, следователь должен использовать прогностическую функцию для предвидения модели поведения взяточполучателя.

Вторая стадия – рабочий момент, ответственное мероприятие. Необходимо осуществлять аудио- и видеонаблюдение за субъектами взяточничества [5]. Все происходящее должно быть под контролем у следователя, потому что ситуация может выходить из-под контроля. Можно спугнуть взятополучателя. Однако в случае если человек не собирается брать взятку, нужно дать ему возможность самостоятельно отказаться от совершения преступления, а не ловить и обвинять в том, чего он не собирался делать. Необходимо также иметь в виду личностные качества взяточника, его связи. Так, государственные служащие редко не имеют связей, которые бы не могли поспособствовать сокрытию данного преступления. Некоторые взяточники, поняв, что «попались» на преступлении, пытаются уничтожить предмет взятки. Кто-то выкидывает его, кто-то сжигает, известны случаи, когда взятополучатель съел полученные деньги.

Заключительный этап представляет изъятие предмета взятки, документации и иных вещественных доказательств. Изъятие предмета должно сопровождаться документальным сопровождением [7].

Таким образом, задержание с поличным является очень важной составляющей процесса раскрытия взяточничества. Оно должно быть серьёзно подготовлено, проведено качественно. Нужно учитывать, что специальный субъект преступления – государственный служащий может грамотно продумать преступление и попытаться остаться безнаказанным, а также, наоборот, может стать жертвой несправедливого обвинения «добрых» людей.

Правильность операции осложняется непоследовательностью правового регулирования как самого задержания лица с поличным, так и оформления результатов данного мероприятия. Не существует алгоритм действий при добровольном отказе от получения взятки данным лицом. Оформляемые в данном случае документы не предусмотрены действующим законодательством, из-за чего возникают вопросы относительно их допустимости при доказывании по уголовному делу.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.02.2000 г. № 6 // СПС «КонсультантПлюс» (утратило силу).
3. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц: приказ Федеральной налоговой службы от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@ (ред. от 25 мая 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
5. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Право и закон, 1996. С. 6-11.
6. О фиксации следственного действия см.: Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.): учебное пособие. М., Тула: ЮИ МВД России, 2002. С. 70-75.
7. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2011. С. 222-223.

А. К. КОНОВАЛОВ

*студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

Ю. И. ЧЕБОТАРЬ

*студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

A. K. KONOVALOV

*student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

YU. I. CHEBOTAR

*Student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE QUESTION ON COMBATING CORRUPTION IN RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье авторы рассматривают понятие коррупции, определяют круг коррупционных преступлений, оценивают состояние борьбы с ней в Российской Федерации. На основании анализа зарубежного опыта в указанной сфере определяют наиболее важные и эффективные меры противодействия этому явлению.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, зарубежный опыт, преступления коррупционного характера, уголовная политика.

Annotation. In this article the authors consider the concept of corruption, determine the scope of corruption crimes, assess the condition of its control in the Russian Federation. Based on the analysis of foreign experience in this area they determine the most important and effective measures to counter this phenomenon.

Keywords: corruption, fight against corruption, foreign experience, corruption crimes, criminal policy.

В настоящее время не только в России, но и во всем мире остро стоит проблема борьбы с коррупцией. В связи с этим странами вырабатываются наиболее эффективная правовая база и политика в целом, направленная на противодействие коррупции.

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова «corruption» и означает «порча, подкуп». В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [1], принятом Генеральной ассамблеей ООН 17 декабря 1978 г., говорится, что понятие «коррупции» должно определяться национальным правом. Следует отметить, что в международном праве оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов, или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие.

В национальном праве России понятие коррупции закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. В ст. 1 Закона

определено, что это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение деяний, указанных выше, от имени или в интересах юридического лица. Под злоупотреблением служебным положением подразумевается весьма широкий круг преступлений, поскольку сама категория «служебное положение» охватывает всю сферу служебной деятельности (это составы, предусмотренные ст. ст. 285-289, 292, 293).

Самым ярким примером эффективной борьбы с коррупцией является Сингапур, который, получив независимость в 1965 г., стал страной с одним из высочайших уровней коррупции во всем мире. Ли Куан Ю, человек, которому удалось преломить ситуацию в стране, в июне 1959 г. победил на выборах и занял должность премьер-министра. Для борьбы с коррупцией были предприняты следующие меры: осуществлялись строгая регламентация действий чиновников и жесточайший надзор над соблюдением высоких этических стандартов. Было создано автономное Бюро по расследованию случаев коррупции (СРІВ); обеспечивалась прозрачность контроля нижестоящих чиновников вышестоящими; была введена ротация чиновников в целях избегания формирования коррупционных связей; проведение внезапных инспекций; совершенствование процедур взаимодействия с гражданами и организациями с целью исключения бюрократических проволочек; было ужесточено законодательство, повышена независимость судебной системы, введены экономические санкции за дачу взятки или отказ от участия в антикоррупционных расследованиях, а также предприняты жесткие акции вплоть до поголовного увольнения сотрудников таможни и других государственных служб. Примечательно, что коррупционеры, помимо исполнения обычного судебного приговора, обязаны были возместить стоимость полученной взятки. Для тех, кто не в состоянии произвести полное возмещение, выносился более строгий судебный приговор. Если же обвиняемый в коррупционных отношениях умер, конфисковалось его имущество.

Благодаря этой стратегии Сингапур стал одним из наименее коррумпированных государств мира, заняв 4-е место в Corruption Perception Index 2008 г., опубликованным Transparency International. На 2016 г. Сингапур занимал 7 место, еще раз подтверждая, что меры, принятые по борьбе с коррупцией, приносят результаты [3].

Еще одним примером служит Китай. В этой стране координирующим органом по борьбе с коррупционной преступностью является Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины, которая существует с 1978 г. ЦК Коммунистической партии Китая запрещает заниматься коммерческой деятельностью, выступать агентами или советниками в этой области детям или родственникам руководящих работников [4]. Эта мера была введена для того, чтобы ограничить коррупционную преступность в высших эшелонах власти. В КНР действует «горячая» телефонная линия, по которой любой житель может анонимно сообщить о фактах взяточничества или злоупотребления служебным положением любого чиновника [5].

В законодательстве Китая предусмотрено два вида смертных приговоров: безотлагательное исполнение и отсрочка приведения в исполнение до двух лет. Если применяется отсрочка, то приговоренный к смертной казни может ее избежать при условии, если в течение этих двух лет будет вести себя примерно и не удостоится каких-либо нареканий, но в любом случае наказания ему не избежать, а казнь будет заменена тюремным заключением. Так, в КНР суд Пекина приговорил к смертной казни Чжан Шугуана [6]. Одним из ос-

нований для судебного рассмотрения стала его дружба с экс-министром железных дорог Лю Чжицзюнем, также получившим «черную метку» за взятку в 2013 г.

Китайские законодатели считают, что смертная казнь представляет собой самую действенную меру по борьбе с коррупционными преступлениями. Однако такой приговор выносится только при отягчающих обстоятельствах. Если речь идет о сумме в 100 тыс. юаней (около 540 тыс. руб.), взяточника могут приговорить к каторге сроком на 10 лет или к пожизненному заключению. Когда размер взятки составляет миллионы юаней, нарушителя закона казнят. Так, в КНР в 2008 г. 150 бизнесменов, получивших благодаря подкупу строительные подряды на Олимпиаду, одновременно казнили на стадионе под Пекином [7]. Но если Сингапуру удалось получить положительные результаты антикоррупционной политики, то Китай лишь на пути к достижению поставленной цели.

К преступлениям коррупционного характера относятся предусмотренные уголовным законом деяния, непосредственно связанные с подкупом соответствующих лиц: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенное с подкупом; незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, совершенное путем подкупа; подкуп участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов; коммерческий подкуп; получение взятки; дача взятки; провокация взятки либо коммерческого подкупа; подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта в целях дачи им ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода.

К данной группе преступлений можно отнести и иные деяния коррупционного характера: невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; регистрация незаконных сделок с землей; контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения; злоупотребление должностными полномочиями; злоупотребление полномочиями частными нотариусом и аудитором; совершенное в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц; превышение должностных полномочий при наличии у виновного корыстной или иной личной заинтересованности; незаконное участие в предпринимательской деятельности; служебный подлог [8].

Согласно указанию Генеральной прокуратуры и МВД РФ от 13 декабря 2016 г. [9] к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершение преступления только с прямым умыслом.

Таким образом, коррупционная преступность представляет собой совокупность преступлений, имеющая определенную систему и направленная на незаконное получение выгод, будь то материальные или нематериальные блага. Понимание же системы таких преступлений является первым шагом к искоренению коррупции.

Анализируя одно из самых известных исследований – Transparency International

[10], можно сравнить уровень коррупции в России и в других странах. В 2013 г. «Барометр мировой коррупции» по заказу Transparency International был составлен компаниями, входящими в глобальную сеть фирмы по проведению опросов общественного мнения WIN/GIA. Показатель, который отражается в данном исследовании, называется Индекс восприятия коррупции. Всего коррупция была оценена в 177 странах по шкале от (0) – самый высокий уровень коррупции до 100 (самый низкий уровень коррупции). В 2013 г. Россия набрала 28 баллов и заняла 127 место в рейтинге. Такой же результат показали Азербайджан, Коморы, Гамбия, Ливан, Мадагаскар, Мали, Никарагуа и Пакистан. Если сравнивать нынешний показатель России с результатом предыдущего года, позиции страны не изменились, а повышение места в рейтинге на шесть пунктов связано с отрицательной динамикой ряда других стран. В 2015 г. Россия поднялась на одну строчку выше и заняла 119 место (29 баллов), оказавшись в одном ряду с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне [11]. В 2016 г. Россия, заняв 131 место, оказалась в одном ряду с Казахстаном, Непалом и Ираном, сохранив уровень в 29 баллов. Это связано с тем, что страны, имевшие более высокий уровень коррупции, обошли Россию в общей таблице [12].

Комментарий по поводу положения России в таблице Transparency International дала вице-президент этой организации Елена Панфилова. Среди причин, по которым Россия продолжает оставаться в последней трети «Индекса восприятия коррупции», выделяются следующие:

1. Коррупционные дела против высших должностных лиц либо возбуждаются не системно либо не возбуждаются вообще.
2. Реализация ведомственных планов по противодействию коррупции имеет крайне формальный и непубличный характер.
3. Крупные национальные проекты реализуются непрозрачно.
4. Международное антикоррупционное сотрудничество стагнирует. Сбежавшие в другие страны от российского правосудия коррупционеры даже не пытаются скрываться.

Для перехода из разряда «стран-дауншифтеров» в группу стран, где коррупция не является угрозой национальной безопасности и личной безопасности граждан, в нашей стране необходимо принять конкретные меры, предложенные центром антикоррупционных исследований и инициатив [13], ряд из которых заслуживает несомненной поддержки:

1. Ввести персональную ответственность руководителей исполнительных органов власти и регионов Российской Федерации за невыполнение или не надлежащее выполнение мероприятий действующего Национального плана по противодействию коррупции и нового, который будет принят в будущем.
2. Обеспечить действенную реализацию контроля за движением средств публичных должностных лиц и членов их семей в расширенной формулировке согласно требованиям FATF.
3. Обеспечить действенный внутренний и общественный контроль за соблюдением требований законодательства по декларированию и предотвращению конфликта интересов с введением жёсткой правовой ответственности злоупотребление ситуациями конфликта интересов со стороны публичных должностных лиц.
4. Обеспечить российским общественным организациям и гражданским активистам возможность свободно получать и анализировать информацию, связанную с деятельностью по гражданскому антикоррупционному контролю.

В России, по данным Верховного Суда РФ, итогами борьбы с коррупцией в 2014 г. стало осуждение за коррупционные преступления 11000 человек. Более 4000 человек признаны виновными в даче взятки, 1700 человек осуждены за получение взятки. На 25% выросло число осужденных взяточдателей по сравнению с 2013 г. На 13% выросло за год число осужденных за получение взятки в сумме 10 тыс. руб. и менее (65% от общего чис-

ла), 44% взяточников – государственные или муниципальные служащие, 23% взяточников – работники здравоохранения и социального обеспечения, 12% взяточников – работники сферы образования, 21% – остальные. До 20% выросло число коррупционеров, получивших реальные сроки лишения свободы [14]. В 2015 г., по данным Судебного департамента, количество осужденных возросло до 11499 человек, из них 5216 осуждены по ст. 291 и 1702 по ст. 290 УК [15]. Таким образом, основными преступлениями коррупционной направленности являются дача и получение взятки. Эти преступления совершаются вследствие возникновения конфликта интересов, а эффективным противодействием конфликту интересов является высокий уровень правосознания и правовой культуры.

Среди основных способов противодействия коррупции в России можно выделить:

- принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. и национального плана противодействия коррупции на 2016-2017 годы от 01.04.2016 г.;

- создание Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции;

- формирование комитетов и комиссий по борьбе с коррупцией в органах государственной власти.

Важно понимать, что в настоящее время в РФ особое значение приобретает не борьба с коррупцией, а меры, направленные на ее предупреждение и профилактику. Согласно утвержденной Президентом РФ в 2015 г. Стратегии национальной безопасности РФ [16] особое внимание необходимо уделять искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию РФ и реализации стратегических национальных приоритетов.

Литература:

1. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 17.12.2016 г.).

2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

3. Индекс восприятия коррупции // URL: <http://www.transparency.org/cpi2016#results-table> (дата обращения: 11.02.2017 г.).

4. Подолько Е. Борьба с коррупцией – гарантия процветания Китая // Политический журнал. 2012. № 9. С. 26.

5. Павлов В. Коррупция по-азиатски // Ежедневная деловая газета РБК. 2012. № 60. С. 31.

6. Селищев А. Суд средней ступени китайской столицы приговорил к смертной казни заместителя главного инженера министерства железных дорог КНР Чжан Шугуана // Информационное агентство России ТАСС. 2014. 17 окт.

7. Зотов Г. Драконовские меры. Насколько эффективна борьба с коррупцией в Китае // Аргументы и факты. 2013. № 29. С. 3.

8. Мерзляков С.Э., Волочкова М.Е., Рожнов С.Н. Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней // Вестник экономической безопасности. М., 2016. № 1. С. 162-163.

9. Указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

10. Transparency International – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру (авт.).

11. Индекс восприятия коррупции // URL: <http://transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (дата обращения: 27.11.2016 г.).
12. Индекс восприятия коррупции // URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016#table (дата обращения 01.03.2017 г.).
13. Центр антикоррупционных исследований и инициатив // URL: <http://transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (дата обращения: 22.12.2016 г.).
14. Итоги борьбы с коррупцией в 2014 году // URL: <http://www.vsrp.ru/catalog.php/>.
15. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2015 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=216&item=3420>.
16. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Н. И. КОНЮШИХИНА

*аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

N. I. KONYUSHIHINA

*Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

СЛЕДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА КУБАНСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

INVESTIGATIVE PART OF YEKATERINODAR DISTRICT COURT OF KUBAN TERRITORY IN THE PERIOD OF CIVIL WAR

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые основы деятельности следственной части Екатеринодарского окружного суда Кубанского края в годы Гражданской войны. Анализируется также оперативная обстановка в указанный период, повлекшая за собой рост уголовной преступности и увеличение нагрузки на судебных следователей.

Ключевые слова: Екатеринодарский окружной суд, судебные следователи, оперативная обстановка, преступность, Кубанский край

Annotation. the article considers the organizational-legal bases of activity investigative unit of the district court Ekaterinodar Kuban territory during the Civil war. Also analyzed the operational situation in the period, which caused an increase in crime and the increased burden on the judicial investigators.

Keywords: Yekaterinodar district court, judicial investigators, the operational environment, crime, Kuban region

1 января 1871 г. является отправной точкой формирования и деятельности Екатеринодарского окружного суда [1], чья юрисдикция распространялась на территорию Кубанской области и Черноморского округа (с 1896 г. – Черноморской губернии) и первоначально был причислен к Тифлисской Судебной Палате (в 1903 г., с образованием Новочеркасской Судебной Палаты, Екатеринодарский окружной суд перешел в ее ведение [2]). Екатеринодарский окружной суд заменил прежние судебные органы в регионе – Черноморский, Екатеринодарский, Ейский и Таманский окружные суды, Екатеринодарский, Ейский и Темрюкский городские суды, Екатеринодарский торговый словесный суд и прочие. Были упразднены должности городских стряпчих и Черноморского окружного прокурора [3]. В первоначальный штат Екатеринодарского окружного суда вошли и 13 судебных следователей, осуществлявших предварительное следствие по уголовным делам. К началу 1917 г. количество судебных следователей увеличилось до 44 человек [6], однако их штат не всегда укомплектовывался достаточно квалифицированными кадрами [8].

В 1918 году на Кубани происходили трагические события. Екатеринодар в течение года переходил, то к красным, то к белым. 1 марта 1918 г. большевики захватили столицу Кубани. В августе Добровольческая армия вместе с казаками заняла город [7]. После занятия Добровольческой армией Екатеринодара и возвращения в город Кубанского краевого правительства, на одном из первых заседаний 8 августа 1918 г. в числе прочих был рассмотрен вопрос о возобновлении деятельности Екатеринодарского окружного суда [3]. Уже на следующий день Краевое правительство опубликовало приказ № 25 «О возобнов-

лении деятельности общих Судебных Установлений» [3]. В штат Екатеринодарского окружного суда вошли 54 судебных следователей [3].

На заседании Совета Краевого правительства 3 октября 1918 г. управляющий Ведомством юстиции А.А. Намитокос ходатайствовал об увеличении штата судебных следователей Екатеринодарского окружного суда, с добавлением одной должности судебного следователя по важнейшим делам и 12 – участковых судебных следователей, в связи «с перегруженностью следственных участков». В ходе дебатов главы Ведомства финансов А.А. Трусковский и Ведомства земледелия Д.Е. Скобцов, «опираясь на финансовое положение края», высказались за учреждение только восьми «новых» должностей участковых следователей и одной – по важнейшим делам. В ходе голосования Члены Правительства не поддержали позицию А.А. Намитокоса и постановили: «Утвердить две новые должности участковых судебных следователей и одну должность судебного следователя по важнейшим делам» [3].

К концу 1918 г. в штате Екатеринодарского окружного суда фактически состояло 8 старших кандидатов на судебные должности: один исполнял обязанности секретаря суда, еще один – помощника секретаря суда, двое были откомандированы в распоряжение прокурора для исполнения обязанностей его товарищей, четверо – прикомандированы к следственной части, ввиду отсутствия штатных судебных следователей, призванных на военную службу, а также по болезни, и один кандидат – «не явился к исполнению служебных обязанностей» [3]. Летом 1919 г. ситуация с расследованием преступлений приобрела особенно острый характер. По мнению прокурора Екатеринодарского окружного суда И.В. Котляревского, «в связи с резким увеличением преступности на почве охватившей страну анархии, количество уголовных дел важнейшей категории, по меньшей мере, утроилось». Положение усугублялась тем, что оба следователя по важнейшим делам были перегружены делами, поэтому уголовные дела об особо тяжких преступлениях оставались в производстве участковых следователей, «совершенно лишенных возможности, в виду срочной текущей работы, заниматься этими делами». Показательна в данном случае нагрузка следователей по важнейшим делам Г.Я. Мордмилловича и Б.Н. Бурцова в июне 1919 г.: у первого находилось в производстве 20 дел (60 томов), у второго – 13 дел (37 томов), в среднем же на участках находилось до 50-55 «важнейших» дел. По утверждению И.В. Котляревского, следственная практика показала, что для «нормальной работы» следователя по важнейшим делам необходимо наличие «не более 10 дел в производстве». В свою очередь, следователи Екатеринодара были «обременены огромным количеством дел»: на 1-м городском участке следователем было принято к производству с начала года 512 дел, на 2-м – 220, на 3-м – 214, на 4-м – 438 и на 5-м – 60 дел. В этой связи, прокурор предлагал «в спешном порядке» учредить 3 должности следователей по важнейшим делам и 1 – участкового следователя [3]. 5 августа 1919 г. Екатеринодарский окружной суд, заслушав в закрытом заседании прокурора И.В. Котляревского, вынес определение о представлении в Краевое правительство ходатайство «об учреждении новых должностей судебных следователей – одного по важнейшим делам и одного – по Екатеринодару» [3]. В декабре 1919 г., по предложению председателя Екатеринодарского окружного суда В.Я. Ганнот, на указанные должности были назначены, соответственно, судебный следователь по важнейшим делам Новочеркасского окружного суда В.Н. Покотилов, «выдающийся судебный работник», состоящий на службе по судебному ведомству с 1908 г. и в должности следователя с 1913 г., и судебный следователь 2-го участка Владикавказа Е.В. Иванов, с 1908 г. на службе по судебному ведомству [3]. История с новыми назначениями в следственную часть приобретает особое значение, если иметь в виду, что в ноябре 1919 г. следователь по важнейшим делам Г.Я. Мордмиллович полностью сконцентрировался на расследовании особо резонансного дела по обвинению заместителя управляющего Ведомством продовольствия,

генерал-майора Н.А. Букретьова по ст.ст. 377 и 378 Уложения о наказаниях, которое «первоначально возникло у военного следователя 1-го участка» Кубанского военно-окружного суда и позднее было передано Г.Я. Мордмилловичу [3]. Хорошо осведомленный об этом деле военный прокурор Донского военного суда полковник И.М. Калинин вспоминал: «В конце ноября, по непроверенному доносу, атаман [А.П. Филимонов] приказал военному прокурору Кубанского краевого военного суда полк[овнику] Приходько, для большей помпы, лично арестовать ген[ерала] Букретьова, помощника управляющего Ведомством продовольствия и снабжения. ...Доносчики, какие-то темные личности, всего вернее, что агенты добровольческой контрразведки, сообщали о крупных хищениях в Ведомстве снабжения. При проверке все оказалось вздором. Тогда придрались к каким-то формальным упущениям» [5]. Учитывая ряд факторов, отрицательно воздействующих на процесс предварительного расследования (военные действия, кадровый проблемы следственной части, нагрузка судебных следователей и проч.), 11 октября 1919 г. Совет Краевого правительства, по докладу главы Ведомства юстиции, внес изменения в Устав уголовного судопроизводства. В частности, в виде временной меры, было принято решение, в тех случаях, когда преступление является очевидным, а лицо, его совершившее, установлено, то, до прибытия на место происшествия судебного следователя, органы охраны общественного порядка его заменяют во всех, без исключения, следственных действиях, а не только производят те из них, которые необходимы для сохранения могущих изгладиться следов и признаков преступления (т.е. первоначальные следственные действия), но при этом «соблюдая во всей точности правила, постановленные для производства предварительного следствия» [3]. Подобный подход, например, позволял следователям не выезжать на осмотр места происшествия, когда там же было задержано лицо, совершившее преступление. Другое дело, что не всегда органы охраны общественного порядка (в данном случае – чины городской стражи) были в состоянии квалифицированно осуществить следственные действия.

Таким образом, можно констатировать, что в период Гражданской войны на Кубани резко обострилась оперативная обстановка, повлекшая за собой рост уголовной преступности и увеличение нагрузки на судебных следователей. В целях стабилизировать ситуацию, в штатное расписание были добавлены должности следователей, вакансии которых были замещены, в том числе, и судебными следователями, прибывшими в Кубанский край из других регионов.

Литература:

1. О введении в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе Судебных Уставов 20 ноября 1864 года и Положения о нотариальной части 14 апреля 1866 года. Распоряжение Его Императорского Высочества 1 декабря 1870 г., с Высочайшего разрешения, объявленное Сенату Министром Юстиции 26 января 1871 года / Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 45. № 48968.
2. Об образовании на юго-востоке Европейской России нового судебного округа. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 26 мая 1903 г. / ПСЗ. Собр. 3. Т. 23. № 23014.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454; Р-6; Р-8.
4. Очерки истории Кубанской прокуратуры: Материалы и документы / ред.-сост. Н.Н. Григорьева и др. Краснодар, 1999. С. 23.
5. Калинин И.М. Русская Вандея. Краснодар, 2010.
6. Кубанский календарь на 1916 год / под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1916.
7. Рассказов Л.П. и др. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.): монография / под ред. Л.П. Рассказова. Краснодар, 2013.
8. Тарасов А.В. Реформа расследования преступлений в Российской Империи XIX века и ее особенности на Кубани. Краснодар, 2003.

С. А. КРАВЕЦ
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

S. A. KRAVETS
Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

ИСТОРИОГРАФИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА КУБАНИ 1917–1920 ГОДОВ

HISTORIOGRAPHY OF THE BODIES OF PROTECTION OF PUBLIC ORDER OF THE KUBAN OF 1917-1920

Аннотация. В статье дается анализ наиболее значимых публикаций по истории, нормативной и организационно-правовой регламентации деятельности органов охраны общественного порядка в период Временного правительства, Гражданской войны и установления советской власти на Кубани.

Ключевые слова: Временное правительство, Гражданская война, милиция, общественный порядок, охрана, Кубань, Кубанское казачье войско.

Annotation. The article provides analysis of the most significant publications on the history, regulatory and legal regulation of activity of bodies of protection of a public order in the period of the Provisional government, Civil war and the establishment of Soviet power in the Kuban.

Keywords: Provisional government, the Civil war, the police, public order and security, Kuban, the Kuban Cossack army.

В Кубанском государственном аграрном университете в научной школе заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Рассказова Л.П. в течение нескольких лет появилась серия историографических статей, посвященных деятельности карательных органов и спецслужб. К ним, например, относятся, статьи, посвященные органам политического розыска Российской империи [5], органам военной контрразведки Российской империи [3], специальных служб императорской охраны [2], органам сыскной полиции Российской империи [7], пенитенциарным органам дореволюционной России [9], частям особого назначения [10], в том числе и действующих на территории Кубано-Черноморской области [11].

Данная публикация как бы продолжает данную традицию и рассматривает историографию органов охраны общественного порядка Кубани в 1917–1920 гг.

В Российской истории период 1917–1920 гг., характеризующийся крахом монархии, последующими Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной и установлением советской власти в стране, являлся переломным этапом крушения старых и строительства новых государственных институтов, в том числе и органов охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью. Особенно остро эти явления протекали на Кубани – регионе со своими уникальными историческими, культурными, геополитическими и этнографическими особенностями, который с 1792 г. являлся южным пограничным плацдармом Российской империи в лице Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьих войск, со своими военными традициями, обычаями, менталитетом. Пожалуй, указанный период стал наиболее трагическим не только для многих ты-

сяч коренных кубанцев, но и для людей, пытавшихся противостоять советской власти на Юге России и окупившихся в горнило братоубийственной войны.

На фоне всех этих событий видоизменялась и организационно-правовая форма местных органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Так, после упразднения царской полиции весной 1917 г., при Временном правительстве на Кубани была образована народная милиция, в период Гражданской войны была учреждена городская стража Кубанского краевого правительства, а на территории, занятой Вооруженными силами Юга России – государственная стража, и, наконец, весной 1920 г., после установления советской власти, – рабоче-крестьянская милиция.

Поразительно, но в советскую эпоху эта проблема практически не нашла отражения в научных работах, за исключением диссертационного исследования Г.А. Чекалова [14], который частично затрагивает вопросы становления советской милиции на Кубани. Впрочем, автор рассматривает проблему сквозь призму партийно-идеологических установок господствовавшей в то время догматической линии КПСС и оставляет без внимания предшествующие советской милиции региональные органы внутренних дел. Аналогичная тенденция прослеживается и в монографии А.А. Сенцова, где автор крайне фрагментарно затрагивает вопросы упразднения царских правоохранительных структур в регионе и пришедших им на смену органов милиции Временного правительства [12].

Качественные изменения в изучении проблемы происходят с началом XXI века, когда публикуются первые научные статьи В.Н. Горюнова [1], С.А. Федоренко, С.В. Фидельского [13] и др. Указанные авторы вводят в научный оборот архивные материалы фондов центральных и региональных архивов, но рассматривают деятельность органов внутренних дел Кубани лишь в контексте с иными регионами Северного Кавказа – Терской и Донской областями, а также Ставропольской губернией. Вместе с тем, в этих работах впервые дается анализ строительству органов внутренних дел в казачьих регионах Юга России, которые имели отличительные особенности от других территорий, в том числе и в связи с нахождением там Добровольческой армии (позднее – Вооруженных сил Юга России).

Период деятельности органов охраны общественного порядка Кубани 1917–1920-х годов отражен в справочном издании В.П. Зайцева и В.В. Тукова [4], однако, несмотря на название, в нем содержатся хронологические и фактические неточности, вызванные недостаточным привлечением архивных материалов.

Особо следует сказать о трех публикациях Т.В. Ратушняк, в которых, помимо анализа общероссийского законодательства, регламентирующего деятельность советской милиции, рассматривается и организационно-правовые аспекты функционирования органов внутренних дел Кубани в период Гражданской войны. Однако в первой и третьей из рассматриваемых статей, она, ссылаясь на работу В.П. Зайцева и В.В. Тукова, вслед за ними допускает целый ряд неточностей в отражении событий организационно-правового характера вследствие неиспользования архивных материалов фондов Государственного архива Краснодарского края. Подобные упущения имеют место и в статье «Кубано-Черноморская областная милиция в начале 1920-х гг.».

Нельзя оставить без внимания исследование В.Н. Маркова, в котором автор рассматривает деятельность Майкопской милиции периода Временного правительства, вводя в научный оборот архивные материалы Национального архива Республики Адыгея.

Отдельно необходимо выделить диссертационные исследования историков и юристов. Так, В.В. Нечепуренко [6] анализирует организационно-структурную эволюцию Кубанской милиции и правовое регулирование ее деятельности, а также кадровую политику и материально-техническое обеспечение сотрудников советской милиции и уголовного розыска в 1920-е годы. В свою очередь, П.Ю. Кучеров также рассматривает организационно-правовые основы советской милиции Кубани, расширяя хронологические рамки перио-

дом с 1917 по 1929 гг. Вместе с тем, указанные авторы не затрагивают проблем деятельности органов внутренних дел Кубани периода Временного правительства и Гражданской войны, сфокусировав свое внимание исключительно на строительстве советской милиции в регионе. Между тем, С.А. Федоренко [14] уделяет внимание органам внутренних дел Кубани в период 1917–1928 гг., однако вместе с другими регионами Северного Кавказа, что не дает возможности более глубокого анализа состояния проблемы организации и деятельности кубанской милиции и городской стражи. В диссертационном исследовании С.Б. Узденовой фрагментарно затрагивается небольшой период деятельности советской милиции Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области, до его включения в Карачаевский округ Горской АССР [16]. В ряде научных статей анализируются различные аспекты деятельности отдельных органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в разные годы и в различных государственных и национально-территориальных образованиях.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что до настоящего времени деятельность органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на Кубани в 1917–1920-е гг. еще всесторонне комплексно не исследовалась, а потому историческая и историко-правовая науки еще не в полной мере пополнились знаниями в этой сфере.

Литература:

1. Горюнов В.Н. Антикриминальная активность власти и населения на Юге России в 1917–1920 гг. // Современная научная мысль. 2013. № 1.
2. Гучетль А.А., Рассказов В.Л. Историография специальных служб императорской охраны России // Философия права. 2014. №3.
3. Едигаров А.Г., Рассказов Л.П. Историография органов военной контрразведки Российской империи (1899–2009 гг.) // История государства и права. 2009. №24.
4. Зайцев В.П., Туков В.В. 90 лет на страже правопорядка (хронологический справочник по истории органов внутренних дел России и Кубани. 1917–2007 гг.). Краснодар, 2008.
5. Крутова Я.А., Рассказов Л.П. Органы политического розыска Российской империи глазами зарубежных исследователей // Общество и право. 2010. №1.
6. Нечепуренко В.В. Формирование милиции Кубани и Черноморья и ее деятельность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
7. Рассказов В.Л. Историография сыскной полиции Российской империи // Юрист-правовед. 2015. №2 (69).
8. Рассказов В.Л. Органы сыскной полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107.
9. Рассказов Л.П., Лобова С.А. Историография пенитенциарной политики дореволюционной России // Общество и право. 2011. №5.
10. Рассказов Л.П., Марченко С.А. Историография частей особого назначения (ЧОН) РСФСР // Право и государство: теория и практика. 2012. №10 (94).
11. Рассказов Л.П., Марченко С.А. Историография частей особого назначения (ЧОН) Кубано-Черноморской области // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4.
12. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918 гг.): из истории становления советской государственности. Краснодар, 1984.

13. Фидельский С.В. Органы внутренних дел в борьбе с уголовной преступностью на Юге России в 1918–1919 гг. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 2. С. 67-70.

14. Чекалов Г.А. Партийное руководство созданием и деятельностью советской милиции на Дону и в Кубано-Черноземье. 1917–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1988.

15. Федоренко С.А. Борьба с уголовной преступностью и обеспечение общественного порядка на Северном Кавказе (1917–1928 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

16. Узденова С.Б. Учреждения юстиции и правоохранные органы Карачая в 1917–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2014.

В. А. КРАВЧЕНКО
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

V. A. KRAVCHENKO
graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ О ПОМИЛОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

LEGAL ORDER OF CONSIDERATION OF PETITIONS FOR PARDON IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PROBLEMS OF ITS EFFECTIVENESS

Аннотация. В статье проводится анализ ряда проблем в вопросах рассмотрения ходатайств о помиловании. Особое внимание уделено правовому порядку проведения указанной процедуры. По итогам анализа автором сформулированы законодательные предложения.

Ключевые слова: институт помилования, помилование в России, эффективность института помилования, проблемы в правовом порядке помилования, правовые нормы о помиловании, ходатайство о помиловании.

Annotation. The problems of posses of petition for pardon are analyzed in the article. The legal order of this process is discussed in detail in the article. After analysis some legislative proposals were formulated.

Keywords: pardon power, mercy in Russia, effectiveness of the pardon power, problems in working of pardon power, legal rules of pardon power, petition about mercy.

Правовой базой при решении вопроса о помиловании являются Конституция Российской Федерации, Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации», а также Инструкция об организации работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с ходатайствами осужденных о помиловании, утвержденной приказом Министерства юстиции РФ от 8 апреля 2015 г. №83.

Касаясь вопроса порядка рассмотрения ходатайства о помиловании, следует указать, что процесс этот многоэтапный и длительный. Согласно Положению о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, осужденный обращается с ходатайством о помиловании к Президенту Российской Федерации в письменной форме.

Закономерно встает вопрос об увеличении перечня лиц, которые могут подавать ходатайства о помиловании. Существуют несколько позиций по данной проблеме в теории и практике. Одни считают, что только осужденный вправе ходатайствовать о своем помиловании. Другие, что ходатайства и иных лиц должны учитываться при решении вопроса о применении данного института [1].

В частности, при условно-досрочном освобождении обладают правом направлять ходатайства об освобождении осужденный и его адвокат (законный представитель). В соответствии с нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ (ст. 175) представления о

замене неотбытой части наказания другим более мягким наказанием направляет в суд администрация исправительного учреждения. В соответствии с данными положениями, нельзя поддержать точку зрения о том, что только осужденный вправе ходатайствовать о помиловании.

В российской уголовно-правовой науке неоднократно возникали предложения о наделении правом инициативы ходатайства о помиловании иных субъектов, в частности близких родственников осужденного, администрацию исправительных учреждений, общественных наблюдательных комиссий, общественных организаций, трудовых коллективов, органов власти и управления иностранных государств (в отношении иностранных граждан). Особенно данная проблема актуальна для несовершеннолетних осужденных. Их интересы, применительно к помилованию, могли бы представлять законные представители, защитник [2].

Таким образом, следует расширить перечень лиц, которые могли бы обращаться с ходатайством о помиловании осужденных и закрепить это положение в нормативно-правовых актах.

В силу разных причин осужденные не всегда имеют представление об институте помилования, не осведомлены в правовом порядке подачи ходатайства и т.д. В связи с этим выступает необходимость в юридическом ознакомлении прав осужденных на подачу ходатайства о помиловании [3].

В ряде субъектов РФ по рассматриваемому вопросу уже разработаны специальные разъяснения о порядке подачи и рассмотрения ходатайств о помиловании [4]. Учитывая, что на территории Краснодарского края действует Постановление главы администрации Краснодарского края от 12 февраля 2002 года № 143 «О комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края», предлагается разработать Положение «О разъяснении порядка подачи и рассмотрения ходатайств о помиловании на территории Краснодарского края».

Ходатайство о помиловании регистрируется администрацией учреждения или органа, исполняющего наказание; в отношении осужденных, привлеченных к участию в следственных действиях или в судебном разбирательстве, - администрацией следственного изолятора в журнале учета ходатайств осужденных о помиловании.

К ходатайству о помиловании администрацией учреждения прилагаются следующие документы:

а) копия приговора (приговоров), в соответствии с которым (которыми) осужденный отбывает наказание, и копии решений вышестоящих судебных инстанций относительно указанного приговора (приговоров);

б) извещение о вступлении приговора (приговоров) в законную силу;

в) справка о состоянии здоровья осужденного;

г) сведения о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением (если имеются);

д) анкета осужденного, обратившегося с ходатайством о помиловании, с указанием биографических данных осужденного и сведений о его семейном положении;

е) сведения о результатах рассмотрения предыдущих ходатайств о помиловании, если они подавались ранее и об этом имеется информация;

ж) справка о применении в отношении осужденного акта амнистии или помилования либо о применении условно-досрочного освобождения от наказания в отношении лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности;

з) представление администрации учреждения с характеристикой осужденного, содержащей сведения о его поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, отношении к совершенному деянию [5].

По просьбе осужденного могут прилагаться иные материалы, имеющие существенное значение для решения вопроса о помиловании.

Особое значение в представляемых документах имеет характеристика, данная администрацией учреждения, отражающая следующее:

- когда прибыл в данное исправительное учреждение осужденный, в какой отряд распределен, в какую бригаду (цех) и в качестве кого трудоустроен;
- соблюдение осужденным Правил внутреннего распорядка, режимных требований, наличие нарушений режима содержания;
- отношение к труду (выполняет ли нормы выработки или установленное задание, с каким качеством) и учебе (для несовершеннолетних);
- участие осужденного в общественной жизни и воспитательных мероприятиях (посещает ли библиотеку; интересуется ли событиями, происходящими в стране и в мире; участвует ли в самодеятельных организациях осужденных).

Ходатайство и соответствующие документы о помиловании лица, осужденного впервые за преступление небольшой или средней тяжести, направляется администрацией учреждения в территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее чем через 10 дней со дня его подачи, а ходатайство о помиловании лица, осужденного за тяжкое или особо тяжкое преступление, - не позднее чем через 20 дней со дня его подачи.

Администрация учреждения уведомляет осужденного под расписку о направлении ходатайства о помиловании в территориальный орган уголовно-исполнительной системы. Отказ в направлении ходатайства о помиловании не допускается.

Территориальный орган уголовно-исполнительной системы регистрирует ходатайство о помиловании в день его получения, а также осуществляет проверку полноты представленных документов. Не позднее чем через пять дней со дня получения ходатайства о помиловании лица, впервые осужденного за преступление небольшой или средней тяжести (в отношении лица, осужденного за тяжкое или особо тяжкое преступление, - не позднее чем через семь дней), представляет его в комиссию, а также информирует о ходатайстве Федеральную службу исполнения наказаний [6].

Комиссия не позднее чем через 30 дней со дня получения ходатайства о помиловании представляет заключение о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). Например, комиссией по вопросам помилования на территории Краснодарского края за весь период работы рассмотрено 4649 письменных обращений, ходатайств и заявлений [7].

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) не позднее чем через 10 дней со дня получения ходатайства о помиловании лица, впервые осужденного за преступление небольшой или средней тяжести (в отношении лица, осужденного за тяжкое или особо тяжкое преступление, - не позднее чем через 15 дней) и заключения комиссии вносит Президенту Российской Федерации представление о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного или лица, отбывшего назначенное судом наказание и имеющего неснятую судимость. К представлению прилагаются ходатайство о помиловании, заключение комиссии, а также документы, которые направляются администрацией учреждения, исполняющего наказание, в территориальный орган уголовно-исполнительной системы [8].

В российской уголовно-правовой науке представляется весьма актуальной и достаточно обоснованной позиция о предоставлении высшему должностному лицу субъекта

Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) права осуществлять помилование лиц, отбывающих наказание на территории соответствующего субъекта за преступления небольшой или средней тяжести [9]. Уровень рассмотрения ходатайств о помиловании должен быть дифференцирован в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, важности дела и т.д. Рассматривать ходатайства о помиловании по малозначительным преступлениям главой государства – Президентом Российской Федерации, – вряд ли целесообразно.

Практика ряда государств с федеративным устройством (США, ФРГ, Канада) показывает, что глава государства рассматривает наиболее сложные дела с достаточно выраженными и значимыми социальными, политическими, экономическими, нравственными и другими аспектами.

Рациональность рассматриваемого предложения подтверждается тем, что прерогатива высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в отношении осужденных за преступления небольшой или средней тяжести позволит принимать во внимание и соответствующим образом реагировать на специфику местных (региональных) причин и условий совершения преступлений, а также учитывать местные (региональные) возможности по их предупреждению и нейтрализации.

Профессор Л.А. Прохоров, конкретизируя данное положение, предлагает делегировать главам субъектов Российской Федерации право принимать окончательное решение о помиловании лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести, а также тяжких, не сопряженных с посягательствами на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность личности [10].

Поскольку помилование – конституционное право Президента, то и решить вопрос о предоставлении такого права главам субъектам РФ может только он.

Однако, с учетом мнения главы субъекта Федерации, Президент РФ принимает окончательное решение по ходатайству о помиловании. Администрация Президента Российской Федерации не реже одного раза в квартал представляет Президенту обобщенные сведения о ходатайствах о помиловании.

Акт помилования не носит нормативного характера, а является актом правоприменения и оформляется указом Президента РФ в отношении индивидуально определенного лица. Таким актом помилованное лицо может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость [11].

Указ Президента о помиловании в течение двух дней после его издания направляется высшему должностному лицу субъекта РФ, в МВД РФ, территориальный орган уголовно-исполнительной системы, администрацию учреждения.

Особого внимания требует проблема, выразившаяся в длительном сроке рассмотрения ходатайства о помиловании. Так, за время длительного срока его рассмотрения большая часть осужденных будет освобождена от дальнейшего отбывания наказания или существенно улучшит свое положение по иным основаниям (условно-досрочное освобождение, замена наказания более мягким, амнистия и др.). Для решения данной проблемы необходимо нормативно установить предельный срок уведомления осужденного о результатах рассмотрения ходатайства.

На сегодняшний день учеными выделяется проблема учета мнения третьих лиц при решении вопроса о помиловании. Прежде всего, речь идет о потерпевших от преступлений. Так, некоторые ученые предлагают к заявленному ходатайству осужденного прикреплять мнение потерпевшего или его родственников [12]. Другие же, напротив, счита-

ют, что зависимость положения осужденного от интересов потерпевшего не должна допускаться. Справедливость восстанавливается тем, что правосудие уже карает лицо, совершившее преступление назначением ему наказания в соответствии с законом. На данном этапе взаимоотношения осужденного и потерпевшего должны закончиться [13]. Следует признать, что потерпевшие или их родственники, в случае помилования, не всегда в состоянии обосновать мнение, выраженное в отрицательном ответе. При этом точка зрения, выраженная потерпевшим, не является безусловным основанием для принятия акта помилования или отказа в нем. Руководствуясь принципом гуманизма, мнение потерпевшего должно быть обязательно запрошено и учтено в числе других обстоятельств, влияющих на применения помилования.

Институт помилования многоаспектный, он отражает ситуацию в государстве и престиж высшей власти. Отношение к данному институту неоднозначно как со стороны научного сообщества, так и общества в целом. Одни ученые считают его совершенно оправданным, другие ссылаются на статистику и данные конкретных социологических исследований [14].

Несомненно, институт помилования является необходимой частью нашего законодательства. Однако для повышенной эффективности и целесообразности в его правовом порядке необходимо совершенствование.

Литература:

1. Гладкова Е. С. Субъекты инициирования подачи ходатайства о помиловании осужденного // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием). 2016. С. 156.
2. Там же. С. 157.
3. Сербин Д.В. Вопросы рассмотрения ходатайств о помиловании и пути его совершенствования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 22. С. 183.
4. Администрация Приморского края [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/legal/clemency/order.php> (дата обращения: 11.04.2017 г.).
5. Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (п. 5) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
6. Там же. Пункт 7.
7. Анализ работы отдела по вопросам помилования управления региональной безопасности администрации Краснодарского края в марте 2017 года.
8. Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (п. 9) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
9. Миненок М.Г. Комиссии по помилованию как важнейшие институты гражданского общества // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2010. № 9. С. 11.
10. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Новая концепция института помилования и проблемы ее реализации // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 142.
11. См.: ст. 85 УК РФ.
12. Саженов Ю.В., Селиверстов В.И. Правовые проблемы помилования в России. 2-е изд., доп. 2008. С. 150.

13. Сафина Ф.Ф. К вопросу о помиловании в Российской Федерации // Наука и образование: проблемы и тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.С. Искужин. 2013. С. 347.

14. Крючкова Е.А. К вопросу о полномочиях президента РФ по осуществлению помилования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: экономика. Управление. Право. 2012. № 1. С. 119.

А. В. КУЗЬМИНА

*аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

A. V. KUZMINA

*Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX В.

TO THE QUESTION OF THE INTRODUCTION OF THE STATE WINE MONOPOLY IN RUSSIA AT THE END OF THE XIX CENTURY

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с введением винной монополии в России в конце XIX в. и образованием Попечительств о народной трезвости в России, осуществлявших комплекс антиалкогольных мероприятий, направленных на борьбу с пьянством и алкоголизмом.

Ключевые слова: винная монополия, Министерство финансов, попечительство, пьянство, Россия, акцизная система, алкогольная продукция.

Annotation. The article discusses the problems associated with the introduction of the liquor monopoly in Russia in the late XIX century and the formation of Care about national sobriety in Russia, carried out the complex of anti-alcohol measures to combat drunkenness and alcoholism.

Keywords: the wine monopoly, Ministry of Finance, guardianship, drunkenness, Russia, the excise system for alcoholic products.

Во второй половине XIX в. в России происходили буржуазные реформы, открывавшие перед страной возможности эволюционным путем изменить социально-экономический уклад страны [9]. Перед Россией открывалась возможность догнать передовые страны мира и войти в цивилизационное общество эволюционным, реформаторским путем [10]. Данные реформы затронули все сферы жизнедеятельности общества. Не обошли они стороной и проблему «питейного дела».

В стране действовала акцизная система организации производства и реализации алкогольной продукции, которая регламентировалась «Положением о питейном сборе» от 4 июля 1861 г. (введено в действие с 1 января 1863 г. – все производство и продажа алкогольной продукции освобождалось от государственного регулирования) [8]. Именным указом Александра II «О новом издании Устава о питейном сборе» от 12 октября 1867 г. [8], Высочайше утвержденным императором мнения Государственного Совета «Об установлении новых правил для производства водок и для торговли водочными изделиями» от 26 декабря 1878 г. [8] и Высочайше утвержденными «Правилами о раздробительной продаже напитков» от 14 мая 1885 года [8]. Сущность акцизной системы заключалась в свободе производства спиртных напитков и свободе торговли ими, извлечении дохода казной посредством обложения выкуриваемого спирта (акциз) и обложения места продажи и изготовления спиртных напитков (патентный сбор), правительственным надзором за производством и торговлей спиртными напитками [10]. По мнению И.Н. Афанасьева, «государство, таким образом, стремилось уменьшить распространение пьянства и увеличить свои доходы через увеличение равномерного и планомерного потребления вина» [1]. К 1894 г. при-

носимый доход от акцизной системы составлял около трети бюджета государства [11], однако в Министерстве финансов на протяжении 1880–1890-х годов вызывала обеспокоенность незаконная торговля спиртным – «вредное корчемство». Положение усугублялось ростом численности населения, ускорением урбанизационных процессов, изменением образа жизни большого количества людей [5]. В этой связи власти пришли к выводу о проведении реформ в «питейном деле»: вместо акцизной системы взимания питейных сборов на алкогольную продукцию, была введена монопольная система. Как полагают И.В. Курукин и Е.А. Никулина, «в отличие от предыдущих реформ питейного дела, государственная монополия была заранее спланирована и без потрясений, постепенно, по мере подготовки и накопления опыта, распространялась по территории страны» [7].

6 июня 1894 г. император Александр III, незадолго до смерти, утвердил «Положение о казенной продаже питей», которое предполагалось ввести с 1 января 1895 г. «в виде опыта» на территориях Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний [8]. Главными факторами при введении винной монополии являлись: доход казны от продажи алкоголя, производство и продажа алкогольной продукции государством, осуществление антиалкогольных мероприятий вновь учреждаемыми Попечительствами о народной трезвости (ПОНТ), система управления «питейным сбором» [6]. Помимо прочих позитивных аспектов, привнесенных реформой (повышение качества алкогольных напитков, модернизация винокуренных заводов для ректификации спирта, открытие новых заводов и увеличение выпуска продукции на старых предприятиях осуществлялось только с разрешения министра финансов и т.д.), значительно оптимизировалась бюджетная сфера: алкогольная торговля становилась крупнейшей статьёй дохода государственной казны. Если в 1900 г. доход от продажи алкоголя составил 85 млн. руб., т.е. 11% от всех бюджетных поступлений, то в 1913 г. – уже 750 млн. руб. – 22,1% всего государственного бюджета Российской империи [12]. Генератором идеи государственной винной монополии являлся министр финансов, граф С.Ю. Витте, который в своих мемуарах вспоминал о трудностях в проведении реформы: «При введении этой монополии в Петербургской губернии и, в частности, в Петербурге, я встретил некоторое препятствие, которое мне легко удалось побороть, в виду того авторитета, влияния и расположения, которым я пользовался еще в то время у молодого императора». Более того, он сожалел, что не смог довести до логического завершения реформу, поскольку в августе 1903 г. покинул пост министра финансов, а «дело это не было вполне закончено» [3]. Как указывает И. Бачинин, позиция С.Ю. Витте «заключалась в том, что реформа должна преследовать, прежде всего, не повышение сбора налогов, а народное отрезвление» [2].

Складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны винная монополия увеличивала доход казны, соответственно росло и ежегодное потребление алкоголя на душу населения. С другой стороны, «для ограждения населений от злоупотребления крепкими напитками», власти вводили комплекс организационно-правовых мероприятий, направленных на борьбу с пьянством и алкоголизмом. 20 декабря 1894 г. Николай II, в продолжение начатых реформ отца, утвердил «Устав попечительств о народной трезвости», который регламентировал деятельность вновь учреждаемых губернских и уездных комитетов Попечительств о народной трезвости (ПОНТ), переданных в ведение Департамента неокладных сборов (с 6 апреля 1896 г. – Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей) Министерства финансов. В сферу задач комитетов ПОНТ входили: надзор за правилами торговли алкогольной продукцией; организация антиалкогольной пропаганды и культурного досуга среди населения; открытие и содержание лечебных заведений для лиц, страдающих алкоголизмом; содействие общественным учреждениям, «деятельность которых направлена к достижению тех же целей, с коими учреждаются Попечительства» [8]. С 1 января 1895 г. действие Устава вводилось на территории указанных

выше губерний, одновременно с введением монопольной системы, причем на нужды Комитетов ПОНТ ассигновались пособия из казны. Следует сказать, что бюджет каждого губернского (областного) и уездного Комитета ПОНТ, помимо пособия от казны, составляли пожертвования и сборы от продажи книг, газет, журналов и от устройства народных чтений, общественных развлечений и т.п., а также «суммы, причитающиеся открывателям нарушений правил о торговле крепкими напитками в том случае, когда нарушения обнаружены членами Попечительств» [8].

Важно отметить, что в ходе практической деятельности Комитетов ПОНТ законодатель вносил изменения или поправки в действующее законодательство. Так, например, 27 марта 1895 г. пособия, направляемые в распоряжение Комитетов ПОНТ, были причислены к «специальным средствам Попечительств» [8]. 29 мая 1897 г. законом «О некоторых изменениях и дополнениях в действующих законоположениях о казенной продаже питей» были учреждены особые и городские Комитеты ПОНТ [8]. 4 июня 1899 г. законом «Об изменении Устава Попечительств о народной трезвости» были внесены существенные поправки в деятельность субъектов попечительства и их делопроизводства [8]. 28 января 1901 г. были утверждены новые «Правила о народных чтениях, устраиваемых Попечительствами о народной трезвости» [8]. 7 января 1902 г. были изменены и дополнены «Положение о казенной продаже питей» и «Устав Попечительств о народной трезвости» [8] и т.д. Помимо этого, Министерство финансов издавало соответствующие инструкции, регламентирующие те или иные направления деятельности ПОНТ. Так, 5 мая 1903 г. по согласованию министра финансов с министром внутренних дел были утверждены «Правила о продаже Попечительствами о народной трезвости народных изданий» [4]. К этому добавим, что Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов, в чем непосредственном ведении находились Комитеты ПОНТ, своими циркулярами координировало и направляло их деятельность.

Литература:

1. Афанасьев И.Н. Борьба государства и общества за народную трезвость в России 1861–1914 гг. (на примере Новгородской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
2. Бачинин И. Общество трезвости на приходе. Екатеринбург, 2009.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 1. Царствование Николая II. Л., 1924.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 465.
5. Николаев А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35.
6. Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия. СПб., 1899.
7. Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 36.
9. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. М.:РИОР, ИН-ФРА-М, 2015.
10. Рассказов Л.П. Теория государства и права. Четвертое издание. М.: РИОР: ИН-ФРА-М.: 2013.
11. Фридман М.И. Винная монополия: в 2 т. Т. 2. Винная монополия в России. Пг., 1916.
12. Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004.

М. В. КУЛИШ
доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук
(Россия)

M. V. KULISH
associate Professor of Civil Law and Process
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
candidate of Legal Sciences
(Russia)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

NATIONAL POLICY IN THE FIELD OF IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних.

Ключевые слова: административная ответственность несовершеннолетних, административные наказания, комиссии по делам несовершеннолетних.

Annotation. In the article the problems of bringing to the administrative responsibility of minors are considered.

Keywords: administrative responsibility of minors, administrative punishments, commissions for minors.

Тема ответственности несовершеннолетних является одной из самых актуальных в настоящее время. Обусловлено это тем, что среди всех видов преступности, преступность несовершеннолетних стоит на одном из первых мест. Рост преступлений, совершаемых несовершеннолетними крайне велик, именно поэтому данная тема не может остаться без обсуждений.

Статьей 2.1 Кодекса об административных правонарушениях предусмотрено определение административного правонарушения. Им признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность [6]. В борьбе с правонарушениями в этой среде особые усилия направлены на профилактику проступков несовершеннолетних, а также на выявление причин, порождающих эти самые правонарушения.

Административная ответственность несовершеннолетних лиц – это особая форма реагирования государства на административные правонарушения, которая выражается в применении конкретных административных наказаний [1, с. 575]. Эти наказания предусмотрены в применении санкций норм административного законодательства, наступлении неблагоприятных последствий для несовершеннолетних.

Административная ответственность несовершеннолетних лиц, как и любая другая, обладает своими особенностями. Они обусловлены, во первых, возрастом лица, совершившего административное правонарушение, во вторых, направлены на особую защиту его интересов. Также особенностью административной ответственности несовершеннолетних является и факт одновременного наступления административной ответственности их родителей. Статья 5.35 КоАП РФ, предусматривает административную ответственность родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за

неисполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних [2].

В соответствии со ст. 2.3. КоАП РФ административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. Ответственность за административное правонарушение, совершенное несовершеннолетними в возрасте от 14 до 16 лет несут родители или иные законные представители (опекуны, попечители). С учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав указанное лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних. Лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 4.6. КоАП РФ).

При отсутствии у несовершеннолетних, совершивших мелкое хулиганство или нарушение правил дорожного движения, самостоятельного заработка, штраф взыскивается с родителей или лиц, их заменяющих.

Наиболее характерными из числа правонарушений, совершаемые несовершеннолетними являются те, которые посягают на общественную безопасность и общественный порядок, к примеру, мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков или потребление наркотических средств в общественных местах, появление в состоянии алкогольного опьянения несовершеннолетних в общественных местах [4, с. 247].

Основной целью административного наказания является предупреждение совершения новых правонарушений самим правонарушителем и другими лицами. Административное наказание не может содержать в себе цель, связанную с унижением человеческого достоинства или причинение физических страданий.

Главным субъектом административной юрисдикции, рассматривающим дела в отношении несовершеннолетних являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Согласно ч.1 ст. 23.2 КоАП РФ районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35, 5.36, 6.10, 20.22 КоАП РФ.

Это органы, на которые возложены обязанности по организации работы, направленной на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, охрану их прав, оказание подросткам помощи в получении образования, социально-бытовом устройстве, рассмотрение дел о большинстве административных правонарушений, совершенных лицами в возрасте от 16 до 18 лет.

Комиссии по делам несовершеннолетних могут применять меры административного воздействия (кроме административного ареста, конфискации) или воспитательного характера, также они могут рассматривать дела об административных правонарушениях родителей или лиц, их заменяющих, предусмотренные ст. 5.35 КоАП РФ (невыполнение обязанностей по воспитанию и обучению детей). также другие дела, связанные с совершением подростками правонарушений. Комиссии могут применять в отношении родителей несовершеннолетнего правонарушителя или лиц, их заменяющих, следующие виды взысканий: общественное порицание, предупреждение, штраф, возложение обязанности возместить причиненный несовершеннолетним ущерб, не

превышающий половины МРОТ [4, с. 237].

Согласно официальной статистике, в России за 2010 год 623721 несовершеннолетних совершило административное правонарушение. За годы этот показатель довольно сильно снизился: в 2016 году совершило административное правонарушение уже 21390 человек, из числа несовершеннолетних. Из этого можно сделать вывод, что превентивные меры в отношении несовершеннолетних правонарушителей работает достаточно эффективно [5].

И все-таки даже при значительном снижении показателя совершенных преступлений, административные правонарушения в среде несовершеннолетних остаются отнюдь не редкостью в нашей стране. Основной причиной, побуждающей подростков на совершение правонарушений, на мой взгляд, является негативное влияние, как со стороны окружающего общества, так и со стороны средств массовой информации, так как молодежь – это такое поколение, которое максимально использует Интернет и СМИ, способно черпать информацию самого разного содержания. В таком возрасте подростки особенно остро поддаются влиянию глобальной сети, а также СМИ, так как их личность еще сформирована не до конца.

Литература:

1. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М., 2009.
2. Ткач А.Н. Административное право: курс лекций. М., 2010.
3. Братановский С.Н., Зеленов М.Ф., Марьян Г.В. Административное право: учебник. М., 2014.
4. Колоколов Н.А. Рассмотрение дел об административных правонарушениях. практика судов общей юрисдикции: учебное пособие. М., 2012.
5. Дынько А.П., Кулиш М.В. Юридическая ответственность несовершеннолетних и деятельность детских пенитенциарных учреждений по ее реализации в советском государстве послевоенного времени (1945-1956 гг.): монография. Краснодар, 2013.
6. <http://fedstat.ru/>.
7. <http://www.consultant.ru/popular/koap/>.

А. Д. ЛЕБЕДЕВА

*доцент кафедры общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин*

АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»

кандидат юридических наук, доцент

(Россия)

Ю. С. ДЕНИСЕНКО

студентка юридического факультета

АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»

(Россия)

A. D. LEBEDEVA

Associate professor of the Department of General Theoretical

And state-legal disciplines

ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"

Candidate of jurisprudence, associate professor

(Russia)

YU. S. DENISENKO

Student of the Faculty of Law

ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"

(Russia)

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

EDUCATIONAL INFLUENCE ON CONVICTED PERSONS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Аннотация. Рассмотрены основные меры воздействия на осужденных.

Ключевые слова: воспитательная работа, пенитенциарная психология, труд осужденных, индивидуальная работа, меры воздействия

Annotation. Describes the main measures of the impact on prisoners.

Keywords: educational work, penal psychology, the labour of convicts, and individual work, interventions

В достижении цели исправления осужденных в исправительных учреждениях важная роль принадлежит предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством воспитательной работе и общеобразовательному обучению. Воспитание и образование осужденных привлекло внимание еще в конце прошлого века И.Я. Фойницкого. В своих трудах он считал, что «тюремное образование» должно включать образование духовное, нравственное, интеллектуальное, а также техническое. Также, он считал, правильным тюремным воспитанием будет являться тюремные соревнования, заключающиеся в прогрессивной системе.

Советское правительство 20-х годов, предусматривало проведение культурно-просветительских работ с участием осужденных, что бы окунуть их вглубь данной работы и показать значимость их действий.

Кодификация законодательства 1969-1971 годов отразила все лучшее, что было создано к тому времени наукой и практикой, сформировала своего рода балласт единообразного решения важнейших вопросов, закрепила задачи, организацию и форму политико-

воспитательной работы, основы регулирования образования лиц, лишенных свободы(6.С.348).

15 декабря 1958 года были определены содержание и основные направления политико-воспитательной работы в местах лишения свободы (строгое соблюдение законов, правил социалистического общежития, честное отношение к труду, государственной и общественной собственности, повышение сознательного и культурного уровня) [7, с. 160].

Они заключались в следующем:

1. проведение занятий по изучению текущей политики;
2. издание многотиражных и стенных газет, организация радиовещания;
3. трудовое соревнование;
4. развитие творческой инициативы и участие в общественных организациях;
5. индивидуальная воспитательная работа;
6. проведение культурно-массовых мероприятий и развитие художественной самостоятельности, организация библиотек, читательских клубов;
7. физическая и спортивная работа;
8. организация шефской работы предприятий, колхозов и совхозов.

На протяжении различных исторических периодов значимость воспитательной работы менялась: в царских тюрьмах она представляла собой, прежде всего, нравственно-религиозное воспитание, а весь советский период посвящен политико-воспитательной работе.

В девяностые годы особое значение вновь приобретает нравственно-религиозное воспитание, лежащее, в основе работы с заключенными в большинстве западных тюремных систем. В связи с реализацией осужденными своего права на свободу совести и вероисповедания уголовно-исполнительная система в последнее время активно сотрудничает с представителями различных религиозных конфессий, и прежде всего с русской православной церковью, по вопросам духовно-нравственного воспитания осужденных. Воспитательная работа как раньше, так и теперь заключается в том, чтобы изменить криминальные взгляды, убеждения, установки, вредные привычки и подготовить осужденного к честной жизни на свободе.

Пенитенциарная психология и педагогика по-разному трактуют термин «воспитательная работа». В пенитенциарной психологии - это изменение криминальных взглядов осужденного. Речь идет о переубеждении и его сущности, формировании установки на исправление, о преодолении психологических барьеров, в социально-психологических условиях, связанных с действительностью воспитания. В пенитенциарной педагогике воспитательная работа определяется как профессиональная деятельность. Воспитательная работа должна быть обращена к конкретной личности как к носителю асоциальной субкультуры, представляющей опасность для общества. Очень часто возникала проблема незанятости осужденных, приводившая к неминуемым дестабилизирующим обстановку процессам [5, с. 554].).

К сожалению, проблема незанятости осужденных существует и в настоящее время, поэтому требуется незамедлительное принятие системы мер, включающей разработку образовательных, воспитательных, профессиональных и досуговых программ, способных обеспечивать проведение культурного досуга осужденных, сохранять их физическое и психическое здоровье; расширение системы клубной и кружковой работы; создание и постоянное пополнение библиотечных фондов. Следует поддерживать и поощрять развитие форм самоуправления среди осужденных, когда ответственность за определенные виды социальной, культурно-массовой, спортивной и иной общественно полезной деятельности возлагается на самостоятельные организации. Необходимо применять образовательные программы, используемые в западной пенитенциарной практике в работе с заключенными.

В процессе воспитательной работы важно довести до сознания каждого осужденного степень его вины и справедливости наказания.

Воспитательная работа оказывает духовное влияние на личность осужденного, улучшает его путем целенаправленного воздействия, восстанавливает либо прививает навыки правильной ориентации в иерархии социальных ценностей и психологической подготовки к ведению нравственного социально полезного образа жизни после освобождения из мест лишения свободы. Воспитательная работа как средство исправления поведения личности в наименьшей мере, по сравнению с режимом и трудом урегулирована на уровне закона.

Целью воспитательной работы, прежде всего, может быть как юридическое исправление (страх перед наказанием), так и более глубокое, нравственное, когда совершение правомерного поступка становится непринужденным, а у человека вырабатывается стойкая привычка нормативного поведения. Воспитательная работа призвана решать следующие задачи, указанные в ст. 109 УИК РФ, к которым относится: исправление осужденных, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития; повышение образовательного и культурного уровня осужденных [2, с. 160; 3, с. 448].

Решающая роль в формировании личности принадлежит труду. Так, в статье 37 Конституции РФ говорится о том, что труд свободен, и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1, с. 39]. Отдавая предпочтение тому, или иному роду деятельности мы проводим черту, где наша личность подлежит реформированию под гнетом выбранной нами профессии. Общественно полезный труд, отношение к нему, его результат определяют авторитет и положение человека в обществе. Еще одним из критериев к исправлению осужденных является их правовое воспитание, которое призвано для разъяснения законодательства, формирования правовой культуры и стойкой законопослушной поведенческой установкой личности. Формой воспитания правовой культуры осужденных являются семинары на правовые, моральные, эстетические и другие нормы.

Немало важна индивидуальная работа с осужденными, так как именно она направлена на изучение личности каждого осужденного с учетом всех особенностей его личности и особенностей совершенного им преступления. Индивидуальный подход предполагает разделение этапа исправления на три процесса: изучение и адаптация осужденного к новым условиям, исправительный этап и подготовка к освобождению. Что касается общеобразовательной работы с осужденными, то её значение состоит в том, чтобы развить у осужденных интерес к учебе, повысить их уровень образования и общую культуру.

Что касается разработки новых подходов в обеспечении воспитательного воздействия на правонарушителей, то, прежде всего, следует обратить внимание на создание в системе исполнительных учреждений психологической службы. Задачами данной службы являлись бы: разработка и реализация методик социально-психологического изучения, психолого-психиатрической и социально-педагогической диагностики личности осужденного; корректировка индивидуальных программ, психологическое консультирование и профилактика стрессовых состояний осужденных и другие [4, с. 183].

При исполнении наказания их содержание и средства должны быть взаимосвязаны, поскольку, если лишение свободы не будет связано с привлечением осужденных к исправительным мерам, то оно останется, лишь карой за совершенное преступление. В заключение необходимо отметить, что для совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, необходимо учитывать общественное мнение при принятии тех или иных законов, организовывать референдумы, касающиеся выяснения отношения народа к уголов-

ным наказаниям в виде лишения свободы, применению основных средств исправления осужденных.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с попр.) // СПС «Консультант-Плюс» – 2017.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.
3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ТК Велби, Проспект, 2016. С. 448.
4. Уголовно- исполнительное право / под ред. И.В. Шмарова. М., 2010. С. 183.
5. Уголовно-исполнительное право России / В.А. Казакова и др. М.: Норма, 2016. С. 544.
6. Уголовно-исполнительное право / под ред. К.О. Копшева. М.: Дашков и Ко, 2016. С. 348.
7. Уголовно-исполнительное право / ред. Н. Ольшевская. М.: АСТ, Сова, 2016. С. 160.

В. П. ЛЕГОСТАЕВ

*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

Я. В. БАЦУН

*студентка юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

V. P. LEGOSTAYEV

*the senior lecturer of chair of the criminal and criminally-executive right
АНОО ВО "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

YA. V. BATSON

*student of the Faculty of Law
АНОО ВО "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ПРОЦЕССЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

PECULIARITIES OF REMEDY OF MORAL HARM CAUSED IN THE PROCESS OF CRIMINAL PERSECUTION

Аннотация. В статье дано понятие морального вреда, причиненного уголовным преследованием, и рассмотрены особенности его возмещения в связи с реабилитацией лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Ключевые слова: Уголовное преследование, реабилитация, нематериальные и материальные формы возмещения морального вреда.

Annotation. The article gives the concept of moral harm caused by criminal prosecution and considers the peculiarities of its compensation in connection with the rehabilitation of a person who is being criminally liable.

Keywords: Criminal prosecution, rehabilitation, intangible and material forms of compensation for moral harm.

УПК России в ст. 136 предписывает возмещение морального вреда, связанного с реабилитацией лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности. Понятие морального вреда подробно освещается в главе 8 Гражданского кодекса Российской Федерации ст.ст. 151–152.2 как нематериальные блага и их защита.

В постановлении № 10 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 6.02.2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» дано более конкретное определение морального вреда: это – нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соот-

ветствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина [1].

Вместе с тем, Закон об оперативно-розыскной деятельности иначе определяет порядок возмещения вреда, причиненного оперативно-розыскными мероприятиями, нарушившими права и законные интересы лиц, в отношении которых проводились ОРМ. В ч. 8 ст. 5 данного Закона уточняется: возмещение вреда, в том числе имущественного, должно осуществляться при активной роли вышестоящего органа (по отношению к тому, который нарушил закон), прокурора или судьи. Они «обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда». В каком порядке это осуществляется, Закон об ОРД, к сожалению, не регламентирует.

В юридической науке проблемам возмещения морального вреда посвящено немало научных работ, это связано в первую очередь с тем, что механизм реализации данного института уголовного процесса в современных условиях далек от совершенства. Так, например, А.А. Подопригора характеризуя моральный вред, подчеркивает, что он может заключаться, в частности, в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников; в невозможности продолжать активную общественную жизнь; в потере работы; в раскрытии семейной, врачебной тайны; в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина [2]. Моральный вред может найти свое выражение и во временном ограничении или лишении каких-либо прав; в физической боли, связанной с причиненным увечьем, в ином повреждении здоровья либо в заболевании, перенесенным в результате нравственных страданий и др. [3].

Физические страдания как одна из разновидностей морального вреда проявляются в негативных ощущениях: боли, головокружении, тошноте, удушье и т.д. [4].

К сожалению, в приведенных выше источниках речь идет лишь о нравственных и физических страданиях. Такое сужение понятия морального вреда вряд ли оправдано. По мнению А.М. Эрделевского, следует понимать под моральным вредом (физически или нравственными страданиями) «негативные психические реакции человека, выражающиеся в ощущениях и представлениях» [5]. В этом определении, по нашему мнению, не отражен очень важный момент – так называемые «социальные потери». Они могут быть выражены в умалении чести, достоинства, репутации человека, в изменении общественного мнения и т.д. Вот почему более точным представляется определение, данное В.В. Хатуаевой, хотя и относящееся только к вреду от преступления: «По своей сути моральный вред – это страдания, которые отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания), и негативных переживаний (нравственные страдания), следствием которых являются психические изменения в сознании человека, а также субъективные потери, переживаемые лицом как предвидимые последствия преступного посягательства» [6].

Вместе с тем, по нашему мнению, заслуживает внимания определение С.В. Наружного: «Под моральным вредом, явившемся результатом незаконных действий органов дознания, следователя и прокурора, следует считать: а) физические страдания, т.е. негативные ощущения; б) нравственные страдания, т.е. негативные переживания; в) социальные потери, причиненные такими незаконными действиями» [7].

Возмещение морального вреда осуществляется в двух формах: нематериальной и денежной.

Нематериальной формой компенсации морального вреда служит принесение прокурором от имени государства официального извинения реабилитированному за причиненный ему вред (ч. 2 ст. 136 УПК). Возложение этой обязанности именно на прокурора обусловлено выполнением прокурором от имени государства уголовного преследования, а

также надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК). Рассматривая вопросы возмещения морального вреда реабилитируемому, А.А. Подопригора указывает на то, что в УПК не разъяснен порядок принесения официального извинения прокурором от имени государства. Так, извинение принести им предлагается не позднее 30 суток с момента вынесения оправдательного приговора, или же в течение 3 суток направления в его адрес письменного извинения [8].

Часть 3 ст.136 УПК предусматривает обязательное сообщение средства массовой информации о реабилитации лица, если в них были распространены сведения о задержании, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении и иных примененных к реабилитированному незаконных действиях. Данное правило касается как публикаций в печати, так и распространения сведений об уголовном преследовании лица по радио, телевидению или в любых иных средствах массовой информации.

Информация о реабилитации лица сообщается по требованию реабилитированного (а в случае его смерти – по требованию его близких родственников или родственников), либо по письменному указанию суда, прокурора, следователя, дознавателя. Средства массовой информации обязаны сделать сообщение о реабилитации в течение 30 суток с момента поступления соответствующего требования или указания. При отказе средства массовой информации в распространении сообщения о реабилитации реабилитированный может предъявить к нему иск с таким требованием на основании ч.2 ст.152 ГК Российской Федерации.

Нематериальной формой возмещения морального вреда является также направление письменного сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства. Данная обязанность возложена на суд, прокурора, следователя, дознавателя, которые в случае поступления требования реабилитированного, а в случае его смерти, - его близких родственников или родственников, должны выполнить указанную обязанность в течение четырнадцати суток (ч. 4 ст.136 УПК).

На основании ч. 2 ст.136 УПК компенсация морального вреда в денежной форме осуществляется в порядке гражданского судопроизводства. Возможность предъявления в этом порядке иска о компенсации морального вреда в денежном выражении предусмотрена ст.151 ГК Российской Федерации.

Закон не определяет, подчеркивает И. Л. Петрухин, в каком размере должен быть возмещен моральный и физический вред в денежной форме. Реабилитируемые нередко завышают сумму, компенсирующую размер нанесенного им вреда. Судьи нередко испытывают в этом вопросе затруднения, поскольку закон предлагает лишь самые общие критерии оценки тяжести причиненного морального вреда, а именно размер и характер нравственных и физических страданий и степень вины причинителя вреда [9].

По этому поводу в постановлении Верховного Суда от 29. 11. 2011 г. №147 в п. 21 разъясняется размер денежной компенсации морального вреда реабилитируемому. Судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости. Мотивы принятого решения о компенсации морального вреда должны быть указаны в решении суда [10].

Суд по иску реабилитированного гражданина принимает решение о денежной компенсации морального вреда, руководствуясь ст. 151, 1100, 1101 ГК Российской Федерации. Конкретный размер компенсации морального вреда определяется судом по его усмотрению в за-

висимости от характера причиненных этому лицу физических и нравственных страданий, учитывая требования разумности и справедливости (ч. 2 ст.1101 ГК Российской Федерации). Часть 3 этой же статьи предусматривает, что характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, а также индивидуальных особенностей потерпевшего.

Таким образом, представляется, что проблема возмещения вреда, причиненного в результате необоснованного привлечения к уголовной ответственности впоследствии реабилитации лица, актуальна и на сегодняшний день, а реализация данного института уголовного судопроизводства в условиях кризисных явлений в экономике – представляет проблему скорейшего решения.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3.
2. Подопригора А.А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2004. С.20-22.
3. Там же. С.23.
4. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное) // Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014
5. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996. С. 22.
6. Хатуева В.В. Проблемы возмещения морального вреда в уголовном процессе России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
7. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. СПб., 2001. С. 34-41.
8. Подопригора А.А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д. 2004. С.21.
9. Петрухин И.Л. Реабилитация // Законодательство. 2004. № 3 // СПС «Гарант», 2013.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант», 2013.

Т. В. ПИЛЮГИНА

*доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности
АНОО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

Ш. М. МУРОДОВ

*студент юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Таджикистан)*

T. V. PILYUGINA

*Associate Professor of the Department of Administrative Law and Law Enforcement
ANO "Kuban Social and Economic Institute"
candidate of Law, Associate Professor
(Russia)*

SH. M. MURODOV

*student of the Faculty of Law
ANO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Tajikistan)*

СПОСОБЕН ЛИ ИНСТИТУТ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ ЗАЩИТИТЬ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ?

IS THE INSTITUTE OF JUVENILE JUSTICE POSSIBLE TO PROTECT THE RIGHTS OF MINORS?

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос становления правового института ювенальной юстиции. Дана характеристика механизма изменения базовых принципов взаимодействия государства и семьи посредством тоталитарного подавления свободы личности, разрушения автономности отношений детей и родителей раскрыты плюсы и минусы этого института.

Ключевые слова: Ювенальная юстиция, правовой институт, защита несовершеннолетних,

Annotation. In the article the question of formation of legal Institute of juvenile justice. The characteristic mechanism for changing the basic principles of interaction between the state and family through the totalitarian suppression of individual liberties, the destruction of the autonomy relations of children and parents revealed the pros and cons of this institution.

Keywords: juvenile justice, law Institute, the protection of minors,

Идея ювенальной юстиции получила свое развитие в США в конце 19-го века, позже это новшество подхватили Великобритания и Франция, приняв ряд нормативных документов и создав ювенальные суды. Сегодня в мире мы видим три основных модели ювенальной юстиции: англо-американская, континентальная и скандинавская. Англо-американская модель направлена, в первую очередь, на профилактику детской преступности. Содержит специализированную систему мер воздействия на ребенка, в зависимости от возраста и тяжести совершенного правонарушения.

Континентальная модель основной фигурой исправления и воспитания ставит судью, который сопровождает правонарушителя с первого факта нарушения и выполняет функции не только судьи, но и соцработника.

Скандинавская модель наиболее близка к российским реалиям работы с трудными подростками. Эту модель отличают ведущая роль социальных работников и в редких случаях лишение правонарушителя свободы до совершеннолетия.

А решают ли эти модели защиту прав несовершеннолетних, или это лишь вершина айсберга, порождающая системный комплекс несудебных и даже неюридических органов, определяющих судьбы детей и судьбы их родителей? Защита прав ребенка, разумеется, совершенно благое дело, тут нет никаких сомнений. Малыш не имеет пока достаточных сил, чтобы самостоятельно отстаивать собственные права, что и обуславливает внимание общества к этому вопросу. Сегодня однозначно мы наблюдаем то, что под лозунгом «защиты прав ребенка» действия Западноевропейских ювенальных судов напоминают действие троек ВЧК, которые в нашей стране так же в 30-е годы быстро, тайно, без адвокатов и открытого судебного процесса вершили судьбы людей, поскольку не подчиняясь общей системе юстиции, закрыто и быстро принимают решение об изъятии детей.

Именно такие механизмы изменения базовых принципов взаимодействия государства и семьи посредством тоталитарного подавления свободы личности, разрушения автономности отношений детей и родителей делают последних совершенно бесправными. Права детей получают приоритет над правами всех остальных категорий граждан, а это оборачивается разрушением семей, и горем родителей и детей [1].

В России работа по созданию новой специализированной судебно-правовой системы защиты прав несовершеннолетних началась еще в середине прошлого столетия в 1995 году Указом Президента РФ Б.Н. Ельциным № 942 от 14.09.1995 год, утвердившего «Национальный план действий в интересах детей», согласно которому в числе мер по укреплению правовой защиты детства предусмотрено создание системы ювенальной юстиции [2], представленной как государственными органами, осуществляющими правосудие по делам о преступлениях и правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, так и государственными и негосударственными структурами, проводящими контроль за исправлением и реабилитацией несовершеннолетних преступников и профилактику детской преступности, социальную защиту семьи и прав несовершеннолетних.

С начала 2000 года началась вести активная работа по внедрению системы ювенальной юстиции в России в упорядоченном виде, предполагающая, прежде всего, общую законодательную базу, регламентирующую деятельность как государственных органов, осуществляющих правосудие по делам о преступлениях и правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, так и государственных и негосударственных структур, проводящих контроль за исправлением и реабилитацией несовершеннолетних преступников и профилактику детской преступности, социальную защиту семьи и прав несовершеннолетних. В рамках работы в 2004 году впервые в Таганроге Ростовской области был создан ювенальный суд. На практике все закончилось выделением отдельного здания и отдельных судей, рассматривающих дела только по правонарушениям несовершеннолетних. Никаких других мероприятий, первоочередные из которых – социально-психологическая помощь, реабилитация и профилактика, не проводилось.

Между тем к 2010 году положение изменилось. В составе судов общей юрисдикции стали действовать 10 составов судей по делам несовершеннолетних: Таганрогский, Шахтинский и Азовский городские суды, Егорлыкский районный суд – в Ростовской области; Ангарский городской суд – в Иркутской области; Абаканский городской суд – в республике Хакасия; Петропавловск-Камчатский городской суд – в Камчатском крае; Елецкий районный суд – в Липецкой области; Володарский и Бежецкий районные суды г. Брянска, Дубровский районный суд – в Брянской области. Эти ювенальные суды внесли начало развитию новой специализированной судебно-правовой системе защиты прав несовершеннолетних, ее организационной деятельности попечительских, медико-социальных и реабили-

тационных учреждений и организаций, что стало основной задачей развития российской ювенальной юстиции. Фактически она должна была стать очень положительной системой, при помощи которой обеспечивалось бы спасение детей из неблагополучных семей, велась бы борьба с действиями родителей по отношению к собственным малышам и так далее. Но по факту она абсолютно не выполняет свои функции. Ни в тех странах, где она существует в условно-зачаточном состоянии, типа России, ни там, где эта система уже создана очень давно и активно действует.

Статистика показывает, что количество преступлений, самоубийств и тому подобных событий только возрастает, когда в проблему вмешивается эта самая юстиция. Давайте взглянем на эту статистику. При ранжированности территории РФ по уровню распространенности подростковой наркомании, то окажется что употребление наркотиков в среднем по России составляет 241,3, самоубийства среди подростков на территории РФ в среднем составляют 255 на 100 тысяч, корыстно-насильственная преступность среди подростков по данным ГИАЦ МВД России составила на уровне 58,7% грабежей и 63,2% разбоев [3].

Несмотря на то, что российская ювенальная юстиция существует достаточно давно в том или ином виде, а это и работа органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, являющиеся элементом большой системы, направленной на защиту прав, интересов и исправление несовершеннолетних, в последнее время в России, его научных кругах идут споры о целесообразности использования института ювенальной юстиции. Той правовой основы систем учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершенны несовершеннолетними.

Заметим, рассуждая о проблемах и перспективах ювенальной юстиции в России, хотелось бы заметить плюсы и минусы этого института. Воспитанием ребенка с самого его рождения занимаются родители, затем подключается детский сад, вставляет свое веское слово школа, иногда вносит лепту инспекция по делам несовершеннолетних, улица, кино, телевидение, все, что формирует маленького гражданина. Вместе с тем давайте не забывать, что в национальной традиции нашего народа воспитание маленького гражданина, прежде всего, возложено на родителей. Это есть их право на воспитание, воспитание с любовью, физическим наказанием ребенка в случае его упорного непослушания и хамства, что определяется свидетельствами Священного Писания и подтверждается накопленным педагогическим опытом [4]. Поэтому шлепки и подзатыльники до определенного времени допускались со стороны родителей при воспитании своих чад. Именно до определенного времени, когда не стал вопрос о ювенальной юстиции.

В опубликованном 06.07.2012 г. Открытом письме деятелей науки и культуры президенту, правительству и парламенту 42 представителя творческой и научной интеллигенции России призвали «отвергнуть ювенальные технологии как явление чуждое, злобное и смертельно опасное для нашего государства» [5]. Указывая на угрозу введения в России ювенальной юстиции, они обращают внимание президента, правительства и парламента на вопиющие, по их словам, противоречия «ювенальных инноваций» современному российскому праву. Ибо система ювенальной юстиции как контролирующей и репрессивный институт разрушает и традиционную российскую семью, и Россию, и превратит семейные отношения в битву за детей между родителями и государством. Дети будут чувствовать слишком большую свободу действий для своего возраста, что также приведет к необратимым отрицательным последствиям.

Как известно, проверка любой теории – это практика. По той информации, которая поступает с мест, по возмущению родительской общественности по всей стране, по валу писем рядовых граждан в Законодательное собрание РФ можно судить о том, что известная теория так называемой ювенальной юстиции, привнесенная в российское законода-

тельство из-за рубежа, ставшая уже, к сожалению, практикой, не имеет поддержку у подавляющего большинства народа России, и попытка навязать эту систему, не смотря ни на что, является не чем иным, как провокацией, способной поднять народ на борьбу со своим государством [6].

Волну недовольства вызвали поправки к Уголовному кодексу, принятые Госдумой в конце июня 2017 года, по преступлениям в отношении членов семьи, близких родственников и свойственников. По изначальному замыслу ответственность за незначительные преступления должны были декриминализировать, перевести их в разряд административных. Родительская общественность очень ждала осуществления этой идеи, т.к. подразумевалась, в том числе, декриминализация побоев. Под этим грозным словом понимается на самом деле причинение физической боли без ущерба для здоровья. А это значит, что шлепки и подзатыльники являются уголовно наказуемыми, со всеми вытекающими последствиями в виде лишения родительских прав, например. Не говоря уж о возможных проблемах с карьерой как у «уголовника», так и у его детей.

Как видим в статье 116 внезапно возник диаметрально противоположный смысл, появилось абсурдное и нелогичное наказание: за большее преступление – максимально мягкое, за малое преступление – чрезвычайно суровое, и, самое главное, образовался новый, никогда ранее не существовавший, субъект преступности – «близкое лицо». Содержание этого понятия раскрывается там же: «Под близкими лицами в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство» (п. 4 ст.1). Принятие указанных поправок в ст. 116 УК и ст.20 УПК – громадная трагическая ошибка для государства, для общества, для нации [7].

Антисемейные поправки принятого закона уничтожают конституционное право родителей на воспитание детей (ст. 38), нарушают ст. 63 Семейного кодекса РФ, которая гласит, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей; родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей», нарушают раздел III Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р) [8], которая требует «создания условий для повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи». Новая редакция указанных статей закона также вступает в грубое противоречие с п. 76, 78 Стратегии национальной безопасности (Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 г.), согласно которым защита семьи и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесены к «стратегическим целям обеспечения национальной безопасности» [9].

Хотелось бы еще раз заметить, что выделение ювенальной юстиции как суперправовой отрасли явно будет нарушать основной конституционный принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции, где высшей ценностью человека названы его права и свободы, без выделения прав несовершеннолетних. Родители должны сами выбирать, как им воспитывать своего ребёнка, конечно, в пределах закона и морально-этических норм. А лишение родительских прав должно проводиться в крайних случаях, как это делается сейчас.

Думается, ювенальная юстиция будет запрещать всякое наказание детей, что приводит к необоснованному изъятию детей у родителей и становится механизмом разрушения семьи.

Учитывая вышеизложенное, легко догадаться, что голосов против ювенальной юстиции намного больше, чем за. Хотя есть и ее положительные моменты. К положительным факторам с точки зрения чиновников, относятся улучшение ситуации внутри семьи, сни-

жение детской преступности и так далее. В теории, если будут четко перечислены показатели, по которым ребенка могут забрать органы опеки, и они действительно будут более-менее адекватными, то ситуация может на самом деле улучшиться. Простой пример – есть семья, в которой ребенка кормят пищей быстрого приготовления. Это и здоровому взрослому вредно, не говоря уже о малыше. Если вскрывается такой факт, причем именно злоупотребления, а не частных случаев, подтвержденный документально, тогда уже действительно есть смысл начинать процедуру лишения родительских прав. Такое питание с раннего детства может негативно сказаться на всей жизни малыша и его здоровье.

Несомненно, с учетом мнения общества западная юриспруденция и ювенальная юстиция никак не может влиять на развитие Российского государства. Российская ювенальная юстиция не должна стать карающим органом, отбирающим детей у родителей и разрушающим семьи.

Литература:

1. Баринов Н. Что такое ювенальная юстиция // <http://www.omiliya.ru/chtotakoe-yuvenalnaya-yustitsiya>.
2. Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» // <http://base.garant.ru/>.
3. Аналитическая справка ГИАЦ МВД России 2016 // https://мвд.пф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.
4. Клинь Б., Рябиченко Л. и др. Родителей – в отставку? Разрушение семьи под видом борьбы за права детей // <https://profilib.com/chtenie/121738/boris-klin-roditeley-v-otstavku-razrushenie-semi-pod-vidom-borby-za-prava-detey.php>.
5. Бортко В., Кургинян С., Норштейн Ю. Открытое письмо деятелей науки и культуры президенту России, правительству, Совету Федерации, Государственной Думе, российским гражданам по поводу угрозы введения в нашей стране ювенальной юстиции // «Известия», 6.06.2012г. [Электронный ресурс] // URL: izvestia.ru/news/529550.
6. Что такое ювенальная юстиция, и что изменилось с ее появлением в России? // http://sovetnik.consultant.ru/yuvenalnaya_yusticiya/chtotakoe_yuvenalnaya_yusticiya_i_chto_izmenilis_s_ee_poyavleniem_v_rossii/.
7. Федеральный закон от 3.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р «Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента № 683 от 31.12.2015 г. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

III Раздел:
**«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных
социально значимых интересов»**

Л. АВИЛОВА

*студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

L. AVILOVA

*Student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

ПРОФАЙЛИНГ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

PROFILING AS A METHOD TO IDENTIFY SERIAL KILLERS

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о преимуществах профайлинга в борьбе с серийными преступлениями. Автор обращает внимание на то, что использование опыта США в борьбе с многоэпизодными преступлениями насильственного типа способен помочь осуществлению этой деятельности и в РФ.

Ключевые слова: профайлинг, серийный убийца, бихевиористика, дезорганизованный и организованный.

Annotation. The article discusses the advantages of profiling in the fight against serial crimes. The author draws attention to the fact that the use of US experience in combating multi-episodic crimes of violent type is able to help carry out this activity in the Russian Federation.

Keywords: profiler, serial killer, behaviorism, disorganized and organized.

Современная практика профилактики преступлений основывается на том, что ее эффективное осуществление возможно только в условиях комплексного междисциплинарного подхода. В унисон этому все более активное распространение приобретают методы нормативного воздействия на личность и общество, которые формируются из исследований криминологов, криминалистов, психиатров, криминальных психологов, специалистов в сфере судебной медицины.

В 2011 г. ООН впервые за всю историю существования поручила своему Управлению по наркотикам и преступности (UNODC) провести исследования тяжких уголовных преступлений в мировом масштабе. На основании этой работы был подготовлен доклад, названный «Глобальная статистика убийств – 2011». Из него следует, что всего в мире в 2010 г. произошло 468 тыс. убийств. Лидирует по этому показателю Африка (170 тыс. убийств, или 36% от их общего числа в мире). 31% убийств приходится на Северную и Южную Америку, 27 процентов – на Азию, а спокойнее всего в Европе и Океании: там произошло всего 5% и 1% преступлений соответственно.

Одна из самых неутешительных цифр, приведенных в докладе, относится к России [1]. Причем экспертам пришлось оперировать цифрами за 2009 г., так как им не удалось получить статистику по России за 2010 г. Всего в позапрошлом году в РФ было совершено 15954 убийства, или 11,2 убийства на 100 тыс. населения. Для сравнения: в США за тот же год было зарегистрировано 15241 убийство, или 5 убийств на 100 тыс. населения. Более того, Россия превосходит по этому показателю даже своих соседей по бывшему СССР.

Преступность растет во всем мире. К сожалению, появляются серийные преступники, организованные группы, которые обладают высоким профессионализмом в сфере криминальной деятельности.

Человеческий разум и сознание – сложный биологический механизм, которым занимаются многие ученые на протяжении веков, пытаясь объяснить поведение человека при взаимодействии с различными факторами.

Одна из первых попыток объяснить природу преступного поведения с позиции биологизаторского подхода принадлежит итальянскому тюремному врачу Ч. Ломброзо, разработавшему «антропологическую» теорию преступности. Проводя измерения антропологических особенностей преступников, содержащихся в тюрьме, он пришел к выводу, что существует четыре типа правонарушителей: врожденные преступники, преступники по страсти, случайные преступники и душевнобольные преступники [2].

Научные взгляды Ч. Ломброзо были довольно радикальными и не учитывали социальных факторов преступности. Поэтому теория учёного подвергалась острой критике. Чезаре даже пришлось смягчить собственную позицию. В своих более поздних работах он причислил к врождённому антропологическому типу только 40% правонарушителей. Также учёный признал важность ненаследственных – социологических и психопатологических - причин преступности.

В 1938 г. Френк Танненбаум и Гоффман разработали «теорию стигмы». Сторонники данной теории отрицают популярную идею о том, что людей можно делить на нормальных и имеющих какие-то патологии. Согласно теории стигматизации девиация определяется не самим поведением, а реакцией общества на такое поведение [3].

Все теории о преступном поведении человека и его проявлении не имеют в настоящее время никакого объективного подтверждения, так как нельзя основываться на том, преступник ли человек, если он не так выглядит, или делает что-то не так, чем другие люди.

Поэтому в 80-х гг. 20 в. при Национальной академии Федерального бюро расследований США (Куантико, штат Вирджиния) был создан отдел бихевиористики.

Агенты бюро с помощью своих профессиональных знаний о психологии человека составляли психологический портрет убийцы. Их называли профайлерами. Профайлинг – совокупность действий специалистов, занимающихся расследованием преступления, направленных на выявление личностных особенностей преступников и их жертв, отношений между ними, их мотивации и действий во время совершения преступления [4].

В США появились профайлеры при ФБР для того, чтобы на основе психологических портретов убийц выявлять серийных преступников.

Серийное преступление — многоэпизодные преступные действия (не менее трех), которые совершает субъект по неочевидным мотивам с незнакомыми людьми с неким интервалом, достаточным, чтобы произошло эмоциональное охлаждение преступника.

Серийные убийцы различаются по мотивам совершения преступлений. Существует особая классификация, позволяющая «разбить» маньяков на некие группы, однако, не стоит полагать, что каждый из серийных убийц относится только к какому-нибудь одному типу или имеет только один мотив совершения преступлений.

Среди теоретических классификаций серийных убийц наиболее известна и признана квалификация по направленности мотивации серийных убийц, включающая:

- убийц-визионеров, которые совершают убийства «по наущению» Бога или Дьявола, слышат голоса, страдают галлюцинациями (например, Д. Берковец, который получал указания от дьявола, который «связывался» с ним через соседскую собаку);

- убийц-миссионеров, убивающих ради какой-то определенной цели, чаще всего пытающихся улучшить мир, изменить к лучшему общество; жертвами такого типа убийц в

основном становятся гомосексуалисты, люди с различной с ними религией и т.д. (С. Ряховский);

- убийц-гедонистов, убивающих потому, что им это нравится (Д. Дамер, Д. Гейси);
- убийцы-охотники (властолюбцы), которые убивают, чтобы почувствовать свою власть над жертвой, свое превосходство над ней [5].

На сегодняшний день наиболее признанной является квалификация серийных убийц по фактору организованности: дезорганизованный серийный убийца и организованный.

Сама методика построения психологического портрета основана на принципах психоанализа и бихевиористики и заключается в том, что на основании представленных данных (о способе совершения преступления, следовой картине, информации о личности жертвы и т.п.) профайлер составляет вероятностное описание психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление, в котором указывается пол, семейное положение, род деятельности, психологические и физические дефекты.

Благодаря невероятно успешной работе заменимых профайлеров ФБР в США, таких как Р. Ресслер, Д. Дуглас и т.д., удалось найти самых неуловимых серийных убийц, которым до этого момента «сходили с рук» сотни убийств.

Разработанная в ФБР процедура составления психологического профиля состоит из 5 шагов (или этапов):

- Обстоятельное изучение и анализ природы и сущности преступления и типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом.
- Исчерпывающий анализ места расследуемого преступления.
- Углубленное изучение окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько) и подозреваемого (подозреваемых).
- Формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц.
- Описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности).

Чаще всего в психологическом профиле описываются и оцениваются следующие характеристики преступника: пол и возрастные рамки; семейный статус, образовательный уровень, род занятий (общие сведения о работе), как будет реагировать на ситуацию полицейского расследования и допрос, уровень сексуальной зрелости, сможет ли совершить вновь нечто подобное, вероятность того, что искомый преступник мог совершать в прошлом аналогичные преступления, есть ли на него полицейское досье [6].

На сегодняшний день в РФ технология профайлинга используется лишь в сфере транспортной безопасности. От эффективности выявления лиц, собирающихся совершить то или иное противоправное деяние на объектах транспортной инфраструктуры, зависит безопасность огромного количества людей.

Мы считаем, что использование опыта США в борьбе с многоэпизодными преступлениями насильственного типа способен помочь осуществлению этой деятельности и в России, так как исходя из статистики, в РФ совершается большое количество убийств.

В настоящее время в России не существует специального отдела, подобного описанному отделу бихевиористики ФБР США.

Полагаем, что создание специального отдела или организации, которая занималась бы именно расследованием и составлением психологических портретов убийц, стало бы эффективной помощью правоохранительным органам в борьбе с этими посягательствами.

Литература:

1. Коммерсантъ [Электронный ресурс] // URL: <http://kommersant.ru/doc/1794610> (дата обращения: 25.03.2017 г.).

2. Ломброзо Ч. «Преступный человек». М.: Эксмо, Мидгард, 2005.
3. Файловый архив студента [Электронный ресурс] // URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3658910/> (дата обращения: 24.03.2017 г.).
4. Юридическая психология и не только [Электронный ресурс] / Ениколопов С.Н., Ли Н.А. Психологические особенности криминального профайлинга // URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/3/17.htm> (дата обращения: 24.03.2017 г.).
5. Хоменков Р.О., Ахмедшин Р.Л. Классификация серийных убийц: синтез результатов // Вестник Томского государственного университета, 2016.
6. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997.

Е. В. БОНДАРЬ
студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

E. V. BONDAR
student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И
ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР, В ТОМ ЧИСЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**ABOUT ACTUAL PROBLEMS OF EFFICIENCY OF CRIMINAL
RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCTING
GAMBLING GAMES, INCLUDING USING THE NETWORK INTERNET**

Аннотация. Статья посвящена анализу нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр вне игорных зон, в том числе с использованием сети Интернет, так как игровой бизнес в настоящее время характеризуется как один из наиболее криминогенных видов предпринимательства. Стремительное распространение незаконного игорного бизнеса актуализирует вопрос об эффективности правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: азартные игры; незаконный игровой бизнес; уголовная ответственность; преступления в сфере игорного бизнеса.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the norm providing for criminal liability for the illegal organization and holding of gambling outside the gambling zones, including using the Internet, since gambling is currently characterized as one of the most criminogenic types of entrepreneurship. The rapid spread of illegal gambling actualizes the question of the effectiveness of legal regulation in this area.

Keywords: gambling; illegal gambling; games of chance; criminal responsibility; gambling crimes.

Сфера деятельности по организации и ведению игорного бизнеса в России привлекает большое внимание в связи с получением неконтролируемых доходов, диверсификацией видов азартных игр и пари, а также способов вовлечения в них людей из самых разных слоев населения. Накопление преступного капитала диктует преступникам необходимость решения задачи по определению путей и способов его легализации, т.е. приданию видимости законности его владения, пользования и распоряжения, а также сокрытию реального источника его происхождения. Неумолимо растет количество правонарушений в сфере игорного бизнеса, который на протяжении последнего десятилетия отличается небывалым ростом и высокой рентабельностью, а также широким его распространением на просторах сети Интернет, в связи с чем появляется принципиально новый вид преступлений.

Понятие «игорный бизнес» появилось в юридическом пространстве России с принятием Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 142-ФЗ «О налоге на игровой бизнес» (в настоящее время глава 29 Налогового кодекса РФ). Речь идет об особом виде предпринимательской деятельности, связанной с извлечением организациями доходов в виде вы-

игрыша и (или) платы за проведение азартных игр и (или) пари, не являющейся реализацией товаров (имущественных прав), работ или услуг (ст. 364 НК РФ). По своей рентабельности игорный бизнес является одним из наиболее доходных видов экономической деятельности. Вместе с тем его моральная неоднозначность, связь с криминалом послужили причиной для создания специального законодательства, регулирующего деятельность по организации и проведению азартных игр. Главной идеей принятого 29 декабря 2006 г. Федерального закона РФ № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» является положение о том, что игорный бизнес можно организовывать только на территории пяти игорных зон: Республики Крым, Калининградской области, Алтайского, Краснодарского и Приморского краев [1].

Такое решение вопроса не является российским «эксклюзивом». Во многих зарубежных странах так же используется метод государственного контроля игорного бизнеса посредством выделения специальных мест, предназначенных для организации и проведения азартных игр (Лас-Вегас, Монте-Карло, Макао и др.). Таким образом, в России были запрещены все виды деятельности, связанные с игорным бизнесом вне игорных зон. Из аналогичной деятельности оставили только лотерейные клубы, однако чёткого разделения между лотереей и казино нет. Этим и пытаются воспользоваться недобросовестные предприниматели.

В целях преодоления негативных тенденций в сфере противодействия игорному бизнесу проведена работа по совершенствованию законодательной базы, результатом которой стал Федеральный закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», установивший уголовную ответственность за организацию незаконного игорного бизнеса. Этим Федеральным законом в Уголовный кодекс Российской Федерации была включена статья 171.2 УК «Незаконные организация и проведение азартных игр».

Данная норма установила ответственность за «организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне» (ч.1 ст. 171.2 УК РФ). В качестве квалифицирующих признаков предусмотрены: совершение преступления с извлечением дохода в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ) и совершение преступления организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ).

Очевидно, что ограничения, содержащиеся в диспозиции ст. 171.2 УК РФ имели и имеют своей целью принципиальное снижение количества игорных заведений на территории Российской Федерации, а также установление над их деятельностью надлежащего контроля, в частности, чтобы ограничить не только круг лиц, которые занимаются организацией и проведением азартных игр, но и сократить число потенциальных потребителей этого специфического вида развлечения.

Необходимость такого снижения путем перевода игорного бизнеса в специально созданные игорные зоны была обусловлена отнюдь не соображениями обеспечения нормального развития экономики (хотя и таковые нельзя исключать полностью), а в целях ограждения населения от негативных последствий игорной индустрии. К моменту проведения реформы такие последствия стали повседневным явлением российского общества – завсегда и игроки лишались своего имущества, теряли постоянную трудовую занятость, распадались семьи, совершались акты суицида [2].

Еще в 2006 г., оценивая ситуацию с игорным бизнесом, Президент РФ В.В. Путин отметил: «Зависимость от азартных игр может быть не меньшей, чем от алкоголя или наркотиков. Мы должны подумать о том, чтобы оградить наших граждан от того, что сейчас происходит в сфере игорного бизнеса» [3].

Но, оценивая обоснованность криминализации незаконного игорного бизнеса, следует исходить из того, что он сам по себе не относится к запрещенным видам экономической деятельности. Уголовно-наказуемым он становится лишь при определенных условиях: если, во-первых, организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования осуществляется вне игорных зон, во-вторых, организация и (или) проведение азартных игр осуществляется хотя и в игорных зонах, но без соответствующего разрешения, и, наконец, в-третьих, если организация и (или) проведение азартных игр осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной (ст. 171.2 УК РФ).

Такие законодательные решения неоднократно встречаются в Особенной части УК РФ. В качестве примера можно назвать установление уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность (ст. 172 УК РФ), за незаконный оборот подакцизной (главным образом алкогольной) продукции (ст. 171.1 УК РФ), незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (138.1 УК РФ) и др. Таким образом можно прийти к выводу, что расположение нормы об ответственности за незаконный игорный бизнес в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» вполне адекватно отражает характер общественной опасности этого преступления. Однако исторические предшественники данной нормы традиционно находились в числе преступлений против общественного порядка и общественной нравственности. Так, например, в УК РСФСР 1960 г. нормы, направленные на противодействие организации и проведению азартных игр располагались в главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» – «Организация азартных игр» (ст. 208.1), «Вовлечение в азартные игры несовершеннолетних» (ст. 210) и «Содержание игорных притонов» (ст. 226). И в настоящее время многие авторы, рассматривая проблемы ответственности и эффективности правового регулирования в сфере игорного бизнеса, делают предложения о дополнении уголовного закона именно в рамках главы 25 УК РФ «Преступления против общественной нравственности и здоровья населения» [4]. Акцент делается на деструктивном содержании игровой деятельности. Например, оценивая масштабы нелегального игорного бизнеса, И. Соловьев характеризует его как «асоциальный бизнес, который ставил многих людей на грань выживания, разрушал семьи и людские судьбы...» [5].

Действительно, сложившиеся представления о рассматриваемом преступлении, как правило, лежат в плоскости общественной нравственности и основаны на том, что игорная деятельность – это несомненное социальное зло, «бизнес на человеческом пороке». Однако расположение анализируемой нормы в числе экономических преступлений указывает на то, что законодатель при криминализации преследовал иные цели. Ответственность предусмотрена не за участие в азартных играх и не за сам по себе игорный бизнес, а за нарушение установленных правил осуществления данного специфического вида предпринимательской деятельности, которая с развитием информационных технологий переходит на качественно новый уровень, перетекая из пресловутых подпольных игорных заведений на просторы информационно-телекоммуникационной сети Интернет, где в нее могут быть вовлечены неограниченное количество граждан, в том числе несовершеннолетних.

На данный момент активизирована работа контролирующих органов по выявлению и пресечению преступлений в сфере игорного бизнеса, а особенно в сети Интернет, в связи с чем 9 октября 2012 г. в определении Верховного суда Российской Федерации была вы-

сказана жесткая позиция по поводу азартных игр в Интернете – отключать надо даже сайты, содержащие только информацию об азартных порталах [6]. С недавних пор органы прокуратуры стали требовать отключения не только самих игр, но и сайтов, содержащих наводящую информацию про них.

Так, прокуратурой Краснодарского края продолжают выявляться факты легализации незаконного игорного бизнеса под видом оказания услуг в сети Интернет (открытие сайтов, на которых расположены программы для «рулетки», «покера», «игровых автоматов» и т.п.). В 2016 г. в суды предъявлено 84 заявления о признании запрещенной информации об организации и проведении азартных игр, размещенной в 116 Интернет-сайтах, с целью последующего внесения в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет», содержащее информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В этой связи в СМИ снова активно обсуждается проблема игромании вышедшая на новый уровень – в Интернет. Тяжелейшие последствия, вызванные психологической зависимостью людей от азартных игр, тем более когда они не ограничены конкретным местом пребывания – игорным залом или казино, должны заставить принимать законодателя кардинальные меры на государственном уровне. Первым шагом в этом направлении было создание системы реабилитационных центров по лечению игровой зависимости. Но, на мой взгляд, этих мер недостаточно, нужно перестраивать само сознание непосредственных «потребителей», а равно потерпевших от игровых услуг. Сейчас, согласно статье 171.2 УК РФ, ответственность за подобные «развлечения» лежит исключительно на организаторах нелегального игорного бизнеса. Поэтому целесообразнее установить ответственность не только за организацию и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», но и за участие в игорной деятельности. Для этого нужно скорректировать нормы уголовного законодательства. В первую очередь поправить, то есть внести соответствующие изменения в статью 171.2 УК РФ, установив ответственность для самих участников азартных игр. Размер штрафов должен серьезно охладить пыл игроков. Так, за игру, например, в онлайн-казино пользователь будет платить штраф от 50 до 100 тысяч рублей, либо будет наказан исправительными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов. Отдельной строкой также необходимо предусмотреть и штрафы за вовлечение несовершеннолетних в игры.

Аргументы такого подхода просты и понятны – игроки, то есть посетители онлайн-казино, участвуют в играх совершенно осознанно и по собственной инициативе. Они также прекрасно понимают незаконность своих действий. Однако законодательством не предусмотрена статья, которая могла бы привлекать таких игроков к ответственности. Есть еще один аргумент - без любителей интернет-казино деятельность таких организаций была бы убыточной. Но с другой стороны штраф может стать лишь составляющей издержек игрока в погоне за азартом. А вот расширение общественного контроля в этой сфере и оперативная блокировка сайтов, заставляющая нелегальный бизнес терпеть убытки, – это эффективный путь решения проблемы.

Высокая социально-экономическая значимость сферы игорной деятельности вызывает острую потребность в создании эффективной правовой основы. Сейчас в правовой системе Российской Федерации постепенно складывается значительный массив правовых предписаний – норм законодательного и подзаконного уровня, регулирующих общественные отношения в сфере игорного бизнеса. Для того чтобы развивать и совершенствовать игорную индустрию в России, несомненно, нужны качественные правовые нормы.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 28 марта 2017 г.) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о

внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

2. Науменко О.П. К вопросу об объекте незаконных организации и проведения азартных игр // Общество и право. 2015. № 1.

3. Большое интервью. Ответы Президента Российской Федерации В. В. Путина на вопросы журналистов // URL: <http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/> (дата обращения: 15.04.2017 г.).

4. Соловьев И.Н. О некоторых вопросах административно-правового противодействия незаконному игорному бизнесу // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 19.

5. Там же.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9.10.2012 г. по делу № 91-КГПР12-3 // URL: http://uristu.com/library/sud/verhsud_big_53051/ (дата обращения: 25.04.2017 г.).

Т. А. ВЕРТЕПОВА

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарский университет МВД России
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

T. A. VERTEPOVA

*Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ЖИЗНИ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PREGNANT WOMAN'S LIFE PROTECTION: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR OVERCOMING

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, раскрывается термин «заведомость» для правильного уяснения смысла рассматриваемого вида убийства, изучается квалификация при ошибке в личности потерпевшей – беременной женщины, а также анализируется зарубежный опыт охраны жизни неродившегося ребенка.

Ключевые слова: убийство, беременность, беременная женщина, заведомость, неродившийся ребенок, квалификация преступления.

Annotation. The article deals with the issues related to the specifics of qualification under item "d" of Part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation - the murder of a woman known to the perpetrator in a state of pregnancy reveals the term "knowledge" to correctly clarify the meaning of the type of murder in question, examines the qualification for an error in the identity of the victim - the pregnant woman, and also analyzes the foreign experience of protecting the life of the unborn child.

Keywords: murder, pregnancy, pregnant woman, knowledge, unborn child, qualification of crime.

Высокий уровень преступности, в особенности рецидивной, профессиональной и организованной в современной России определяет первоочередные задачи правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Однако в комплексе уголовно-правовых проблем не последнее место занимают вопросы уголовно-правовой охраны беременных женщин. Совершение преступления в отношении этих лиц свидетельствует о бесчеловечности, глубоком моральном падении и особой злостности лица, совершающего такое преступление. Эти обстоятельства говорят о повышенной опасности виновного для общества, что требует применения строгих мер уголовной ответственности [5].

Так, в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель предусматривает ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Данный обстоятельство выделено в качестве отягчающего обстоятельства в самостоятельный квалифицированный состав в силу того, что виновный лишая жизни беременную женщину, причиняет смерть не только самой женщине, но и ее родившемуся ребенку. Данное противоправное деяние посягает не только на общественные отношения, которые обеспечивают жизнь человека, но и на отношения,

которые охраняют материнство и детство.

Виновный воспринимает беременность женщины как особое физиологическое состояние. Именно это состояние, которое связано с репродуктивной функцией, обусловило законодателя изменить социальную и юридическую оценку подобных действий, защищая материнство и детство.

По общепринятым нравственным нормам, закрепленным в законе жизнь беременной женщины должна охраняться особо тщательно. Однако, на наш взгляд, в данном составе преступления законодатель косвенным образом охраняет и жизнь неродившегося ребенка, в силу чего логично считать, что дополнительным объектом выступает жизнь неродившегося ребенка. Такое суждение будет правомерно, поскольку именно нахождение в утробе матери неродившегося ребенка повышает степень общественной опасности данного преступления.

Вменение этого квалифицирующего признака возможно лишь при доказанности достоверного знания виновным о беременности жертвы (независимо от срока).

Это предполагает, что виновный осведомлен о том, что потерпевшая беременна. Если отсутствует заведомость, то вменение данного квалифицирующего обстоятельства не представляется возможным, так как будет нарушен принцип вины.

Термин «заведомо», используемый законодателем при характеристике данного квалифицирующего признака, в русском языке, определяется такими понятиями, как хорошо известный, заранее известный, несомненный, очевидный, бесспорный факт [3]. Применительно к анализируемому п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ заведомость означает, что субъект преступления, несомненно, достоверно знает о беременности женщины, которую он умышленно лишает жизни. Его осведомленность может базироваться на собственном визуальном наблюдении (при большом сроке беременности) либо быть результатом ознакомления с официальными врачебными документами или признания самой женщины субъекту преступления, так и другим лицам. В любом случае нужны доказательства того, что виновный достоверно знал о беременности потерпевшей [2].

Вместе с тем достоверность знания о наличии беременности еще не означает, что такое убийство может совершаться только с прямым умыслом. Вид умысла определяется по отношению к самому преступлению – умышленному лишению жизни, а оно может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. В последнем случае виновный не желает смерти беременной женщины, но сознательно допускает возможность ее наступления в результате избиения с особой жестокостью, применения токсических веществ, опасных для жизни и т.п.

Случай, когда вместе со зверским убийством молодой матери погибает не родившийся ребенок, бесспорно, должно быть отражено в квалификации и наказании действий виновного. Это еще не рожденное, «маленькое, существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ним делается», как писал Достоевский. Однако уголовное законодательство не затрагивает вопросы философии, и до сих пор ведутся споры касательно того, как квалифицировать убийство, если виновный ошибается относительно факта беременности потерпевшей [4].

Зачастую судебно-следственные органы сталкиваются с проблемой квалификации действий виновного, который совершает рассматриваемое преступление в условиях фактической ошибки. Под фактической ошибкой следует понимать заблуждение лица по поводу реальных обстоятельств, которые являются объективными признаками состава рассматриваемого преступления и которые определяют степень его общественной опасности, а также характер совершенного преступного деяния.

В случае если виновное лицо, будучи уверенным, что женщина находится в состоянии беременности, убивает ее, однако судебно-медицинская экспертиза дает

закключение, что женщина не находилась в состоянии беременности, то возможно несколько вариантов квалификации действий виновного:

- 1) как оконченное убийство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 105 УК;
- 2) как оконченное преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 3) как совокупность оконченного убийства, квалифицируемого по ч. 1 ст. 105 УК, и покушения на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- 4) как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [1].

Анализируя представленные точки зрения, можно сказать, что при квалификации деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ не учитывается направленность умысла виновного, который при совершении исследуемого преступления сосредоточен на лишении жизни именно беременной женщины.

Однако стоит отметить, что судебная практика нередко рассматривает данную ситуацию именно как простое убийство. При этом, квалифицируя действия виновного, который намеревался убить именно беременную женщину, по ч. 1 ст. 105 УК РФ, правоприменитель нарушает основополагающие принципы уголовного законодательства, такие как: принцип справедливости наказания и принцип вины.

Если квалифицировать деяние по совокупности преступлений как простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство беременной женщины (ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), нарушается требование УК РФ, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Также существенную роль играет то, что при квалификации по совокупности преступлений за убийство мнимо беременной женщины наказание назначалось бы строже, чем убийство действительно беременной.

Не представляется возможным квалификация действий виновного как оконченного преступления, которое предусмотрено п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как убитая женщина является не беременной.

Многие авторы считают возможным квалифицировать рассматриваемое деяние по указанной норме УК РФ. При этом они ссылаются на то, что основным признаком в данной ситуации является заведомость в субъективной стороне этого вида убийства. Следовательно, для того, чтобы вменить данный состав преступления, необходимо установление того, что преступное намерение осуществилось.

На наш взгляд наиболее обоснованной квалификацией является покушение на убийство женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности.

Это связано с тем, что субъект исходил из ошибочного мнения о том, что имеется в наличии данное обстоятельство. То есть налицо представлена классическая ошибка в объекте, а именно неправильное представление виновного о сущности объекта его посягательства.

Данное деяние должно квалифицироваться в соответствии с содержанием и направленностью умысла виновного, при этом оно не может квалифицироваться как оконченное, так как фактически совершенное преступное деяние не имеет тот квалифицирующий признак, который повышает опасность деяния.

В целях того, чтобы в судебно-следственной практике не было допущено ошибок в части квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо дать разъяснения, относительно применения п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ в своем постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» № 1 от 27 января 1999 г. На

данный момент этот квалифицирующий признак не упоминается вообще в указанном Постановлении.

Хотелось бы отметить, что при совершении данного преступления виновный посягает не только на жизнь матери, но и на жизнь неродившегося ребенка. Однако, на наш взгляд, уголовное законодательство не совсем логично подошло к рассматриваемому вопросу, так как не имеет значения для квалификации — погиб ли плод или нет. Ведь зачастую происходят случаи, когда при совершении данного преступления погибает ребенок, а мать остается жива, или же наоборот, когда совершается преступление в отношении женщины, которая находится на последних месяцах беременности и удается спасти ребенка, но мать умирает. К сожалению, жизнь неродившегося ребенка уголовно-правовой охране не подлежит независимо от того, погиб он или нет, и конструкция данного состава преступления не предусматривает таких тонкостей, а указанные последствия не влияют на квалификацию преступления. Квалификация содеянного виновным будет осуществляться в зависимости от того, какие наступили последствия в отношении матери, но не ребенка, находящегося в ее чреве.

Мы считаем, что данное положение является законодательным упущением и требует его исправления.

Если обратиться к международному опыту защиты неродившегося ребенка при посягательстве на жизнь беременной женщины, то можно увидеть различные законодательные позиции по данному вопросу. Так, в отдельных штатах Америки, таких как Небраска, Аризона, Миннесота, Калифорния уголовным законодательством предусмотрена ответственность за убийство неродившегося ребенка, независимо от его возраста и жизнеспособности, в таких штатах как Индиана, Массачусетс, Мэриленд при решении вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности за убийство неродившегося ребенка важное значение играет жизнеспособность плода.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу, что российского уголовное законодательство на данном этапе развития права отказывается от регламентации ответственности за посягательство на жизнь неродившегося ребенка и защищает только жизнь беременной женщины, что на наш взгляд не совсем правильно, так как каждый имеет право на жизнь, в том числе и неродившийся ребенок имеет право быть рожденным.

Литература:

1. Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. М.: Статут, 2012. С. 264.
2. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. С. 212.
3. Словарь синонимов русского языка. М., 1968. С. 40, 142, 279.
4. Убийцы, от которых отвернулся даже дьявол // URL: <http://www.pravda.ru/accidents/factor/crime/09-08-2013/1169267-crime-0/>
5. Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С.15.

В. А. ДАВЫДОВ

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

V. A. DAVYDOV

*Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND ITS LEGAL VALUE IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Аннотация. В статье рассматриваются общие вопросы дифференциации уголовной ответственности и ее место в системе российского уголовного права. Автор обращает внимание на некоторые особенности института дифференциации уголовной ответственности, применяемые в современном уголовном праве.

Ключевые слова: дифференциация, уголовная ответственность, расслоение, разделение, институт, ответственность.

Annotation. The article deals with general issues of differentiation of criminal responsibility and its place in the system of Russian criminal law. The author draws attention to some features of the institution of differentiation of criminal responsibility, applied in modern criminal law.

Keywords: differentiation, criminal responsibility, stratification, separation, institute, responsibility.

Фундаментальное значение в системе современного уголовного права Российской Федерации имеет институт дифференциации уголовной ответственности. В правовой действительности дифференциация проявляется в виде деления, размежевания системы права и законодательства на определенные автономные части: отрасли, подотрасли, разделы, главы, нормы и квалифицирующие признаки. Правовую сущность дифференциации можно усматривать в одном из свойств уголовно-правовой материи, вызванном эволюцией уголовного права, а именно расслоением и разделением уголовного правового материала, при котором одни виды уголовно-правового воздействия стремятся разделиться (обособиться) от других видов уголовно-правового воздействия. В общем виде сущность дифференциации уголовной ответственности представляет собой сложный механизм, при котором законодатель отграничивает определенные элементы общественно опасного деяния, от нормы в целом, позволяя правоприменителю более гибко и оперативно реагировать на общественно опасное деяние, и наиболее эффективно назначать меру уголовно-правового воздействия [1, с. 5].

Для более детального рассмотрения исследуемого института, прежде всего, необходимо дать определение понятию дифференциация. Согласно краткому словарю иностранных слов под дифференциацией понимается разделение, расчленение, расслоение чего-либо на отдельные разнородные элементы [2, с. 99].

В настоящее время в теории уголовного права существует достаточно большое количество определений, данных дифференциации уголовной ответственности. Представим некоторые из них:

– Дифференциация уголовной ответственности – это градация, разделение ответственности в уголовном законе, по итогам которой законодательным органом устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от характера и типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [3, с. 23-24].

– Дифференциация уголовной ответственности – это сложное комплексное правовое явление. Под дифференциацией уголовной ответственности понимается разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления небольшой и средней тяжести [4, с. 112-117].

– Дифференциация уголовной ответственности – это градация (операция деления) ответственности на части, деление обязанности лица, совершившего преступление, разделение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные неблагоприятные уголовно-правовые последствия [5, с. 63].

При большом количестве определений, данных этому уголовно-правовому институту, у ученых нет единого понимания дифференциации уголовной ответственности, что во многом обуславливает необходимость в более подробном изучении данного института уголовного права.

Г.Л. Кригер, рассуждая о дифференциации ответственности, пишет: «Дифференциация ответственности заключается в определении форм ответственности и их классификации применительно к целым группам (видам) социально типичных антиобщественных проступков. Это, по сути дела, есть конкретизация пределов ответственности на базе и в рамках единого основания ответственности. Дифференциация ответственности является исключительной прерогативой законодателя, который определяет в более или менее типизированном виде объем и пределы соответствующей юридической ответственности, связывая их с определенными критериями и признаками, закрепленными непосредственно в законе» [6, с. 143].

Т.А. Лесниевски-Костарева характеризует дифференциацию уголовной ответственности как градацию, разделение, расслоение уголовной ответственности в уголовном законе, по итогам которого законодателем принимаются и устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного [7, с. 39].

П.В. Коробов понимает под дифференциацией ответственности установление государством в уголовном законе различного объема неблагоприятных уголовно-правовых последствий для лиц, совершивших преступления, основанное на учете характера и степени общественной опасности содеянного, личности и степени общественной опасности виновного [8, с. 54-55].

Из представленных определений, данных понятию дифференциация уголовной ответственности, следует выделить и рассмотреть наиболее существенные признаки, присущие данному уголовно-правовому институту:

1) Сложная структурированная деятельность законодательного органа власти. Указанный признак определяет субъекта дифференциации уголовной ответственности, которым выступает непосредственно законодатель, будучи лицом, уполномоченным в установленном порядке принимать обязательные для исполнения властные предписания. Как субъект исследуемого уголовно-правового явления именно законодатель устанавливает

уголовно-правовые нормы, применяемые за совершенное общественно опасное деяние. В доктрине уголовно-правовой науки высказано обоснованное мнение о том, что разделению подвергается не только уголовная, но и в целом юридическая ответственность. Это явление в науке было вызвано межотраслевой дифференциацией уголовной ответственности в целом. Изначально законодателем производилось деление ответственности на гражданско-правовую, административную, финансовую, дисциплинарную и уголовную. И только после этого законодатель проводит градацию внутри каждого из указанных видов ответственности [9, с. 17-18].

– Градация – то есть расслоение, разделение чего-либо по пунктам, отграничение одного от целого. Рассматривая указанный признак, следует обратить внимание на то, что в большинстве определений данных дифференциации уголовной ответственности данный признак является связующим, он раскрывает именно сущность данного института уголовного права.

– Уголовная ответственность – определенный уровень негативных последствий для субъекта в случае нарушения индивидом установленных законодателем требований. Именно указанный признак рассматриваемого института позволяет всецело отнести его к уголовно-правой материи, и рассматривать именно в указанном ключе.

– Характер и типовая степень общественной опасности деяния. Указанные признаки дифференциации уголовной ответственности напрямую содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации. К примеру, ст. 15 УК РФ описывает категории преступлений, которые в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Помимо этого, действующая редакция УК РФ содержит нормы, устанавливающие меры уголовно-правового воздействия по гендерному и возрастным признакам. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

– Назначение справедливого наказания за совершенное общественно опасное деяние является одной из основополагающих целей уголовного права. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Во исполнение указанного принципа законодателем, к примеру, производится градация ответственности соучастников преступления. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. В ст. 6 УК РФ законодатель указывает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

– Уровень опасности лица совершившего преступление, личность виновного – при назначении объективного и справедливого наказания, судом, в целях полного, объективного и всестороннего исследования доказательств и назначения наказания, изучается личность лица совершившего преступление. В соответствии со п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства характеризующие личность обвиняемого. Анализируя указанный критерий, необходимо отметить, что с точки зрения дифференциации уголовной ответственности указанный критерий имеет очень важное правовое значение, так как от некоторых свойств личности зависит ряд обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, а именно: обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание, раскаяние лица, рецидив преступления. Иными словами суд,

учитывая фактические обстоятельства по делу, принимает решение о том, возможно ли исправление лица при назначении наказания не связанного с лишением свободы или наоборот, принимает решение о назначении дополнительных видов наказания.

Таким образом, проанализировав определения, данные термину дифференциация уголовной ответственности, рассмотрев наиболее существенные признаки данного института уголовного права, следует отразить видение автора относительно его понятия:

Дифференциация уголовной ответственности – это сложная, структурированная деятельность специально уполномоченного на то органа законодательной власти, направленная на разделение, расслоение степени уголовной ответственности, применяемой к лицу, совершившему общественно опасное деяние, в зависимости от характера, типовой степени общественной опасности совершенного деяния, степени опасности лица и его личности, с целью назначения обоснованного и справедливого наказания.

Для того чтобы понять дифференциацию ответственности в уголовном законе, необходимо иметь представление не только о понятии и целях дифференциации уголовной ответственности, но и о конкретных средствах и способах ее проведения.

Прежде всего, в уголовном праве принято выделять дифференциацию уголовной ответственности в Общей части УК РФ и в Особенной части УК РФ. Дифференциация уголовной ответственности в Общей части УК РФ выражена во введении законодателем таких норм, как освобождение от уголовной ответственности, норм об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. Особенная часть УК РФ, в первую очередь, содержит квалифицирующие признаки общественно опасного деяния, которые позволяют правоприменительному органу давать наиболее точную уголовно-правовую оценку совершенному преступлению. А.А. Тер-Акопов, рассматривая вопросы дифференциации уголовной ответственности, предлагал производить разделение норм, посредством которых происходит дифференциация уголовной ответственности на две группы: 1 – нормы, регламентирующие освобождение лица от уголовной ответственности, 2 – нормы, дифференцирующие наказание в рамках санкции [10].

Таким образом, рассмотрев институт дифференциации уголовной ответственности, следует сделать вывод о том, что указанный институт уголовного права очень важен, так как позволяет правоприменителю, исходя из характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного, объективно реагировать на совершенное общественно опасное деяние, и в последующем назначить виновному справедливое наказание. Значимость института дифференциации уголовной ответственности трудно переоценить, так как это мощный инструмент в руках правоприменительного органа, позволяющий быстро реагировать и бороться с преступностью, реализовывая принцип неотвратимости наказания.

Литература:

1. Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: автореф. дис...канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 5.
2. Краткий словарь иностранных слов: сост. С.М. Локшина. М.: Азбука, 1978. С. 99.
3. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 23-24.
4. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 112-117.
5. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 2000. С. 63.
6. Кригер Г.Л. Дифференциация ответственности в современном российском уголовном праве // Уголовное право России: проблемы и перспективы / под ред. С.В. Бородин, С.Г. Келиной. М.: Норма. 2004. С. 143.

7. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Статут. 2000. С. 39.
8. Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 54-55.
9. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 17-18.
10. Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. 1991. № 10.

Г. А. ДАНОВСКАЯ
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

G. A. DANOVSKEYA
Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В СОСТОЯНИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО АФФЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

HARMFUL TO HEALTH IN THE STATE OF PHYSIOLOGICAL AFFECT: CRIMINAL AND LEGAL CONTENT

Аннотация. В статье представлен уголовно-правовой анализ такой привилегированной разновидности причинения вреда здоровью, как причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, или физиологического аффекта (ст. 113 УК РФ).

Ключевые слова: вред здоровью, состояние аффекта, физиологический аффект, состав преступления, уголовно-правовой анализ.

Annotation. The article presents a criminal legal analysis of such a privileged type of harm to health, such as causing serious or moderate harm to health in a state of sudden violent emotional excitement, or physiological affect (Article 113 of the Criminal Code).

Keywords: harm to health, state of affect, physiological affect, crime structure, criminal-ly-legal analysis.

В последние годы обострилась проблема противодействия криминальному насилию над человеком. Это обусловлено тревожной динамикой таких преступлений, направленных против личности, как посягательства на ее здоровье.

Менее изученными в уголовно-правовой доктрине являются привилегированные виды причинения вреда здоровью личности. Они не столь распространены как иные разновидности посягательств на здоровье, в связи с чем изучение содержания их составов и вопросов квалификации не находятся в центре внимания ученых, хотя представляется теоретически и практически весьма значимым.

Выявлено что, объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, связанных с причинением вреда здоровью человека при наличии смягчающих обстоятельств, а также с реализацией уголовной ответственности за них.

Статья 113 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Объектом данного преступления является здоровье личности, как физиологическое, так и психологическое, охраняемое в течение всей жизни человека независимо от его состояния в тот или иной период времени существования человека.

Объективная сторона преступления выражается в деянии (действии либо бездействии), повлекшем как следствие причинение либо тяжкого, либо средней тяжести вреда здоровью. Между деянием и последствиями должна существовать причинная связь. Таким образом, составы рассматриваемых преступлений являются материальными.

Специфика рассматриваемого преступления проявляется в том, что соответствующий вред здоровью причиняется в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (или физиологического аффекта).

При определенных обстоятельствах людям свойственны очень сильные эмоциональные порывы, быстро возникающие, захватывающие человека целиком. Называются такие состояния аффектами (аффект происходит от латинского слова *affectus* – душевное волнение).

Как отмечается в специальной литературе, «аффект не является элементом психического отношения к общественно опасному деянию. Он представляет определенное психическое состояние действующего лица, вызванное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и имеет весьма ограниченное юридическое значение (при убийстве и умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью)» [1]. Следует сказать, что в уголовно-правовой науке существует мнение о том, что аффект – один из факультативных признаков субъективной стороны преступления [2].

Аффект определяется как «бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождающийся изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма» [3].

Аффект, несомненно, снижает возможности человека осознать реальный характер и, что более важно, социальное значение своих действий (или) контролировать их, что воздействует на интеллектуальные и волевые процессы, протекающие в психике виновного. Вместе с тем элементом процессов, составляющих вину, он не является.

Известный русский психиатр А.Я. Боткин писал: «С научной точки зрения преступный аффект, будь он физиологический или патологический, должен составлять условие невменяемости, если доказано, что человек, находившийся в состоянии такого аффекта, не мог руководить своими поступками» [4].

В современной литературе отмечается, что как «патологический аффект исключает вменяемость, т.е. признак субъекта преступления, точно так же и физиологический аффект, свидетельствуя о пониженных интеллектуальных и волевых возможностях человека, характеризует субъекта, а не субъективную сторону преступления» [5].

При аффекте происходит резкое интеллектуального и волевого контроля за своим поведением с последующими возможными агрессивными действиями, являющимися реакцией на противоправное или аморальное поведение. Так, между супругами Ахпайдеровыми произошла ссора из-за систематического злоупотребления мужем спиртными напитками и его возвращения с работы в нетрезвом состоянии. Во время ссоры пьяный Ахпайдеров В. с перерывами во времени несколько раз избивал Ахпайдерову, затем схватил ее за плечо со сломанной ключицей, причинив ей сильную боль. Она убежала на кухню, однако словесная ссора между ними с обоюдными оскорблениями продолжалась. Тогда Ахпайдерова взяла с плиты нож и умышленно нанесла мужу удар ножом в грудь в область сердца. От полученного повреждения Ахпайдеров В. скончался через несколько минут на месте происшествия. Как пояснила Ахпайдерова в своих первоначальных показаниях, она была сильно взволнована от оскорблений, боли и обиды, от волнения она не помнила своих действий, помнила только, что нож лежал на печке, видела падение мужа, его рану и кровь и поняла, что ударила ножом. Президиум

Кировского областного суда квалифицировал действия Ахпайдеровой по ст. 107 УК РФ [6].

Не зря в судебной практике человека, совершившего преступление под влиянием аффекта, рассматривают или как невменяемого (при патологическом аффекте), или как заслуживающего снисхождения, признавая, что сильный аффект резко изменяет течение психических процессов. Аффекты, как правило, препятствуют нормальной организации поведения, его разумности. Они способны оставлять сильные и устойчивые следы в долговременной памяти.

«Основное в аффекте – это неожиданно для лица быстро наступающее потрясение, которое отличается глубиной и силой переживания, так как приобретает для человека большую значимость и захватывает его сознание настолько, что составляет доминирующее содержание» [7].

В подобных случаях развития аффекта – это такой процесс переживания, который сопровождается стремительным ростом эмоциональной напряженности, заканчивающейся аффективным взрывом. «Но процесс переживания может носить и волнообразный характер, спонтанно усиливаться в определенный период под влиянием произвольных представлений перенесенного насилия, осознанием новых личностных слепков оскорбления, при повторной встрече с травмирующими элементами той же конфликтной ситуации. В этих случаях возможен «отставленный аффективный взрыв» [8].

Установлено, что аффекту практически всегда свойственна внезапность возникновения, но субъективно и объективно аффективная реакция протекает по-разному, что зависит от остроты конфликтной ситуации, тяжести провоцирующего повода, психофизиологических качеств личности виновного. Поэтому однозначное для всех случаев определение конкретного промежутка времени между поводом и ответной реакцией не представляется возможным. Возможность разрыва во времени между неправомерным поведением потерпевшего и возникновением аффекта, который обусловлен причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, признается большинством ученых-криминалистов и судебной практикой.

Замедленность аффекта связана с тем, что имеет место своеобразие течения эмоциональных переживаний. Являясь чрезмерно интенсивными, аффекты продолжают буквально минуты и быстро себя изживают, т.к. это настолько сильное переживание, что длительное время человек не в состоянии его переносить.

Уникальные и резкие изменения при аффекте происходят и в деятельности сознания. Аффект затормаживает сознательную интеллектуальную деятельность, физиологические моменты преобладают над интеллектуальным содержанием и изобретательной направленностью действия. В таком состоянии человек может совершить такой поступок, которого в обычном состоянии никогда не совершил бы. Человек под влиянием аффекта, говорит и делает то, чего он не позволяет себе в спокойном состоянии и о чем горько жалеет, когда минует аффект.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Но умысел при этом, как отмечено ранее, является внезапно возникшим, аффектированным.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста [9]. Соответственно, подросток, не достигший 16 лет, ответственности за данный привилегированный вид причинения вреда здоровью ответственности не подлежит.

Литература:

1. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления психологической экспертизы. М., 2007. С. 45.

2. См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 288-289; Кондрашова Т.А. Субъективная сторона преступления. Т. 2 // Уголовное право. Пределы и виды дифференциации уголовной ответственности. Екатеринбург, 1992. С. 41; Дагель П.С., Котов П.Д. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 191.
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Указ. соч. С. 34.
4. Боткин Я.А. Преступный аффект как условие невменяемости: вступительная лекция в курсе судебной психопатологии. М., 1893. С. 11.
5. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 59-61.
6. См.: Постановление Кировского областного суда по делу Ахпайдеровой // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 1. С. 20-21.
7. Тухбатуллин Р.Р. Понятие аффекта как признака преступлений, предусмотренных ст.ст. 107, 113 УК РФ // Российский следователь. 2005. № 7. С. 29.
8. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1999. С. 97.
9. См. также: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 80-81.

Г. А. ДАНОВСКАЯ
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

Н. Н. МЕЛЬНИЧЕНКО
мировой судья
(Россия)

G. A. DANOVSKAYA
Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

N. N. MELNICHENKO
world judge
(Russia)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION OF RUSSIA ON CRIMINAL LIABILITY FOR THE HARM TO HUMAN HEALTH

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития уголовного законодательства России об ответственности за причинение вреда здоровью человека. При этом уделяется внимание привилегированным видам названных преступлений.

Ключевые слова: вред здоровью, привилегированный состав преступления, уголовная ответственность, история уголовного законодательства России.

Annotation. In the article the main stages of development of the criminal legislation of Russia on responsibility for causing harm to human health are considered. Attention is paid to the privileged types of these crimes.

Keywords: harm to health, privileged corpus delicti, criminal responsibility, history of the criminal legislation of Russia.

Причинение вреда здоровью является одним из наиболее «древних» преступлений, известных праву с самых ранних его источников. В русском праве нанесение телесных повреждений как противоправный поступок впервые встречается в договорах русских с греками.

Так, Договор Олега с греками 911 г. содержит статью следующего содержания: «Русин Хрестьяну или Хрестьян Русину, мучения образом искус творити и насилье Яве, или възьметь что-либо дружине, да възпятит троичь» (ст. 7). Тот же Договор предусматривает такое деяние, удар мечом или другим предметом (сосудом), устанавливая за него наказание в пять литров штрафа, ссылаясь на «закон русский» (ст. 5) [1]. Таким образом, ответственность за причинение вреда здоровью выражалась в денежном вознаграждении за нанесенное увечье.

В Договоре князя Игоря с греками 945 г. содержалась ст. 14, практически полностью воспроизводящая текст названной ранее статьи Договора 911 г. [2].

Одним из наиболее значимых правовых актов Древней Руси, содержащим нормы уголовного права, является, как известно, Русская Правда [3, с. 48-58], дошедшая до наше-

го времени в разных списках.

Академический список Русской Правды устанавливает ответственность за нанесение побоев, телесных повреждений, синяков и кровоподтеков: «2. Если на ком будут кровавые раны или синяки от побоев, то такому человеку видока не искать; когда следов от побоев нет, то следует выставить видока; а если не сможет (выставить), то на том и делу конец. Если не может потерпевший отомстить, то взять ему за обиду 3 гривны и деньги для (платы услуг) лекаря...

Если же повредят руку, и отпадет рука или усохнет, то 40 гривен...

А за повреждение любого пальца 3 гривны за обиду....».

Достаточно высокий размер штрафа объясняется тем, что такое преступление рассматривалось не только как нарушение телесной неприкосновенности, но и как оскорбление. Это подтверждает и тот факт, что за удар не вынутым мечом или рукояткой меча также взыскивалось 12 гривен «за обиду».

Однако отмеченные положения имели отношение к ситуациям причинения вреда здоровью свободному человеку лицом, имеющим аналогичный статус. Но они не распространялись на те ситуации, когда потерпевшим или виновником содеянного являлись холоп, раб, закуп или другой несвободный или полусвободный человек. Например, в случае, когда холоп ударил свободного человека, его можно было на месте убить. Если же он скрылся в доме своего хозяина, то последний должен был уплатить 12 гривен за невыдачу, что, тем не менее, не спасало холопа в дальнейшем при встрече с оскорбленным от смерти. Сыновья Ярослава, как следует из Троицкого списка Русской Правды, отменили это положение и разрешили на выбор «либо, раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун».

В период Судебников (1497, 1550 гг. [4, с. 61-64]) за убийство уже предусматривается смертная казнь, за телесные повреждения устанавливаются неопределенные санкции, но с указанием на необходимость учета конкретных обстоятельств содеянного. Так, например, в ст. 26 Судебника 1550 г. говорится, что наказание должно назначаться в соответствии с размерами вреда и с тем, кому причинен этот вред: «А за увечье указывай крестьянину, посмотри по увечью и по бесчестью; и всем указывати за увечье, посмотри по человеку и по увечью».

Значимым событием в правовой жизни Московского централизованного государства стало утверждение Земским собором Уложения 1649 г. [5, с. 65-90]. Текст Соборного уложения четко показывает, что уголовное право стало принимать резко выраженный государственно-публицистический характер. Соответственно, доля частноправовых элементов сокращается, а царская власть усиливается в своем влиянии.

Соборное Уложение 1649 г. различало увечья, раны, побои и удары. В случаях нанесения побоев, ударов, ран в качестве наказаний применялись имущественные санкции и штрафы.

Так, в ст. 10 гл. XXII дифференцируется наказание за телесные повреждения в зависимости от наличия мучительства. Его использование предполагало воздаяние согласно принципу талиона, а отсутствие – имущественные санкции, т.е. штраф: «А будет кто не боялся бога и не опасался Государская опалы и казни учинит над кем-нибудь мучительское наругательство, отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколлет, а сыщется про то допряма: и за такое его наругательство самому ему тоже учинити, да на нем же взятии из вотчины его и из животов тому. Над кем он такое наругательство учинит, будет отсечет руку и за руку пятьдесят рублей, а будет отсечет ногу, и за ногу пятьдесят же рублей, и за нос, и за ухо, и за губы, и за глаз по тому же, за всякую рану по пятидесят рублей».

Квалифицирующими нанесение телесных повреждений обстоятельствами в Уложе-

нии царя Алексея Михайловича были названы коварство (ст. 11, гл. XXII), нахальство и дерзость (ст. 17, гл. XXII), нанесение повреждений отцу или матери (ст. 4, гл. XXII), судье (ст. 106, гл. X), приставу или сыну боярскому с государственной грамотой (ст. 142, гл. X). Таким образом, усиливали наказание признаки, характеризующие свойства потерпевшего (отец, мать, судья, сын боярский с государственной грамотой) и способ совершения преступления (использование коварства, нахальства и дерзости).

Таким образом, следует отметить, что важным этапом развития уголовно-правовых положений об ответственности за преступления против жизни и здоровья было принятие Соборного Уложения 1649 г., содержавшего специальную главу о преступлениях, наказуемых смертной казнью, в том числе за убийство и тяжкий вред здоровью. В этом документе предусматривались и иные преступления против здоровья [6, 7].

Дальнейшее развитие положения, касающиеся наказуемости преступлений против здоровья, получили в законодательстве Петра I, главным образом в Артикуле воинском 1715 г. [8, с. 91-113]. Этот источник содержал специальную главу, посвященную преступлениям против жизни и здоровья.

Самый обширный перечень рассматриваемого вида преступлений содержало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором была предусмотрена специальная глава «О нанесении ударов, ран и других повреждений здоровью» в рамках десятого раздела «О преступлениях против жизни, здравия, свободы и чести частных лиц» [9, с. 390-411].

Нормами названной главы предусматривалось наказание за умышленное тяжкое увечье (ст. 1948); умышленное менее тяжкое увечье (ст. 1949); умышленное нанесение легких ран (ст. 1953); умышленное причинение раны или иного повреждения здоровью, повлекшие смерть (ст. 1955); нанесение увечья или раны в драке или ссоре без намерения причинить таковые (ст. 1956); нанесение увечья, раны или иного повреждения здоровью без намерения (ст. 1965) и др.

Обращает на себя внимание подход к определению признаков вреда здоровью, во многом созвучный с современным о них представлением. В частности, тяжкий вред связывался с лишением зрения, языка, слуха, руки или ноги, детородных частей, неизгладимым обезображением лица. Знакомы современному юристу и признаки, квалифицирующие названные преступления. Это, в частности, использование мучений и истязаний, использование ядовитых или других вредных веществ, совершение преступления в отношении беременной женщины.

Статья 1964 Уложения предусматривала наказуемость нанесения увечий и ран нападающему при превышении пределов необходимой личной обороны.

Далее развитие законодательство об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью получило в советский период – Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 г. [10, с. 468-491; 513-541; 578-758].

Каждый из них содержал отдельную главу, объединяющую нормы о преступлениях против жизни и здоровья личности – гл. V, VI и III соответственно. В Кодексах 1922 и 1926 гг. предусматривалась ответственность за умышленное тяжкое, менее тяжкое и легкое телесное повреждение. В качестве привилегированных видов причинения вреда здоровью в УК РСФСР 1922 г. были названы, во-первых, умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, нанесенное под влиянием сильного душевного волнения; во-вторых, превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой тяжкое телесное повреждение нападавшего; в-третьих, нанесение такого повреждения застигнутому на месте преступления преступнику с превышением необходимых для его задержания мер. В УК РСФСР 1926 г. к таковым было отнесено умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья, нанесенное под влиянием

внезапно возникшего сильного душевного волнения.

УК РФ 1960 г. предусматривал три вида телесных повреждений – тяжкое, менее тяжкое и легкое, распадавшееся на две группы: легкое телесное повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья, и не повлекшее такового (ст. 112). В качестве привилегированных разновидностей причинения вреда здоровью выделялись умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 110 УК РСФСР), и тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111 УК РФ).

Таким образом, исторический экскурс свидетельствует о том, что нормы отечественного уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека появились уже в самых первых памятниках права. Постепенно формировалась их система, в рамках которой выделялись, в том числе, привилегированные разновидности этих посягательств. Константой в их группе является причинение вреда здоровью человека при превышении пределов необходимой обороны.

Литература:

1. История государства и права СССР (сборник документов). Часть I / сост. А.Ф. Гончаров, Ю.П. Титов. М., 1968.
2. Там же.
3. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X – XX веков. Саратов, 2006. С. 48-58.
4. Там же. С. 61-64.
5. Там же. С. 65-90.
6. См. подробнее: Безручко Е.В. Регламентация ответственности за причинение вреда здоровью человека в российском уголовном законодательстве дореволюционного периода // Юрист. 2009. № 2.
7. См. подробнее: Безручко Е.В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2001.
8. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Указ. соч. С. 91-113.
9. Там же. С. 390-411.
10. Там же. С. 468-491; 513-541; 578-758.

К. Х. ДЖАМИРЗОВ
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

K. H. JAMIRZOV
Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АРГЕНТИНЫ

SOME PECULIARITIES OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF ARGENTINA

Аннотация. В статье авторы рассматривают особенности уголовного законодательства Аргентины и проводят его сравнительно-правовой анализ с Уголовным Кодексом Российской Федерации

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный Кодекс Аргентины, уголовное право зарубежных стран, преступление.

Annotation. In article authors consider features of the criminal legislation of Argentina and carry out his comparative and legal analysis with the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Criminal law, the Criminal Code of Argentina, the criminal law of foreign countries, a crime.

В последнее время одним из основных направлений исследований в отечественной юридической науке стал все больший интерес к сравнительному правоведению.

В юридической, в том числе и уголовной литературе появились серьезные исследования права Великобритании, Германии, Франции, США. Однако уголовное право данных государств является в большей степени «традиционным» объектом исследования отечественных ученых. В то же время мы имеем дело с существенным ростом контактов Российской Федерации с другими государствами. Поэтому считаем возможным и актуальным провести общий анализ уголовного права Аргентины.

В качестве действующего источника уголовного законодательства в Аргентине действует Уголовный Кодекс, первоначальная редакция которого принималась в 1921 году. Для Латинской Америки УК Аргентины является образцом законодательной техники.

При этом, так же как и УК РФ, он делится на две традиционные части – «Общие положения» и «О преступлениях».

В статье 1 УК Аргентины [4] определяется сфера деятельности Кодекса, согласно которым он применяется в отношении преступных деяний, совершенных:

а) непосредственно на территории этой страны либо в местах, подлежащих ее юрисдикции;

б) в случае, когда в этих же пространствах наступили последствия преступного деяния, совершенного в другом месте.

Так же традиционным для аргентинского законодательства является указание на применение положений УК к преступлениям, совершенным за границей служащими или представителями аргентинских властей при исполнении ими своих служебных обязанностей.

В отличие от уголовных кодексов большинства стран континентальной Европы, а

так же от Российской Федерации в УК Аргентины отсутствует непосредственное указание на возможность и условия его применения к преступлениям, совершенным за пределами этого государства.

Так в статьях 11, 12 Уголовный Кодекс Российской Федерации говорится о действии УК в отношении лиц совершивших на территории РФ и за ее пределами. Таковое положение в УК Аргентины не предусмотрено (в отношении лиц совершивших преступление за пределами страны)

В статьях 2, 3 УК Аргентины детально формулируются правила действия закона во времени, а ключевое внимание уделено возможности применения обратной силы закона. По общему правилу «во всех случаях, когда положения закона улучшают положения лица, действие нового закона будет иметь обратную силу» [1, с. 6].

При этом уголовное право аргентины допускает принятие иных уголовных законов кроме Уголовного кодекса (в статье 4 УК Аргентины).

Это отличает УК Аргентины от УК РФ, в котором в статье 1 предусмотрено, что уголовное законодательство России состоит только из Уголовного кодекса, а все новые законы включаются в него.

В УК Аргентины отсутствует законодательное определение преступного деяния. Вместе с тем, можно сделать вывод, опираясь на «Общие положения», что преступным признается деяние, прямо запрещенное в УК или специальных уголовных законах. Как и во многих других странах романо-германской системы, в уголовном праве Аргентины преступление всегда содержит «материальный» и «моральный» признаки.

Исходя из норм Особенной части, преступные деяния могут совершаться не только действием, но и бездействием, если это специально оговорено (ст. ст. 106, 108). Деяние должно быть совершено осознанно и характеризоваться волевой составляющей – так, в соответствии с п. 1 ст. 34 УК, не подлежит уголовной ответственности лицо, которое на момент совершения деяния не могло осознавать его преступный характер или руководить своими действиями.

Интересным представляется факт относительно возраста наступления ответственности. Так ранее в ст. 36 УК Аргентины было положение, что возраст уголовной ответственности устанавливается с 14 лет. Однако данная норма была исключена. Вместе с тем, на основе толкования норм гражданского законодательства и сложившейся судебной практики.

В настоящий момент в кодексе обозначено, что лицо должно являться вменяемым, а наличие «недостаточности умственного развития», временного психического расстройства либо слабоумия считается основанием исключения уголовной ответственности по основанию невменяемости. То есть, теоретически уголовному преследованию может быть подвергнуто лицо и не достигшее 14 летнего возраста, если будет доказана его вменяемость и должное психическое развитие.

В качестве основания исключения вреда, причиненного лицом по необходимости, является нанесение незначительного вреда, совершенного с целью избежать более значительного вреда, если тот «был бы причинен не по его вине». Это положение сходно с уголовным законодательством РФ

При этом в качестве важного положительного мы можем отметить признание использования гипнотических или наркотических средств в качестве признаков насилия при физическом принуждении, которое также исключает ответственность того, кто причинил вред.

Говоря о видах наказания, следует отметить, что в статье 5 УК Аргентины определены четыре вида наказания: каторжные работы (назначаемые как пожизненно или на определенный срок), тюремное заключение (также может назначаться пожизненно или

временно), штраф, поражение в правах (абсолютное или специальное).

Как мы видим, трудовые (каторжные) работы являются особым видом наказания. Российский Уголовный Кодекс такого принудительного к труду наказания не содержит (тем более пожизненные каторжные работы). То есть в Аргентине активно используется труд заключенных, что противоречит сложившейся в цивилизованном мире в настоящее время практике.

Особенностью отбывания наказания, связанного с лишением свободы, является привлечение к различного рода обязательным работам (за исключением работ в частном секторе), средства от которых направляются на возмещение ущерба, содержание самих заключенных, возмещение иных расходов и создание осужденными собственного денежного фонда. Условия выполняемых работ отличны для отбывающих каторжные работы и тюремное заключение

Главным по законодательству Аргентины необходимо признать требование, согласно которому существует обязанность виновного возместить ущерб и она господствует над всеми остальными обязанностями, возникающими после совершения преступления.

Основная цель уголовного законодательства – восстановительная. Так же следует отметить еще такую особенность, лицо, обвиняемое в совершении преступления, наказуемого лишь штрафом, уплачивает минимальную сумму соответствующего штрафа и возмещает причиненный преступлением ущерб до начала судебного разбирательства, его поведение является императивным основанием прекращения уголовного преследования. Если же судебный процесс по такому делу начался, то основанием его прекращения выступает уплата максимально предусмотренной суммы штрафа при условии возмещения причиненного ущерба [3, с. 40].

Для Аргентины характерны типичные для системы континентального права виды освобождения от наказания - это условное наказание и досрочное освобождение. Порядок их применения, основания отмены и правовые последствия принципиально совпадают с аналогичными положениями уголовного законодательства РФ. Особенностью аргентинского законодательства является возможность замены наказания в виде краткосрочного тюремного заключения на домашний арест, применяемой к некоторым лицам.

Как мы видим, ряд положений УК Аргентины имеет схожесть с УК РФ, так как обе страны являются представителями системы континентального права. Вместе с тем, нам удалось выявить и ряд особенностей, присущих данной стране и ее уголовному законодательству.

В заключении необходимо отметить, что между РФ и Аргентиной существуют договоры с целью укрепления сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Так, заключены договоры «О взаимной помощи по уголовным делам» и «О выдаче», которые были ратифицированы в конце 2015 года [2, с. 64].

Литература:

1. Голик Ю.В. Вступительная статья к Уголовному кодексу Аргентины // Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. С. 6-12.
2. Миненко С.Н. Вынесен приговор по делу о контрабанде кокаина из Аргентины // Время новостей. 2009. С. 64-68.
3. Трунцевский Ю.В., Жукова А.И., Солодовникова К.И. Понятие и характеристика экономической преступности: внутригосударственный и транснациональный аспекты // Международное публичное и частное право. 2015. № 1. С. 40-45.
4. Уголовный кодекс Республики Аргентины. Опубликовано 29 октября 1921 года. Вступил в силу 29 апреля 1922 года. М., 2014.

Т. В. МАРТЫНОВА

*заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Кубанского института социэкономки и права (филиал)
ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

T. V. MARTYNOVA

*Head of the Department of Criminal Law and Procedure
Kuban Institute of Socio-Economics and Law (branch)
OUP IN «Academy of Labor and Social Relations»,
Candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF MIGRATION CRIME

Аннотация. В статье анализируется структура миграционной преступности. Отдельное внимание уделяется причинам и условиям преступлений, совершаемым иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Автором предлагаются меры предупреждения и противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции.

Ключевые слова: миграционная преступность, преступления в сфере незаконной миграции, личность преступника-мигранта, причины и условия преступности мигрантов, этнические преступные группы, противодействие миграционной преступности.

Annotation. The article analyzes the structure of migration crime. Special attention is paid to the causes and conditions of crimes committed by foreign citizens and persons without citizenship on the territory of the Russian Federation. The author offers measures to prevent and combat crimes in the sphere of illegal migration.

Keywords: migration crime, crimes in the sphere of illegal migration, the criminal, the migrant, the causes and conditions of crime, migrants, ethnic criminal groups, combating migration crime.

Миграционная преступность в начале нового тысячелетия стала реальной глобальной угрозой не только для России, но и всего человечества [1].

Официальные данные МВД России свидетельствуют о том, что мигрантами ежегодно совершается значительное число преступлений. Причем их удельный вес в общем числе преступлений продолжает оставаться стабильным. Так, в январе-октябре 2016 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 37856 преступлений (на 7,6% меньше, чем в аналогичном периоде предыдущего года; 3,7% от общего числа преступлений); в 2015 г. – 48210 (на 4,4% больше; 3,7% от общего числа преступлений); в 2014 г. – 45538 (на 5,4% меньше; 3,8% от общего числа преступлений); в 2013 г. – 46984 (на 10,2% больше; 3,8% от общего числа преступлений); в 2012 г. – 42650 (на 5,1% меньше; 3,4% от общего числа преступлений) [2].

Нередко мигрантами совершаются тяжкие и резонансные преступления. Их повышенная общественная опасность состоит в том, они могут быть использованы экстремистскими организациями в качестве повода для разжигания межнациональной розни. Так, большой резонанс вызвали два преступления, совершенные в начале 2016 г. В феврале этого года произошло групповое изнасилование 49-летней москвички пятью мигрантами

[3]. В этом же месяце приезжая из Узбекистана, которая нелегально работала в столице няней, совершила убийство ребенка, отрезала ему голову и вышла с ней к станции метро, где была задержана [4].

Криминологическая наука явно не успевает за качественными и структурными изменениями миграционной преступности, так как её исследование как отдельной проблемы началось сравнительно недавно. Особая сложность исследования обусловлена тем, что на преступность данного вида влияет целый комплекс постоянно меняющихся факторов не только регионального и внутрироссийского, но и международного характера.

Также следует обратить внимание на то, что Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 упразднена Федеральная миграционная служба, ее функции переданы МВД России [5].

Исследование, проведенное И.Н. Архипцевым, показало, что структура преступности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации представлена следующими видами преступлений:

- преступления против личности – 20,2 % от общего количества преступлений, совершаемых этой категорией лиц, среди которых наибольшее количество занимают убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, истязания;
- преступления против общественной безопасности и общественного порядка – 24,7 %. Причем, наибольшую часть из них составляют хулиганство, деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и незаконным оборотом оружия;
- преступления против собственности составляют 21,8 % от общего количества исследованных преступлений, среди которых, в частности, преобладают кражи, мошенничество, грабежи, разбои и вымогательства;
- преступления в сфере экономической деятельности – 19,7 %. Большинство из них составляют: незаконное предпринимательство, незаконное использование товарного знака, контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, незаконный оборот драгоценных металлов, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг;
- преступления против государственной власти – 12,7 % от всех изученных преступлений, из которых преобладают преступления, связанные с дачей взятки, незаконным пересечением Государственной границы РФ, организацией незаконной миграции и подделкой, изготовлением или сбытом поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков;
- иные преступления составляют 0,9 % от общего числа всех преступлений, совершенных иностранцами [6].

Одна из криминологических особенностей миграционной преступности состоит в несомненных страновых различиях в криминальном облике мигрантов. Следует согласиться с Г.В. Антоновым-Романовским, Д.К. Чирковой и А.Н. Трушенко в том, что «различия между преступностью граждан, прибывших в Россию из Средней Азии, и преступностью граждан, прибывших из Закавказья – из Армении и Грузии, и Западного направления – из Беларуси, Молдовы и Украины – имеет под собой социологическое обоснование, связанное с типологизацией менталитетов. Прежде всего, выделение преступности граждан государств, расположенных в Средней Азии, определяется особенностями «не западного» менталитета их народов, влияющими на характер преступности мигрантов из этих стран в российских условиях» [7].

Соответственно, преступность выходцев из государств, расположенных в Закавказье и на Западном направлении миграции в Россию, отличается от преступности граждан среднеазиатских государств.

Со страновой точки зрения, «наибольший криминальный вклад в преступность вносят незаконные мигранты из Украины, Грузии, Азербайджана и Молдовы. Отмечается некоторая криминальная специализация выходцев из разных стран, совершающих определенные виды преступлений. Наибольшее число преступлений приходится на долю жителей Украины – 40%, Грузии – 17%, Азербайджана – 14%, Молдовы – 12%. Обычно преступления, совершаемые жителями Украины, - общеуголовной направленности, среди которых преобладают преступления небольшой и средней тяжести. Основное число противоправных деяний составляют мошенничества – 41%, кражи – 15%, преступления, связанные с наркотиками и сильнодействующими веществами, - 8%, грабежи – 4%. В целом можно отметить, что жители Украины совершают более 35% всех аналогичных преступлений среди граждан государств СНГ» [8].

Нельзя отрицать и функционирование на территории России этнических преступных групп. Как пишет А. Сухаренко, «находясь на нелегальном положении, иностранцы нередко объединяются в преступные группы или вливаются в уже существующие в целях обеспечения своего существования. Таким образом, незаконная миграция становится источником формирования и дальнейшего существования транснациональных преступных формирований. Наибольшую общественную опасность представляют преступные сообщества, сформированные гражданами стран Закавказья (азербайджанские и грузинские) и Средней Азии (узбекские и таджикские). Основными видами их деятельности являются: незаконный оборот наркотиков и оружия, похищение людей и торговля людьми, преступления против собственности и на потребительском рынке» [9]. Это же обстоятельство отмечает и И.В. Никитенко: «особое беспокойство вызывает рост трансграничной организованной преступности, представляющей серьезную угрозу интересам безопасности России. Известно, что развитие трансграничной преступности является прямым следствием роста миграционной активности, которая стимулирует трансграничные криминальные связи, информационный обмен и поиски новых направлений криминальной деятельности» [10].

С точки зрения В.Н. Балыкова, «каждое 10-е их преступление совершается в составе ОПГ. Такая преступность зачастую носит этнический характер, устойчивы связи с преступными группировками за рубежом, фиксируется переход от территориального принципа организации ОПГ к экстерриториальному. Наиболее часто (в 85% случаев) преступниками являются мигранты из республик СНГ (чаще из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Молдовы и др.), обладающие низкой квалификацией, приехавшие с целью трудоустройства, сохраняющие анонимность пребывания и перемещения и совмещающие совершение преступлений с нелегальной трудовой деятельностью» [11].

Организованные формы преступной деятельности на протяжении последних двух десятилетий представляют реальную угрозу обществу. При этом организованная преступность эволюционирует, что проявляется в ее транснациональном характере, создании организованных преступных групп, основанных на национальном принципе. Последнее обстоятельство в значительной степени обусловлено именно проблемами миграции населения.

Примыкают к проблеме незаконной миграции проблемы международной организованной преступности и международного терроризма. Но нелегально перемещающихся между странами членов организованных преступных групп и террористических организаций можно рассматривать как «штучный товар», непосредственно не входящий в социальный процесс миграции. В настоящее время преступность иностранцев создает очаговые угрозы региональной безопасности. Это в наибольшей мере относится к московской агло-

мерации. В то же время их преступность содержит в себе потенциальную опасность. Наблюдается тенденция перерастания ее из потенциальной в реальную, реализующуюся угрозу национальной безопасности.

И.А. Завьялов, в свою очередь, констатирует, что представители этнических организованных преступных формирований имеют тесные связи с коррумпированными чиновниками. Так, в частности, к постоянным коррупционным связям этнических преступных организаций на потребительском рынке можно отнести:

- связи с администрацией территориальных органов власти, на чьей территории базируется объект предпринимательской деятельности (например, рынок, торгово-развлекательный центр, складской комплекс, общежитие или гостиничный комплекс для, зачастую, нелегального проживания мигрантов);

- связи с учреждениями кредитно-банковской системы, с чьей помощью осуществляется незаконное обналичивание денежных средств, поступающих на счета, открытые в данных кредитных организациях, либо незаконный вывод денежных средств за рубеж по поддельным паспортам сделок и вымышленным основаниям для перечисления денежных средств без фактического исполнения договорных обязательств по внешнеэкономическим контрактам;

- связи с предприятиями транспорта, обеспечивающими доставку иностранной рабочей силы минуя контрольные и ревизионные органы, а также обеспечивающими доставку контрафактных грузов и грузов, не прошедших таможенное оформление в целях их последующей реализации на территории России;

- связи с правоохранительными органами, в том числе полицией, пограничной службой, со структурами налоговой службы, таможней и прочими структурами, ответственными за учет мигрантов и проверку легальности их прибытия и перемещения на территории Российской Федерации [12]. Тем самым, миграционная преступность является одним из факторов роста коррупции.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным присоединиться к мнению В.С. Сокова, согласно которому преступность, связанная с незаконной миграцией, - «это общественно опасное, массовое социально-правовое явление, складывающееся из совокупности преступлений, связанных с нарушением установленного национальным законодательством порядка въезда, выезда, транзитного проезда, пребывания (проживания), трудовой деятельности иностранных граждан или лиц без гражданства при их перемещении на территорию, по территории, с территории государства» [13].

Согласно докладу ООН от 12.01.2016 года, в России находятся свыше 11 миллионов мигрантов [14].

Включение в миграционную преступность таких факторов, как организованность, использование высоких технологий, наличие мощной финансовой базы, сращивание с государственным аппаратом и легальным бизнесом, обширные международные преступные связи и других в значительной мере усиливают неуклонность миграционной преступности.

Данный вид преступности обладает несомненными особенностями и характеризуется крайне неблагоприятными тенденциями, в связи, с чем перспективным представляется выделение отдельного раздела криминологической науки, предметом изучения которого является миграционная преступность.

Литература:

1. Собольников В.В. Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения // Ленинградский юридический журнал. 2011. Вып. № 3. С. 129-133.
2. Официальный интернет-сайт МВД России. Статистика и аналитика. [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.02.2017 г.).

3. В Москве пятеро мигрантов арестованы за групповое изнасилование женщины. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26494/3365711> (дата обращения: 20.02.2017 г.).
4. Глава ГУВД Москвы прокомментировал убийство ребенка няней. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vz.ru/news/2016/3/21/800731.html> (дата обращения: 20.02.2017 г.).
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.
6. Архипцев И.Н. Уголовно-правовые и криминологические средства противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 10-11.
7. Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К., Трушенко А.Н. Детерминанты преступности мигрантов-иностранцев из государств ближнего зарубежья // Миграционное право. 2014. № 2. С. 13.
8. Шевырев С.Н. Характеристика основных детерминантов преступлений, совершаемых незаконными трудовыми мигрантами Московского региона и с их участием // Российский следователь. 2009. № 18. С. 34.
9. Сухаренко А. Миграция и преступность // ЭЖ-Юрист. 2013. № 16. С. 14.
10. Никитенко, И.В. Криминологическая характеристика основных градиентов преступности мигрантов в Дальневосточном ФО // Российский следователь. 2013. № 3. С. 31.
11. Балыков В.Н. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства: по материалам Москвы и Московской области: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.
12. Завьялов И.А. Преступления в сфере потребительского рынка, совершаемые мигрантами // Миграционное право. 2012. № 3. С. 8.
13. Соков В.С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной миграцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 9.
14. Рашитов Р.Л. Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. Вып. № 1 (23). С. 124-128.

А. А. МЕЛИХОВ
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

Е. В. СИЛЬЧЕНКО
доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
кандидат юридических наук
(Россия)

A. A. MELIKHOV
Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

E. V. SILCHENKO
Associate professor of the criminal law department
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ТАИЛАНДА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THAILAND ON RESPONSIBILITY FOR FALSE-UNION MATTERS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и уголовного законодательства Таиланда. А именно рассматриваются вопросы о преступлениях, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, уголовный кодекс, субъект, преступление, возраст уголовной ответственности.

Annotation. The article compares the criminal legislation of the Russian Federation and the criminal legislation of Thailand. Namely, the issues of crimes related to the production of storage, transportation or sale of counterfeit money or securities are considered. Namely, questions are considered about the subject of the crime, its signs and the imposition of punishment.

Keywords: Criminalliability, criminalcode, subject, crime, ageofcriminalresponsibility.

В отличие от уголовного права России уголовное законодательство Таиланда, обладает более суровыми видами наказания, высшей мерой наказания является смертная казнь и пожизненное заключение. В ходе анализа норм Уголовного кодекса Российской Федерации и норм Уголовного кодекса Таиланда удалось установить, что понятие преступлений связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг в Таиланде намного строже. Например, уголовный кодекс РФ определяет в ст. 186 что: Изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, а равно хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Рос-

сийской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте - наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового [1, с.106].

Тайский уголовный кодекс в свою очередь в ст.240 поясняет: «Любой, кто подделывает валюту, будь то монеты или купюры или что-либо другое, эмитированное или разрешенное к эмитированию государством, или подделывает государственные облигации или прикрепленные к ним процентные купоны. Считается виновным в преступлении, состоящем в подделывании валюты, и должен быть приговорен к пожизненному тюремному заключению или к тюремному заключению на срок от десяти до двадцати лет и к штрафу в размере от двадцати тысяч до сорока тысяч бат» [2, с.21]. Как можно заметить, гипотезы статей довольно схожи по обстоятельствам, при которых эти статьи применяются. Особое внимание хотелось бы уделить уголовной ответственности за фальшивомонетчество, так как в Российской Федерации максимальное наказание на подобное деяние не превышает 15 лет, то в Таиланде за такое правонарушение следуют серьезные меры наказания, такие как пожизненное лишение свободы или тюремный срок до 20 лет [3,с.72]. Статья 245 Тайского уголовного кодекса гласит: «Любой, кто пускает в обращение что-либо, что было подделано или подменено, но не знал, что оно было подделано согласно статье 240, или подменено согласно статье 241, когда он его получал в свое пользование, должен быть приговорен к тюремному заключению на срок не более десяти лет или к штрафу в размере не более двадцати тысяч бат» [2, с.22]. Такие строгие санкции объясняются тем, что Таиланд является практической азиатской столицей для фальшивых денежных средств. На таможне ежедневно задерживают людей пытающихся перевезти через границу поддельные денежные средства. Тайское правительство считает что только такими суровыми методами можно противодействовать фальшивомонетчеству. В Российском уголовном законодательстве субъект преступного посягательства ст.186 УК РФ – лицо, достигшее 16-летнего возраста. В Тайском уголовном законодательстве согласно ст.74, если ребенок, достигший возраста семи лет, но не достигший возраста четырнадцати лет, совершает деяние, признаваемое законом преступлением, он не может быть наказан [2, с.12].

Также в Таиланде выделяют такой возрастной критерий субъекта в ст.75. Если лицо, достигшее возраста четырнадцати лет, но не достигшее возраста семнадцати лет, совершает деяние, которое рассматривается законом как преступление, суд должен принять во внимание чувство ответственности и прочие обстоятельства, касающиеся этого лица, чтобы принять решение, является ли целесообразным приговаривать его к наказанию. Если суд приходит к выводу о нецелесообразности приговаривать его к наказанию, он поступает согласно статье 74, если суд полагает целесообразным приговорить его к наказанию, он уменьшает наказание, предназначенное за совершение такого преступления, наполовину [2,с.13]. Статья 76 определяет возрастной критерий ответственности: Если лицо, достигшее возраста семнадцати лет, но не достигшее возраста двадцати лет, совершает деяние, которое рассматривается законом как преступление, суд по своему усмотрению может уменьшить наказание, предназначенное за совершение такого преступления, на одну треть или наполовину [2, с.14].

Совершеннолетие же в Таиланде наступает в возрасте 20 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что тайское уголовное законодательство более жесткое в сравнении с уголовным законодательством Российской Федерации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Таиланда // URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk>.
3. Черкашин Е. Ф. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства в области борьбы с подделкой денег // Юридическая наука и правоохранительная практика. М., 2008. №2 (5). С. 72.

Е. Р. МЕЛЬНИК
студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

E. R. MELNIK
student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF RECURRENCE OF CRIMES

Аннотация. В статье автор рассматривает рецидив преступлений в отечественном уголовном законодательстве, характеризует личность преступника, совершающего рецидивные преступления, и проводит исторический анализ развития данного института.

Ключевые слова: рецидив преступлений, личность преступника, совершающего преступления, уголовное право, повторность преступлений, рецидивизм.

Annotation. In the article the author considers relapse of crime of the Russian criminal legislation. In this article it is analyzed as indicators, which are characterizing the individuals, who have previously committed crimes and the result the historical analysis of the given institute.

Key words: relapse of crime, person of the criminal, criminal law, repeated crime, recidivism.

Одной из важнейших характеристик социальной стабильности общества является криминогенная обстановка в государстве. Уровень рецидивной преступности является одним из показателей социально-экономического состояния государства и результатов уголовно-правовой политики. В Большой советской энциклопедии дается следующее определение рецидива (от лат. *recidivus* – возвращающийся) – возврат, повторение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения. В толковом словаре С. И. Ожегова одно из определений – повторное проявление чего-нибудь (отрицательного). Законодатель понимает под рецидивом совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ч.1 ст.18 УК РФ). Однако данное понятие претерпевало различные изменения на протяжении развития уголовного законодательства.

Первые упоминания о рецидиве встречаются в памятниках средневекового уголовного права: Варварских правдах, Капитуляриях Карла Великого, Ордонансе Людовика, предусматривавшем усиление наказания в случае повторения преступлений.

В отечественном законодательстве впервые «повторение преступления» упоминалось в 1397 году в Псковской судной грамоте (ст. 8) и Двинской уставной грамоте (ст. 5). Впервые на Руси эти грамоты устанавливали повышенную ответственность за рецидивное совершение преступлений [1]. На вид и размер наказания за татьбу в Уложении 1649 г. влияли не ценность и размер похищенного, а факт рецидива. В эпоху Петра Первого рецидив также предусматривал более суровое наказание. Например, в соответствии с арт. 189 Артикула воинского «надлежит вора первые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу» [2].

В ходе дальнейшего развития уголовного законодательства в середине XIX века под рецидивом преступлений признавалось совершение преступления после отбытия наказания за ранее совершенное преступление. При этом оценка повторно совершенного пре-

ступления законодателем говорит само за себя – максимально строгое наказание [3]. Рецидив преступлений на протяжении веков существенно воздействует на назначение наказания и имеет социальное значение, так как более строгое наказание за повторные преступления имело значение не только для достижения общей, но и частной превенции.

В XIX веке многие ученые интересовались данным институтом, однако никто так и не дал однозначного определения. Уголовное Уложение 1903 г. не давало определения рецидива, но при повторении преступлений суд мог усилить наказание в том же размере, какой установлен для преступных деяний, учиненных по привычке или промыслу, кроме того, повторение в отдельных случаях было предусмотрено в качестве квалифицирующего признака преступлений [4].

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. в части «г» ст. 12 законодатель употребляет «рецидивист», понимая под ним профессионального преступника. Статья 11 указывает на необходимость выяснения судом личности преступника, поскольку таковая выявилась в учинённом им деянии и его мотивах, и поскольку возможно уяснить её на основании образа его жизни и прошлого, и это является необходимым условием при определении меры воздействия на совершившего преступление.

В Уголовном Кодексе 1922 г. не было ни определения рецидива, ни правил назначения наказаний при повторности преступления. Статья 25 формально содержала перечень обстоятельств, отягчающих наказание подсудимого, и указывала на необходимость учета при определении меры наказания: «е) совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз» [5].

Статья 136 УК РСФСР 1926 г. предусматривалось более строгое наказание для лица, привлекавшегося ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшего назначенную судом меру социальной защиты.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об изменении и дополнении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» исключило из ст. 31 указание на рецидивиста и установило, что отягчающим обстоятельством признается совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление. Таким образом, понятия рецидива и рецидивиста исчезли из Основных начал и из уголовных кодексов союзных республик. Понятием «рецидивист» законодатель продолжал пользоваться лишь при издании актов амнистии, чтобы исключить применение этих актов к неоднократно судимым лицам [6].

В ст. 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. упоминается «особо опасный рецидивист». Повторение преступления и наличие судимости за предыдущее преступление являлись основными признаками рецидива. При признании лица особо опасным рецидивистом суды должны были учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела. Решающее значение отводилось личностным особенностям преступников, а не формальным признакам. Суды, так же как и законодатель, придерживались мнения, что особо опасный рецидивист своим поведением демонстрирует исключительную опасность для общества и потому нуждается в особых мерах воздействия.

Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. в качестве отягчающего обстоятельства признавал совершение преступления лицом, ранее совершавшим преступления. «Суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела» [7].

Иными словами, законодатель делал упор непосредственно на личность преступника, на его характер и моральные качества. Отметим, что законодатель определяет данный

институт именно «рецидивист», привязывая его к личности преступника. Как отмечают многие авторы, совершение впервые умышленного преступления формирует психологическую готовность совершать преступления вновь. Это усугубляет антиобщественную ориентацию и упрощает совершение последующих преступлений, как правило, более тяжких. У преступников, совершающих рецидивные насильственные преступления, отмечается нарастание агрессивности по мере совершения преступлений, а значит, и степени их общественной опасности, повышение категории тяжести совершенных преступлений. Существует прямая зависимость между числом судимостей за насильственные преступления и тяжестью последующих преступных посягательств: по мере увеличения числа судимостей за насильственные преступления увеличивается тяжесть последующего насильственного преступления. Это связано с тем, что, во-первых, с каждым совершением насильственного преступления повышается агрессивность субъекта. Во-вторых, с увеличением времени, проведенного в местах лишения свободы, возрастает агрессивность и усиливается процесс деградации личности [8]. Это свидетельствует о необходимости признания и закрепления важнейшей роли характеристики личности на законодательном уровне.

В настоящее время в ст. 18 УК РФ 1996 г. говорится о рецидиве преступлений, под которым понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Можно выделить основные признаки рецидива: наличие не менее двух преступлений, совершенных одним лицом, совершение лишь умышленных преступлений, наличие судимости за ранее совершенное преступление. Однако не учитываются судимости:

- за неосторожные преступления;
- за умышленные преступления небольшой тяжести;
- за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте (до 18 лет);
- за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы;
- судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК [9].

УК РФ содержит три вида рецидива: рецидив, опасный рецидив и особо опасный рецидив. Эти понятия стали заменой предшествующим «рецидивист» и «особо опасный рецидивист», таким образом, внимание стало акцентироваться на совершенном преступлении, его формальных характеристиках, а не на личности преступника.

Опираясь на исторический опыт и руководствуясь практикой борьбы с рецидивной преступностью, считаем необходимым подчеркнуть важность изучения особенностей психологии лица, повторно совершившего преступление, понимания мотивов его действий для определения наказания с целью возвращения в социум этого лица с минимальной потенциальной опасностью для окружающих.

Литература:

1. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений (исторический аспект) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2007. № 17.
2. Гавердовская В.И. К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 1 (5). С. 10.
3. Меликов Э.М. Рецидив краж по уголовному законодательству России 18-20 веков // Наука и современность. 2014. С. 284.

4. Дядюн К.В. Рецидив как вид множественности преступлений в Российском уголовном праве // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2014. № 4 (5). С. 2.
5. Гавердовская В.И. К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2009. № 1 (5). С. 11.
6. Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.
7. Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. М.: Юрид. лит., 1978. С. 11.
8. Волконская Е.К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2013. № 3. С. 145.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрист, 2012. С. 335.

А. А. РАССОХИНА
*преподаватель юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

A. A. RASSOCHINA
*Lecturer of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕГО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

PENALIZATION OF BRIBERY AND DIFFERENTIATION OF LIABILITY FOR IT IN CRIMINAL LEGISLATION OF ANUMBER OFFOREIGNCOUNTRIES

Аннотация. В статье осуществлен анализ подходов к установлению уголовной ответственности за взяточничество в зарубежных странах. Уделено внимание вопросам пенализации соответствующих деяний и дифференциации ответственности за них. Автором делается вывод о возможности рецепции определенных норм зарубежного законодательства.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, уголовная ответственность, пенализация, дифференциация уголовной ответственности.

Annotation. The article analyzes the approaches to establishing criminal liability for bribery in foreign countries. Attention is paid to the issues of penalization of the corresponding acts and differentiation of responsibility for them. The author concludes that it is possible to implement the reception certain norms of foreign legislation.

Keywords: corruption, bribery, criminal liability, penalization, differentiation of criminal responsibility.

Взяточничество в настоящее время является краеугольной проблемой для всего мирового сообщества. Идея борьбы с этим негативным и вредоносным явлением лежит в основе формирования соответствующих положений уголовного законодательства практически всех государств. Рассмотрение подходов к пенализации взяточничества и особенностей дифференциации ответственности за него в зарубежных странах позволяет выявить позитивные аспекты этих процессов и возможности рецепции определенных норм отечественным законодателем.

Как известно, в Великобритании к числу источников уголовного права относятся доктринальные труды по уголовному праву, различные своды полуофициального характера. Уголовного кодекса в Англии не существует. Уголовное право представляет собой определенное количество правил, основанных на общем праве Англии, которое модифицировалось и расширялось авторитетными решениями судей на протяжении длительного исторического периода. Основным источником права Англии, как и других стран англосаксонской правовой системы, является судебный прецедент.

Однако в Великобритании существуют общие принципы поведения государственных служащих, а в США – «Принципы этичного поведения США». Согласно данным нормам чиновник ограничивается в получении определенных благ, предоставляемых другими гражданами, не состоящими на государственной службе.

В свою очередь в Уголовном кодексе Канады ответственность за коррупцию предусмотрена в семи статьях. За одно лишь согласие государственного служащего получить материальные блага за совершение определенного действия ему грозит тюремное заключение на срок до 14 лет.

Соединенные Штаты Америки стали первой страной, в которой был принят в 1977 г. Закон о коррупционной деятельности за рубежом [1, с. 38]. Связано это было с деятельностью компаний по финансированию зарубежных лиц. В законодательстве США разработаны определенные понятия коррупции и ее дифференциация на виды. Так, распространенной формой коррупции в Соединенных Штатах является выплата части незаконно полученных денег участнику сделки («кикбэкинг»). В качестве наказаний за данный вид взяточничества предусмотрены штрафы в тройном размере или тюремное заключение сроком до 20 лет [2, с. 80].

Начиная с 1946 г., в США действует закон о регулировании лоббистской деятельности, согласно которому организация, оказывающая давление на Конгресс, обязана регистрировать своих лоббистов и сообщать о своих интересах в законодательной сфере.

Говоря о дифференциации взяточничества в странах англосаксонской правовой семье, можно констатировать, что существует два основных состава, его образующих, – дача взятки и ее получение. Под дачей взятки понимается предоставление финансовых преимуществ другому лицу, в результате которых такое лицо не будет должным образом выполнять свои функции или обязанности.

Взятки подразделяются на те, которые осуществляются в публичном, а также в коммерческом секторе. При этом по примеру США были введены специальные положения о взятках иностранному должностному лицу.

Лицо, которое предлагает взятку иностранному должностному лицу, будет считаться совершившим правонарушение, если намерением такого лица было повлиять на действия иностранного должностного лица.

При этом весьма характерным в настоящее время является привлечение к ответственности не только лица, которое дает взятку, а также и компании, в интересах которой взятка предлагается. Считаем, что это положение вполне может быть заимствовано отечественным законодательством. Для частных лиц в данных случаях предусмотрены штрафы и тюремное заключение, а для организаций, которые они представляют, устанавливаются существенные штрафные санкции.

Правило по перенесению ответственности на юридическое лицо достаточно логично, так как взятки даются в основном для того, чтобы именно компания получила преимущества.

Следует отметить, что существуют случаи, которые напрямую не приравниваются к даче взятки – это так называемая плата за «упрощение формальностей». Она осуществляется за должное исполнение должностным лицом своих обязанностей. В чем-то эта плата созвучна с системой «кормления», существовавшей длительной время в Российской Империи.

Естественно, в настоящее время эти выплаты являются незаконными. Но уголовное преследование за данное нарушение в большинстве зарубежных стран признается нецелесообразным.

Говоря об ответственности за взяточничество в странах Европейского Союза, можно выделить некоторые интересные, на наш взгляд, положения.

В частности, законодательство Германии в отличие от англосаксонских стран не урегулировало правовое положение организаций-лоббистов. Не существует обязанности регистрации лоббистов в специальном реестре и уведомления ими властей о контактах между тем или иным лоббистом и государственным чиновником. Возможно, это связано с

тем, что члены парламента и члены муниципальных советов не подпадают под содержащееся в Уголовном кодексе Германии определение должностного лица.

В целом, Германия весьма ведет борьбу с иностранными взяточниками, ужесточая законодательство в этой сфере. Особенностью такой борьбы является то, что уголовное преследование по этим делам нацелено по преимуществу против индивидуальных правонарушителей. Иски к компаниям в административные или гражданские суды подаются достаточно редко [3, с. 41].

При этом, как правило, дача взятки карается в два раза менее строго, нежели ее получение. Так, за получение взятки судьей предусмотрено лишение свободы на срок от одного года до 10 лет, а за дачу взятки судье – до пяти лет [4, с. 519].

В свою очередь законодательство Испании несколько иначе подходит к дифференциации ответственности за взяточничество в рамках собственной правовой системы.

Так, выделяются следующие виды взяточничества:

1. Взяточничество в государственном секторе, которое тоже подразделяется на следующие ситуации: когда государственному должностному лицу предлагается взятка за совершение действий, противоречащих его обязанностям, или за воздержание от их выполнения; когда взятка предоставляется государственному должностному лицу в виде награды или вознаграждения за совершенное ранее действие; когда взятка дается государственному должностному лицу в связи с должностью или обязанностями, которые должны были быть исполнены.

2. Подкуп в частном секторе. За такой подкуп также предусмотрена уголовная ответственность. Условиями привлечения к ней являются следующие обстоятельства: обещание, предложение или уступка выгоды или преимущества любого характера; адресатом является сотрудник компании; лицо, совершившее преступление, получает определенные преимущества перед другим [5, с. 35].

В Италии, в свою очередь, выделяется вымогательство взятки, когда государственный служащий принуждает кого-либо дать или пообещать ему или третьему лицу незаслуженные деньги или другие выгоды. Такое деяние наказывается лишением свободы на срок от 4 до 12 лет. Самостоятельно выделяется взяточничество, связанное с осуществлением функций. При этом лишением свободы на срок от одного года до пяти лет наказывается должностное лицо, которое за правомерное совершение действий, входящих в его компетенцию, незаконно принимает для себя или для третьего лица деньги или льготы. Получение заранее не обещанного вознаграждения за уже совершенное действие наказывается менее строго – лишением свободы на срок до одного года.

При этом более опасным признается получение взятки за коррупцию, связанную с невыполнением служебных полномочий. Виновный в данном случае наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет и предусматривается в статье 318 УК Италии [6, с. 68].

Законодательством Италии признается самостоятельным преступлением и взяточничество в частном секторе [6, с. 69].

Во Франции наказание за дачу и получение взятки является более суровым. Должностные лица, виновные в получении взятки, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере до 500 тыс. евро. Размер штрафа может быть удвоен при крупном размере материальных выгод.

Уголовный кодекс Франции предусматривает ответственность представителей государственной службы, виновных в получении взятки, если это деяние направлено на злоупотребление своим влиянием, действительным или мнимым, с целью получения от государственного органа власти или управления наград, должности, выгодных сделок или любого другого благоприятного решения. За данное преступление применяется наказание в

виде лишения свободы на срок до десяти лет и штрафа до 1 млн. евро, об этом говорится в статье 312-2 Уголовного Кодекса Франции [7, с. 40]

За дачу взятки частным лицом Уголовный кодекс предусматривает столь же строгие наказания: лишение свободы на срок до 10 лет и штраф до 1 млн. евро. Такое же наказание предусмотрено и в случае, когда частное лицо делает уступку представителю государственной власти, выполняющему задание органов государственного аппарата [7, с. 41].

Говоря непосредственно о санкциях, которые грозят за взяточничество в зарубежных странах, можем привести следующие примеры.

Самой решительной политикой в борьбе с коррупцией с помощью законодательных средств отличаются США. Законодательство США предусматривает наказание за активный и пассивный подкуп в виде штрафа, сумма которого исчисляется тройным размером взятки, или лишения свободы до 15 лет. При этом наказание может быть совмещено по решению суда. За стимулирование совершения законных действий должностным лицом законодательство США предусматривает штраф, размер которого определяет суд, или лишение свободы до 2 лет [8, с. 92].

Специальная норма касается активного и пассивного подкупа работников федеральной банковской системы, нацеленного на получение кредита. Статья предусматривает штраф до 1 млн. долларов, а также лишение свободы до 30 лет или совмещение того и другого наказания. Вместе с тем в том случае, когда ценность взятки не превышала 1 тыс. долларов, лишение свободы не может быть более одного года [8, с. 94].

В Канаде государственный служащий, занимающий должность в суде или в законодательном органе Канады, исключительно за согласие получить блага за совершение определенного действия или попустительства такому действию подлежит тюремному заключению на срок до 14 лет [10, с. 43].

Законодательство Франции предусматривает наказание за взяточничество в виде лишения свободы до 7 лет для руководителей и сотрудников коммерческих предприятий. Для должностных лиц наказание более строгое – тюремное заключение на срок до 10 лет.

Госслужащим Франции запрещает получение подарков под угрозой наказания в виде лишения свободы на срок от 2-х до 10 лет или крупного штрафа [7, с. 74].

В Германии должностное лицо, требующее имущественной или иной выгоды, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом. Если же это деяние совершено судьей, то оно наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом [9, с. 63].

Если должностное лицо требует выгоды за совершение по службе действий, которые нарушают его служебный долг, преступление наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет. В менее тяжких случаях – лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом. Если же эти деяния совершают судьи, то это влечет за собой лишение свободы на срок от 1 года до 10 лет, а в менее тяжких случаях – лишение свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет [9, с. 65].

В Великобритании закон осуждает требование взятки или получение, или согласие на получение подарка. Лицо, признанное виновным в таком поступке, присуждается к тюремному заключению или к уплате стоимости подарка, ссуды или вознаграждения, полученных им. Дополнительно оно лишается права быть избранным или назначенным на какую-либо публичную должность сроком на семь лет.

Ответственность за взяточничество, когда делом или сделкой, по поводу которых взятка была дана, был договор или предложение договора с центральным правительством, выступает в виде тюремного заключения на срок от 3 до 7 лет.

Лица, которые предлагают или дают судебному чиновнику какой-либо дар, совершают преступление, наказуемое штрафом или лишением свободы до 2 лет [8, с. 114].

При этом самые жесткие санкции за взяточничество предусмотрены в странах Азии. В Китае за взятку могут казнить. Столь радикальная мера появилась в китайском Уголовном кодексе в начале 1980-х годов. Расстрел проводится публично. Подобных приговоров может быть несколько тысяч в год, в том числе и в отношении довольно крупных чиновников, и в отношении менеджеров крупных корпораций. Казнь за взяточничество полагается и на Кубе. В Арабских Эмиратах взяточникам отрубают руку, аналогичное наказание предусмотрено за воровство [10, с. 45].

Таким образом, несмотря на достаточно ограниченный объем проведенного в рамках настоящей статьи исследования, можно сделать вывод о целесообразности рецепции отечественным законодателем некоторых положений законодательства зарубежных стран, касающихся ответственности за взяточничества и ее дифференциации.

Литература:

1. Карпович О.Г. Коррупция в современной России. М., 2007.
2. Мизерий А.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с коррупцией в органах власти: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2000.
3. Бирке Р. Международные конвенции по борьбе с коррупцией. Законы о взяточничестве в германском и российском уголовном праве и гостеприимство. М., 2014.
4. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004.
5. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 2008.
6. Уголовный кодекс Италии. СПб., 2005.
7. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.Н. Головкин. СПб., 2002.
8. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония): сб. законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2009.
9. Уголовный кодекс ФРГ / под ред. А.В. Серебренниковой. М., 2006.
10. Савенков А. Международное сотрудничество для борьбы с коррупцией и финансовыми преступлениями // Российский следователь. 2012. № 21.

А. А. РАССОХИНА
преподаватель юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

Н. Н. МЕЛЬНИЧЕНКО
мировой судья
(Россия)

A. A. RASSOCHINA
Lecturer of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

N. N. MELNICHENKO
world judge
(Russia)

ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

APPROACHES TO THE SETTLEMENT OF LIABILITY FOR BRIBERY IN CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA IN THE PRE-SOVIET PERIOD

Аннотация. В статье авторами осуществлен исторический анализ становления и развития уголовного законодательства России об ответственности за взяточничество в до-советский период развития. Выделяются этапы этого процесса и формируются выводы о его тенденциях.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, санкция правовой нормы, взяточничество, коррупционная преступность.

Annotation. In the article the authors carried out a historical analysis of the formation and development of Russia's criminal legislation on responsibility for bribery in the pre-Soviet period of development. The stages of this process are singled out and conclusions about its tendencies are formed.

Keywords: criminal responsibility, punishment, sanction of a legal norm, bribery, corruption crime.

В современной России проблема борьбы со взяточничеством стала одной из основных тем для обсуждения. Выявление и расследование преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, получением взятки, стали одними из основных направлений деятельности органов полиции, прокуратуры, следственного комитета. При этом следует отметить, что данный процесс в настоящее время характерен не только для России. Во всем мире идет борьба с коррупционными преступлениями. Вместе с тем понимание современных проблем невозможно без анализа истории вопроса, истоков названных негативных процессов и развития уголовного закона об ответственности за данные преступления.

Русская государственность на начальных этапах своей истории характеризовалась княжеско-дружинным управлением, при котором несложные государственные функции князь выполнял вместе со своей дружиной. Они и составляли «аппарат власти». В дальнейшем система управления делами государства меняется. На смену территориальному и вотчинному управлению приходит система функционального управления, которой было

свойственно так называемое «кормление», при котором содержание огромной армии должностных лиц ложилось на плечи населения, что естественным образом стимулировало рост взяточничества и различного рода злоупотреблений [1, с. 28].

Так, А.М. Староверов выделяет следующие периоды развития коррупционной преступности в России в досоветский период:

- до 1715 г.;
- с 1715 по 1801 гг.;
- с 1801 по 1901 гг.;
- с 1901 г. [2, с. 16].

При этом весьма интересным является тот факт, что для первого этапа характерно отсутствие понятия взяточничества в современном его восприятии. Это был законный вид деятельности – «кормление», который являлся источником существования чиновников. Но вместе с тем уже Судебником Ивана III судьям запрещалось брать «посулы» [3, с. 62]. Это был первый запрет на получение взятки.

Следует отметить, что Петр I был первым из отечественных правителей, кто пришел к осознанию принципа законности как необходимого условия функционирования органов власти всех уровней. При этом важное внимание Император уделял пресечению преступлений среди высших должностных лиц. Как указывает Д.В. Серов, по обвинениям в преступлениях против интересов службы в петровский период подверглось 39% российских сенаторов, 32% глав центральных органов управления и 50% губернаторов. В итоге больше чем половина этих лиц были осуждены к различным мерам наказания [4, с. 25].

Начиная с 1715 г. [5, с. 91-113], получение любой формы взятки стало считаться преступлением, так как чиновники начали получать фиксированную заработную плату. Вместе с тем количество чиновников при Петре I возросло, в связи с чем жалование не всегда выплачивалось регулярно, и для чиновников низших рангов взяточничество все так же являлось основным источником дохода. После смерти Петра I система «кормления» была вновь восстановлена. Заработная плата чиновникам была возвращена при Екатерине II. При этом, как указывает Ю.В. Кузовков, она выплачивалась бумажными деньгами, которые в начале 19 века обесценивались, что опять же привело к росту взяточничества [6, с. 28].

В дальнейшем в Российской Империи создается особый комитет (в 1826 г.), основной задачей которого являлось истребление взяточничества. Вместе с тем, несмотря на столь активные меры по борьбе с коррупцией, ученые отмечают непоследовательность в действиях по противодействию взяточничеству.

Однако с изданием Свода Законов Российской Империи 1833 г. были более четко регламентированы как виды лихоимства, так и меры юридической ответственности за данный вид преступления.

Существовало три вида лихоимства:

- незаконные поборы под видом государственных податей;
- вымогательство вещами, деньгами или припасами;
- взятки с просителей по делам исполнительным и судебным.

Кроме того, были установлены и следующие правила для тех случаев, когда лицо было уличено во взяточничестве. Так, не нужно было смотреть ни на чины, ни на прежние заслуги, учитывалась степень тяжести преступления и наступившие последствия.

Начиная с 1845 г., с принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [7, с. 114-464], пошел процесс по установлению более четких критериев взяточничества и лихоимства. Так, в тех случаях, если чиновником было совершено действие, за которое получен дар, и в эти действиях не было нарушения должностных обязанностей, то получение взятки квалифицировалось как мздоимство, а если обязанности службы нарушались,

то это признавалось лихоимством.

Естественно, санкции за данные виды взяточничества были различны. Чиновники, уличенные в мздоимстве, подвергались денежному взысканию и (или) отрешению от должности. Виновные же в лихоимстве могли быть наказаны вплоть до направления в исправительное учреждение.

При этом высшей степенью лихоимства являлось вымогательство. При этом виде взяточничества виновный подлежал ответственности вплоть до 5-6 лет нахождения в исправительном учреждении. При наличии отягчающих обстоятельств он мог быть сослан на каторжные работы на срок до 8 лет [8, с. 59].

Во время правления Александра III возникла некая аналогия с ныне существующей декларацией о доходах, которая обязательна для государственных гражданских служащих. Раз в год издавались книги с публикациями об имущественном положении чиновников. При этом в данных книгах указывалось имущество супруги, а также сведения о заработной плате и наградах.

Чиновникам запрещалось прикрывать взятки различного рода договорами и сделками. Они не могли заключать договоры и сделки с теми, кто осуществлял поставки товаров для ведомства, где чиновник работал. В противном случае последний увольнялся с государственной службы.

В Уголовном уложении 1903 г. понятия «взяточничество» и «лихоимства» были четко разделены.

Уголовное уложение 1903 г. [9, с. 59] вводилось в действие постепенно, но к моменту Октябрьской революции 1917 г. его положения о наказуемости взяточничества в силу так и не вступили.

Следует, однако, отметить, что ст. 656 Уголовного уложения предусматривала три ситуации принятия служащим взятки: простое мздоимство (ч. 1), когда взятка принимается за уже учиненное служащим действие, входящее в круг его обязанностей по службе; квалифицированное мздоимство (ч. 2) – принятие взятки, заведомо данной для побуждения служащего к учинению такого действия по службе; лихоимство (ч. 3) – принятие взятки, заведомо данной служащему «для побуждения его к учинению в круге его обязанностей преступного деяния или служебного проступка или за учиненные им такие деяния или проступок».

При этом важным, на наш взгляд, является тот факт, что, по мнению исследователей, взяточничеству в Российской Империи были подвержены низовые элементы государственной системы, в то время как чиновники, занимавшие важнейшие посты в государстве, во взятках замечены не были.

Вместе с тем, начиная с XX в., произошел рост количества коррупционных преступлений, в том числе и взяточничества. Во многом это связывают с поставками, военными заказами, сделками с недвижимостью и основанием новых кооперативных обществ. На данный вызов Правительство ужесточило отношение к коррупции. Так, на лиц, замешанных в коррупционных преступлениях, амнистия более не распространялась, и срок их содержания в исправительных учреждениях не мог быть уменьшен более чем на одну треть.

В 1911 г. впервые было внесено предложение, согласно которому и дача взятки рассматривалась как самостоятельное преступление, независимо от последующих действий чиновника. Но данный, законопроект не был утвержден, так как это могло затруднить борьбу со взяточничеством.

Уже практически в конце существования Российской Империи в качестве экстренных мер в 1916 г. был принят закон, который повысил наказание за мздоимство и лихоимство, которое объявлялось наказуемым. Под ним понимался подкуп лица за выполне-

ние или невыполнение служебного действия должностным лицом.

Говоря непосредственно о санкциях за взяточничество в досоветский период развития уголовного законодательства, можно сделать следующие выводы.

Первое законодательное закрепление положения о недопустимости должностного лица брать посул (взятку) появилось в Судебнике 1497 г. Однако санкция за совершение данного деяния отсутствовала. Как правило, должностное лицо подлежал наказанию индивидуально по решению главы государства.

В Судебнике 1550 г. эта норма была изложена следующим образом: «Всякому судье посулов в суде не имати». При этом ответственность судьи за вынесение решения по делу под воздействием полученного вознаграждения предусматривалась в виде возмещения истцу суммы иска и всех судебных пошлин в трехкратном размере. Дальнейшую судьбу судьи решал глава государства.

Дьяк, который совершил подлог в протоколе судебного заседания либо неправильно записал показания сторон за вознаграждение, уплачивал истцу половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, рассматривавший дело в суде, который должен был следить за своим подчиненным во время судебного процесса. Кроме того, дьяк подлежал и тюремному заключению, срок которого тоже определялся индивидуально. Другого наказания заслуживал такой участник судебного разбирательства, как подьячий, «который запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговой казнью, бити кнутием».

В Судебнике 1550 г. законодателем произведено разграничение между двумя формами проявления коррупции: лихоимством и мздоимством. Под мздоимством подразумевалось выполнение должностным лицом действий по службе, которые оно совершило вопреки интересам правосудия за вознаграждение. Под лихоимством понималось получение должностным лицом судебных органов разрешенных законом пошлин свыше установленных норм.

В дальнейшем санкции за взяточничество и иные формы проявления корыстных злоупотреблений получили развитие в 1649 г. в Соборном Уложении. В частности, было предусмотрено наказание за «мнимое посредничество».

Далее усилил наказание за взяточничество Петр I. В частности, за дачу взятки предусматривалось наказание вплоть до смертной казни.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. за подкуп должностное лицо органов государственной власти и управления, кроме денежного взыскания, подвергалось еще и освобождению от занимаемой должности.

За получение должностным лицом не предусмотренного законом вознаграждения, сопряженное с нарушением обязанностей по службе, оно подвергалось наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до трех лет или сечения розгами от 70 до 80 ударов и отдачи в арестантские роты на срок от двух до пяти лет.

В дальнейшем законодательство и, соответственно, санкции за взяточничество были изменены существенным образом уже после Октябрьской революции 1917 г.

Таким образом, можно говорить о том, что отношение к взяточничеству и ответственности за него менялось на всем протяжении истории российского государства и права. Абсолютная победа над таким злом, на наш взгляд, невозможна. Но грамотными законами и политикой государство в состоянии ограничить его масштабы до такой степени, чтобы оно не подрывало основы существования страны и национальной безопасности.

Литература:

1. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России. М., 2016.
2. Староверов А.М. Коррупция в России. М., 2015.
3. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву Рос-

сии X-XX веков. Саратов, 2006.

4. Серов Д.В. Должностная преступность при Петре I. М., 2014.

5. Артикул Воинский 1715 года // Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006.

6. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М., 2012.

7. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006.

8. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М., 2012.

9. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В.П.Анисимова, 1903.

А. О. РОЙ

*магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

Е. В. СИЛЬЧЕНКО

*доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
кандидат юридических наук
(Россия)*

A. O. ROY

*Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

E. V. SILCHENKO

*Associate professor of the criminal law department
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ИЗНАСИЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF THE COMPOSITION OF RAPE IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Аннотация. В данной статье проводится сравнение преступлений, предусмотренных статьями 131 УК РФ и 138 УК РА, исследуется непосредственный объект и объективная сторона преступления, проводится анализ субъекта и субъективной стороны состава преступления, выделяются общие и частные отличия.

Ключевые слова: изнасилование, половая свобода, половое сношение, половой акт, формальный.

Annotation. In this article comparison of the crimes provided by articles 131 Criminal Code of the Russian Federation and 138 UK RA is carried out, a direct object and the objective party of a crime is investigated, the analysis of the subject and the subjective party of corpus delicti is carried out, the general and private differences are distinguished.

Keywords: rape, sexual freedom, sexual intercourse, sexual intercourse, formal.

Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Республики Армении предусматривают ответственность за совершение изнасилования, данная норма содержится в ст. 131 УК РФ [5] и ст. 138 УК РА [4].

Непосредственный объект изнасилования – это половая свобода женщины, достигшей совершеннолетнего возраста, а в случае изнасилования несовершеннолетней потерпевшей или потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, объектом является половая неприкосновенность личности.

Только женщина может быть потерпевшей при изнасиловании. При этом не имеет значения социальное положение женщины, приходилась ли она знакомой виновному, об-

стоятельства виктимности ее поведения и т.д. Данное преступление может совершаться и в отношении родственницы, жены, девушки, занимающейся проституцией.

Объективная сторона преступления состоит из непосредственного действия в виде полового сношения с потерпевшей и одного из трех второстепенных способов совершения: 1) применения насилия к потерпевшей или иным лицам; 2) угроза применения насилия к потерпевшей или иным лицам; 3) использования беспомощного состояния женщины.

В статье 138 Уголовного кодекса Республики Армения можно выделить более точную формулировку диспозиции, в ней законодатель уточнил, что половое сношение происходит между мужчиной и женщиной. В статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствует данное уточнение. Понятие «половое сношение» было определено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором было указано, что под половым сношением следует понимать совершение полового акта между мужчиной и женщиной [2]. Однако, постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [3] отменило предыдущее постановление, а нового определения, что следует понимать под половым сношением, Пленум не дал. Судебное толкование данного понятия, которое давалось в п. 1 постановления 2004 г., вызывало ни мало споров среди юристов, но все же оно вносило некоторую определенность в правоприменительную деятельность, и даже от такого довольно общего понятия скорей всего не стоило отказываться. В общем виде половое сношение можно определить как половой акт между мужчиной и женщиной, проходящий в естественной форме.

Способом совершения преступления является насилие, которое может быть физическим или психологическим. Насилие не обязательно должно применяться к потерпевшей, оно также может и к иным лицам, например, к родственникам потерпевшей, ее близким людям, или к лицам, к которым виновник применяет насилие в целях преодоления сопротивления жертвы.

Под угрозой применения насилия, как способа совершения изнасилования, следует понимать высказанное намерение виновного лица о немедленном применении насилия к потерпевшей или к иным лицам [1, с. 399]. С помощью такого способа виновный, путем угрозы, преодолевает сопротивление жертвы. Потерпевшая должна реально воспринимать и опасаться угрозы, поэтому не будут считаться способом совершения изнасилования такие угрозы как шантаж, уничтожение имущества, повреждение имущества и т.п. При наличии определенных обстоятельств эти действия виновного будут квалифицироваться, как понуждение к действиям сексуального характера, за данные действия предусмотрена ответственность в статье 133 УК РФ и в статье 140 УК РА.

Еще одним способом совершения изнасилования, является использование беспомощного состояния жертвы. В Уголовном кодексе РФ и в Уголовном кодексе РА такое понятие как беспомощное состояние жертвы примерно аналогичны. Под беспомощным состоянием понимается, невозможность потерпевшей осознавать характер совершаемых с ней действий, либо невозможность оказывать сопротивление виновному лицу в силу каких-то сложившихся обстоятельств.

В Уголовных кодексах обеих стран изнасилование признается оконченным с момента вступления виновного лица и жертвы в половое сношение, то есть с момента начала полового акта, независимо от того, довело ли виновное лицо половой акт до физиологического завершения и от наступивших последствий, поэтому состав преступления – формальный.

Если несколько изнасилований были совершены в течение короткого промежутка времени в отношении одной и той же потерпевшей и обстоятельства их совершения свидетельствуют об едином умысле виновного или виновных лиц на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление.

Вменяемое лицо мужского пола, которое на момент совершения преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ и ст. 138 УК РА, достигло четырнадцатилетнего возраста, является субъектом изнасилования. Так же, при групповом изнасиловании, субъектом преступления может являться женщина, которая содействовала совершению изнасилования, путем физического или психологического насилия над потерпевшей, тем самым оказывала помощь лицу мужского пола в совершении полового сношения с жертвой.

Субъективная сторона изнасилования, в рассматриваемых уголовных кодексах, выражается только прямым умыслом. Лицо, совершившее изнасилование осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. При этом мотив и цели совершения преступления, для квалификации содеянного значения не имеют.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что составы преступлений, предусмотренных статьями 131 Уголовного кодекса РФ и статьями 138 Уголовного кодекса РА, имеют много общего, однако в них есть и различия, и уголовные системы обеих стран, могут позаимствовать друг у друга уточняющие положения в свои Уголовные кодексы.

Литература:

1. Аветисян С.С., Чучаев А.И. Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части: учебник. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 399
2. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 в ред. от 14 июня 2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №8; 2013. № 8 (утратило силу).
3. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
4. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года № 3Р-528 // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. № 25(260), ст. 407., в ред. от 14/01/2017.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 07 марта 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Е. Н. РЫБАЛКИНА
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

E. N. RIBALKINA
Master of law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

RESPONSIBILITY FOR TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS AND USE OF SLAVE LABOR: INTERNATIONAL-LEGAL ASPECTS

Аннотация. В статье исследуются процесс зарождения и развития системы международно-правовых актов в сфере противодействия торговле людьми и использованию рабского труда, а также содержащиеся в них основополагающие понятия и термины. Делается вывод о том, что для противодействия данным преступлениям каждому государству необходимо имплементировать в свое внутреннее законодательство международно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за подобные преступления.

Ключевые слова: торговля людьми, использование рабского труда, международный опыт, конвенции, имплементация, уголовная ответственность.

Annotation. The article explores the process of the origin and development of the system of international legal acts in the sphere of combating human trafficking and the use of slave labor, as well as the basic concepts and terms contained in them. It is concluded that in order to counteract these crimes, each state needs to implement in its domestic legislation international legal norms that criminalize such crimes.

Keywords: human trafficking, use of slave labor, international experience of struggle, conventions, implementation, criminal responsibility.

В настоящее время торговля людьми и использование рабского труда относятся к преступлениям международного характера и предусмотрены международными конвенциями и договорами. Каждое государство, являющееся участником соответствующего международного документа в соответствии с принципом международного уголовного права, который гласит, что определение преступления, признанного таковым международным уголовным правом, и применимых юридических возражений включаются в сферу внутреннего законодательства, устанавливает уголовную ответственность за такое преступление с учетом особенностей своей правовой системы [1].

Проблема торговли людьми и использования рабского труда с достаточно давних времен привлекает внимание как международного сообщества, так и отдельных государств. Положения о противодействии им содержатся в ряде международных конвенций и деклараций, направленных на объединение усилий всех государств на борьбу с торговлей людьми, рабством и различными его проявлениями. В первую очередь такие документы оберегают женщин и детей, которые часто становятся объектами насилия и торговли, в том числе с целью сексуальной эксплуатации [2].

Процесс становления и развития системы международно-правовых норм, направленных на борьбу с рабством, торговлей людьми, использованием рабского труда, а также сходными с ними явлениями и институтами имеет весьма давнее происхождение. Они из-

менялись с учетом социально-экономических, политических, культурных отношений в обществе в течение столетий.

Формирование теоретических и эмпирических предпосылок института норм, направленных на борьбу с рабством и торговлей людьми, начинается еще в учениях философов Древней Греции и Рима и продолжается в условиях расцвета работорговли в XV-XVIII вв.

Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с торговлей людьми и использованием рабского труда началось с Декларации о прекращении торговли неграми и её итогового решения на Венском конгрессе 1815 г. Далее последовали Аахенский конгресс 1818 г., Веронский конгресс 1822 г., а также договор о запрещении работорговли 1841 г. между Англией, Россией, Пруссией, Австрией и Францией, которые были направлены на борьбу с рассматриваемыми преступлениями [3]. Позже были опубликованы Генеральный акт о Конго 1885 г., Генеральный акт 1890 г., подписанный на Брюссельской конференции, международный договор от 18 мая 1904 г. о борьбе с торговлей белыми рабынями, Международная конвенция от 4 мая 1910 г. о борьбе с торговлей белыми рабынями, Сен-Жерменская конвенция 1919 г. о полном запрещении рабства во всех его формах и торговли людьми на море и на суше, Международная конвенция от 30 сентября 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми. Но в первую очередь было необходимо закрепление самих понятий «рабство» и «работорговля», которые не были выработаны и представлены в международном праве на протяжении долгого времени [4].

Одним из ключевых условий как эффективности, так и результативности усилий государств по противодействию данным преступным деяниям является применение единого подхода к формированию юридически значимых категорий в данной области. В начале XX в. происходит осознание необходимости запрета как работорговли, так и самого рабства.

Новый этап в международно-правовой борьбе с рабством и торговлей людьми начинается с принятия Конвенции о рабстве, подписанной в Женеве 25 сентября 1926 г., с изменениями, внесенными Протоколом 1953 г. Данная Конвенция впервые закрепила понятие рабства как состояния или положения человека, в отношении которого осуществляются все или некоторые правомочия, присущие праву собственности. Работорговля определена как всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников [5].

В докладе Д. Вайсбротта и Международной организации по борьбе с рабством отмечалось следующее: «Включив в определение рабства «некоторые или все правомочия, присущие праву собственности» и провозгласив в качестве своей официальной цели «отмену рабства во всех его формах», Конвенция о рабстве охватила не только домашнее рабство, но и все другие формы рабства» [6].

Положения Конвенции о рабстве 1926 г. были развиты и конкретизированы в Международной конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г., Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатации проституции третьими лицами 1949 г., которые не содержат определения понятия торговли людьми [7]. Первое официальное упоминание термина «торговля людьми» независимо от их возраста и пола в международно-правовом акте было упомянуто в Конвенции 1949 г. Из ее преамбулы следует объединение вышеуказанных нормативно-правовых актов.

Во Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. указывается, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, которые провозглашены Декларацией, без различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, по-

литических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, ст. 4 Всеобщей Декларации прав человека устанавливает, что никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах [8]. Но она также не содержит упоминания о торговле людьми, что является одним из самых серьезных нарушений прав и свобод человека.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. провозглашает запрет не только рабства и подневольного состояния, но и принудительного труда [9].

Дополнительной Конвенцией об упразднении рабства, работорговли, равно как институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г. государства-участники обязывались принимать все возможные и необходимые как законодательные, так и иные меры по осуществлению постепенной и в кратчайшие сроки отмены и упразднения институтов и обычаев, сходных с рабством [10].

В Конвенции 1956 г. к институтам и обычаям, сходных с рабством, были отнесены институты и обычаи:

1 долговой кабалы, то есть положения или состояния, возникающего вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не зачитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

2 крепостного состояния, то есть такого пользования землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица, за вознаграждение или без такового, и не может изменить это свое состояние;

3 любого института или обычая, в силу которых:

3.1 женщину обещают выдать или выдают замуж без права отказа с ее стороны ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой;

3.2 муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или

3.3 женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу;

4 любого института или обычая, в силу которого ребенок или подросток моложе восемнадцати лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда [11].

Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., которым защищаются права на жизнь, свободу и безопасность личности, право не подвергаться пыткам, государствам рекомендуется признавать всякие акты насильственного исчезновения как тяжкое преступление, предусматривающее соответствующие меры наказания. Декларацией определяется, что любой акт насильственного исчезновения является оскорблением человеческого достоинства, а также осуждается как отрицание целей Устава Организации Объединенных наций и как серьезное и грубейшее нарушение прав человека и основных свобод [12].

Позже были подписаны Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., о правах ребенка 1989 г., Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы по торговле детьми и другими формами детской эксплуатации 1987 г. и Резолюция № 3 по сексуальной эксплуатации, порнографии и проституции и торговле детьми и несовершеннолетними, принятая на 16-й Конференции министров юстиции Ев-

ропы в 1988 г. [13]. Данные международно-правовые акты были направлены на защиту прав и свобод женщин и детей, запрещали их дискриминацию, призывали общество ознакомиться с разрушительными последствиями сексуальной эксплуатации и побуждали общественность к принятию участия в деятельности ассоциаций и организаций, занимающихся этой проблемой [14].

Многими государствами для выполнения предписаний данных конвенций были приняты соответствующие законы для защиты прав и законных свобод своих граждан. Так, например, в Японии был принят закон, который предусматривал суровые наказания за вовлечение в занятие проституцией, эксплуатацию проституции другими лицами, торговлю людьми в целях занятия проституцией. Подобный закон был введен и в Италии.

Вопросы торговли людьми, преступной вербовки, незаконной эмиграции и иммиграции были объектом исследования на международном уровне, наравне с проблемами транснациональной организованной преступности. Одновременно с принятием Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. были приняты Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий данную Конвенцию.

Под «торговлей людьми» Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН понимаются осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. «Эксплуатация» включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [15].

В Протоколе также оговаривается, что согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не исключает преступности этого деяния, если было использовано любое из средств воздействия, указанное в определении торговли людьми [16].

Конвенция возлагает на государства-участников обязанность принять как на национальном, двухстороннем, так и на многостороннем уровнях все требуемые меры для предотвращения таких преступных деяний, как похищение детей, торговля людьми, а также их контрабанда в любых целях и в любой форме. В протоколе к данной конвенции представлены термины, используемые при разъяснении данной проблемы, и их определение.

Таким образом, действующие в настоящее время международные соглашения провозглашают полный запрет рабства, торговли людьми, обычаев и институтов, сходных с ними, характеризуют эти деяния как тяжкие преступления против личности и призывают к установлению суровых наказаний за их совершение. Международным правом запрещен также принудительный труд как институт, сходный с рабским трудом. Российский законодатель, предусмотрев ответственность за торговлю людьми (ст. 127¹ УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127² УК РФ), в полной мере выполнил обязательства, возложенные указанными международно-правовыми актами на государств-участников.

Литература:

1. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб., 2003. С. 238.
2. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме / исследование выполнено к.э.н. Е.В. Тюрюкановой совместно с Фондом «Институт экономики города» для рабочей группы агентств ООН и Международной организации по миграции (МОМ) по проблемам торговли людьми. М., 2006. С. 9.

3. Кибальник А. Новые преступления против личной свободы // Российская юстиция. 2004. №4. С. 44.
4. Сакаева О.И. Торговля людьми как самостоятельное проявление международной преступной деятельности // Журнал российского права. 2013. №3. С. 110.
5. Конвенция о рабстве 1926 года // Права человека: сборник международных договоров. Том I (часть вторая). Универсальные договоры. Организация Объединенных Наций; Нью-Йорк и Женева, 2002.
6. Доклад Временной комиссии по вопросам о рабстве Совету Лиги Наций (A.17.1924.XV.B) за 1924 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280-290.
8. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // СПС «КонсультантПлюс».
9. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 ETS №005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Иногамова-Хегай Л.В. Торговля людьми как тягчайшее нарушение конституционного права личности на свободу // Конституционные основы уголовного права: материалы Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса РФ. М., 2006.
11. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством: принята Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года, и составлена в Женеве 7 сентября 1956 год // СПС «КонсультантПлюс».
12. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // СПС «КонсультантПлюс».
13. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. С. 239.
14. Сакаева О.И. Указ. соч. С. 111.
15. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // СПС «КонсультантПлюс».
16. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. С. 240.

И. А. САВЕЛЬЕВ

*магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

Е. В. СИЛЬЧЕНКО

*доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
Кандидат юридических наук
(Россия)*

I. A. SAVELYEV

*Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

E. V. SILCHENKO

*Associate professor of the criminal law department
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR BRIBERY: LEGISLATIVE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KOREA

Аннотация. В статье авторы рассматривают законодательное урегулирование взяточничества в Республике Корея, анализируют подходы к определению данного понятия, проводят сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Корея и Российской Федерации.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, законодательный опыт, уголовно-правовое регулирование ответственности, республика Корея.

Annotation. In the article the authors consider the legislative regulation of bribery in the Republic of Korea, analyze approaches to the definition of this concept, carry out a comparative legal analysis of the legislation of the Republic of Korea and the Russian Federation.

Keywords: Bribery, corruption, legislative experience, criminal liability regulation, Republic of Korea, Legal legislative base of Russia.

Взяточничество на протяжении многих столетий продолжает находить широкую распространенность во всех странах. Эти преступления нарушают нормальную жизнедеятельность властных и управленческих структур, расшатывают их престиж, позволяют сформировать у людей неправильное представление о способах решения конфликтов, любого рода вопросов, приобрести желаемое путем подкупа должностных лиц.

Помимо этого, взяточничество представляет собой имеющий силу криминогенный фактор, поэтому умноженная опасность этого явления вызвана и тем, что в большинстве случаев оно гармонирует с не менее опасными преступлениями: хищениями, легализацией денежных средств или имущества, приобретенных незаконным путем, и т.д.

Уголовно-правовое состязание с этой общественной неприятностью в России была и наблюдается в настоящее время весьма актуально. Для приобретения новых сведений,

требуемых для результативной борьбы с взяточничеством в России, необходимо прибегнуть к исследованию зарубежного опыта по этому вопросу [1, с.38].

Действующий Уголовный кодекс Республики Корея был принят Законом № 293 от 18 сентября 1953 г. и вступил в действие в октябре 1953 года. Далее в него в некоторой степени вносились поправки и дополнения: Законом № 2745 от 25 марта 1975 г., Законом № 4040 от 31 декабря 1988 г., Законом № 5057 от 29 декабря 1995 г.5.

К взяточничеству (ст. 129–134) относится заключительная часть VII главы 2 книги Уголовного кодекса Республики Корея [3].

Определение «взяточничество» представляется собирательным. В соответствии с российской теорией и практикой оно содержит такие составы преступлений, как получение взятки и дачу взятки.

В актуальном южно-корейском уголовном кодексе к изложению состава получения взятки относятся статьи 129–132.

Ст.129 УК РК считается «общим» составом получения взятки и включает в себя два параграфа, каждый из которых охватывает индивидуальный состав анализируемого преступления, отличительной особенностью которых друг от друга служат признаки субъектов.

Так, в соответствии с 1 параграфом ст. 129 УК РК, должностное лицо, получившее, потребовавшее или которое дало обещание заполучить взятку согласно с исполнением своих должностных обязанностей, должен подвергнуться наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет приостановления в квалификации на срок не более десяти лет. Если же лицо, которому надлежит стать должностным лицом или третейским судьей, приобретает, вымогает или гарантирует получение взятки в ответ на прошение, связанное с кругом должностных функций, которые лицо выполняет, и лицо в реальности оказывается должностным лицом или третейским судьей, то такие деяния будут охарактеризованы как приобретение или гарантирование взятки в соответствии с параграфом 2 ст. 129 УК РК. В случае выполнения такого преступления лицо подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более трех лет или кратковременному отстранению от должности на срок не более семи лет.

Оба вышесказанных состава оговаривают особенного субъекта преступления: в параграфе 1 ст. 129 УК РК – это должностное лицо, а в параграфе 2 – лицо, которому надлежит стать должностным лицом или третейским судьей.

Ещё две статьи УК РК говорят о составе получения взятки – ст. 130 (Взятка третьему лицу) и ст. 132 (Получение взятки через добрые услуги), которые закрепляют индивидуальный вид преступления.

Неповторимость взятки третьему лицу содержится в том, что должностное лицо или арбитр, требующие или обещающие дать взятку третьему лицу вместо удовлетворения несправедливой просьбы, связанной с его должностными обязанностями.

Исходя из вышеизложенного, из анализа ст. 129, 130, 132 по настоящему УК РК получение взятки производится в виде вышеупомянутых форм поступков должностного лица [3]:

1. за деяния, входящие в должностные обязанности должностного лица;
2. за деяния, которые совершены должностным лицом согласно своему служебному положению;
3. за деяния, которые совершены должностным лицом с применением подходящих условий посредством служебных действий иных должностных лиц.

В толковании российского уголовного права общепринято, что разнообразные типы должностного беззакония включают в себя его совокупные свойства, такие: реализация

виновным действия в связи со своим должностным положением, несмотря на интересы службы.

Так, часть ученых полагают, что служебное лицо склонно совершать преступные деяния только в границах своих должностных функций (А.Н. Трайнин, В.Д. Меньшагин и др.). Другая часть исследователей считают, что злоупотребление должностным лицом своего должностного положения может применяться и в употреблении служебного влияния, авторитетности, должностных связей с другими служебными лицами (Б.С. Утевский, А.Б. Сахаров и др.).

В УК РФ 1996 г. общетеоретическая дискуссия пришла к выводу, что узкая трактовка служебного положения наиболее приемлема путем непосредственного направления законодателя на применение служебным лицом своих должностных полномочий при совершении преступных действий вопреки государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [4].

Исследование структуру настоящего УК РК демонстрирует, что законодатель при оценке противоправного действия как черты действительного взгляда состава приобретения взятки понимается в широком смысле, что отделяет его от точки зрения российского законодателя.

Статья 131 УК РК регулирует ответственность за противоправное деяние впоследствии получения взятки и вытекающего из этого взяточничества.

В ч. 2 ст. 131 УК РК установлена ответственность за взяточничество, связанное с вымогательством. При этом несут уголовное наказание в данном случае нелегального действия виновного как за приобретение, вымогательство или гарантирование получения взятки, так и за требование или обещание дать взятку третьему лицу.

Предоставление взятки как противоправное деяние отражается в уголовном законе Южной Кореи в ст.133, которая была дополнена Законом № 5057 от 29 декабря 1995 г. Оценка объективной стороны установленного состава указывает на то, что дача взятки определяются законодателем действия в следующих формах [3]:

1. обещание вручить взятку;
2. вручение взятки;
3. демонстрация желания вручить взятку.

Российский законодатель не раскрывает термин «дача взятки». Но соответствие в отображении отдельных из вышеперечисленных черт объективной стороны исследуемого состава в российском и южно-корейском законе можно увидеть.

Обязательным критерием составов и получения, и дачи взятки считается сам предмет – взятка. Из исследования параграфа 2 ст.133 УК РК видно, что предметом взятки считаются: деньги или товары. Российский законодатель глубже открывает сущность предмета взятки: ими могут считаться 1) деньги, 2) ценные бумаги, 3) иное имущество, 4) выгоды имущественного характера.

Закон регламентируют наказуемость взяточничества довольно строго. За дачу взятки виновные лица в соответствии с параграфом 1 ст.133 УК РК претерпевают наказание в виде каторжных работ на срок не более пяти лет или штраф в размере не более двадцати миллионов вон. В сравнении с этим, наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет в качестве главного вида наказания подчиняются и те, кто получил взятку (ст.129, 130 УК РК). Помимо этого, приобретенная взятка, приобретенная в качестве взятки взятокополучателем или третьим лицом, который знает о природе их происхождения, подлежит изысканию, либо, если конфискация не может осуществиться, подлежит взысканию их стоимость (ст.134 УК РК) [2, с.14].

В заключении юридического исследования норм Уголовного кодекса Республики Корея, регламентирующих ответственность за взяточничество, необходимо указать, что в

отличие от многих зарубежных законов в нем не предусмотрено освобождение от уголовной ответственности или от наказания за дачу взятки.

Итак, исследование уголовного законодательства Республики Корея помогает акцентировать внимание на особенностях, присущих регламентации ответственности за взяточничество:

1. безграничное понимание законодателем характерных черт деяния как признака объективной стороны состава получения взятки;
2. отсутствие нормы об освобождении от наказания или его смягчении при даче взятки;
3. довольно суровые меры наказания.

Представленный опыт законодательной регламентации уголовной ответственности за взяточничество в Республике Корея довольно противоречив, но вполне может быть учтен в правотворческой деятельности в России.

Литература:

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М., 1981.
2. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
3. Уголовный кодекс Республики Корея / под ред. проф. А.И. Коробеева. СПб., 2003.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 07.03.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

О. Н. ТРОШИНА

*магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

Е. В. СИЛЬЧЕНКО

*доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
кандидат юридических наук
(Россия)*

H. E. TROCHINE

*Master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

E. V. SILCHENKO

*Associate professor of the criminal law department
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ И ЯПОНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

SIGNS OF THE SUBJECT OF CRIME ON CRIMINAL LAW OF RUSSIA AND JAPAN: COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и уголовного законодательства Японии, а именно рассматриваются вопросы о субъекте преступления, его признаки, назначение наказания, уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовный кодекс, субъект, преступление, возраст уголовной ответственности, психические расстройства.

Annotation. In the report the comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the criminal legislation of Japan is carried out. Namely questions of the subject of a crime, his signs, assignment of punishment are considered. Criminal liability of persons with the mental disorders which aren't excluding sanity.

Keywords: Criminal liability, criminal code, subject, crime, age of a criminal liability, mental disorders.

Как уголовное право России, так и уголовное законодательство Японии неразрывно связаны с развитием общества.

В ходе анализа норм Уголовного кодекса Российской Федерации и норм Уголовного кодекса Японии удалось установить, что понятие субъекта – одного из элементов состава преступления, как физического вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности, можно найти в ст. 19 УК РФ. Понятие «субъект преступления» в Уголовном кодексе Японии не содержится.

Для проведения сравнительного анализа такого юридического понятия как «субъект преступления» в России и Японии необходимо рассмотреть каждый его признак отдельно. Первым и обязательным элементом является возраст, с которого лицо, совершившее преступление подлежит уголовному наказанию. В японском уголовном праве он определяется

на основании положений Закона о несовершеннолетних 1948 года. В соответствии с ним к уголовной ответственности привлекается лицо, достигшее 16 лет. Кроме того в статье 20 данного закона выделяется возрастная группа с 16 до 20 лет, в Японии совершеннолетие наступает в 20 лет по общему правилу, уголовное наказание к которой применяется только за совершение тех преступлений, за которые в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы. В России возраст, с которого наступает уголовная ответственность определяется статьей 20 УК РФ и считается равным 16 лет. Но ч. 2 ст. 20 содержит перечень преступлений, за которые лицо подлежит уголовной ответственности с четырнадцатилетнего возраста.

Что касается вменяемости – еще один обязательный признак субъекта преступления. Уголовный кодекс РФ в ст. 21 дает понятие [1].

Говоря об уголовном праве Японии, следует отметить, что термин «невменяемость» японский законодатель не использует. В подобных случаях имеется в виду слабоумие или психическая ненормальность, которые относят к обстоятельствам смягчающим наказание и не образующим состав преступления. На основании ст. 39 УК Японии «действие, совершенное психически нормальным, ненаказуемо» [2]. На основании изложенного следует заключить, что невменяемость в уголовном праве Японии и России – это обстоятельство, исключающее вину и уголовную ответственность.

Важный вопрос, который мы считаем необходимым осветить в данной статье, касается проблемы уголовной ответственности юридических лиц. Ни уголовное законодательство России, ни уголовное законодательство Японии не предусматривает такую ответственность для данной категории лиц. Все вопросы, касающиеся данного понятия, рассматриваются законодателями стран лишь на уровне обсуждения, выдвижения теорий различными авторами.

Единственным факультативным признаком, выделяемым в рамках понятия субъекта преступления, является специальный субъект. В российском уголовном праве – это лицо, обладающее дополнительными признаками субъекта преступления, необходимыми для привлечения его к уголовной ответственности [4, с.21]. Например, глава 30 Уголовного кодекса РФ содержит нормы о преступлениях против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В данной главе в качестве специального субъекта рассматривается должностное лицо. Понятие должностного лица содержится в уголовном кодексе РФ, к ним относятся лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти или выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Следует иметь в виду, что круг преступлений, совершаемых должностными лицами, не исчерпывается главой о преступлениях против государственной власти, так как в качестве специального субъекта они признаются и в других разделах УК РФ.

В 25 главе уголовного кодекса Японии «Преступления, состоящие во взяточничестве» определен специальный субъект. Им является публичное должностное лицо, понятие которого закреплено в ч. 1 ст. 7 УК Японии: этот термин означает правительственного или муниципального чиновника, а также депутата либо члена комитета или иных служащих, занятых выполнением публичных обязанностей в соответствии с законодательством. В УК Японии оговорены разновидности должностного лица как субъекта преступлений: это особое публичное должностное лицо, под которым, как следует из систематического толкования закона, подразумевается лицо, осуществляющее судебские, прокурорские или по-

лицейские полномочия или действующее при этом в качестве помощника [3, с. 95]. Кроме того, ответственность за взяточничество японский законодатель регламентировал не только для действующего, но и для бывшего публичного должностного лица. Подобный прием дифференциации ответственности за должностные преступления в зависимости от признаков специального субъекта представляет интерес для нас и может быть использован при совершенствовании российского уголовного закона.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ 1996 г. (ред. от 07.03.2017 г.) // URL: <http://base.garant.ru/10108000/>.
2. Уголовный кодекс Японии // URL: <http://constitutions.ru/?p=4073>.
3. Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран. СПб.: , 2013.
4. Коробеев А.И. Предисловие к Уголовному кодексу Японии. СПб., 2002.

В. В. ФИРСОВ

*студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

V. V. FIRSOV

*Student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)*

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПЕРСПЕКТИВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

CRIMINAL OFFENSE: PROSPECTS FOR INCLUSION IN THE SYSTEM OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

Аннотация. Автором рассмотрен вопрос о включении в систему российского уголовного права категории «уголовный проступок». В статье проведен анализ истории, опыта зарубежного уголовного права, определена социальная обусловленность включения категории «уголовный проступок» в систему уголовного законодательства РФ.

Ключевые слова: уголовный проступок, история уголовного проступка, зарубежное уголовное право, социальная обусловленность, уголовно-правовая доктрина.

Annotation. The author considered the question of including in the system of Russian criminal law the category of "criminal offense". The article analyzes the history, experience of foreign criminal law, determines the social conditioning of the inclusion of the category of "criminal offense" in the system of criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminal offense; history of criminal offense; foreign criminal law; social conditioning; the criminal legal doctrine.

За период действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. в него было внесено около 2000 поправок. В Общую часть УК внесено более 250 изменений, в Особенную часть – около 1700. Анализ данных преобразований позволяет сделать неоднозначные выводы. С одной стороны, наблюдается динамизм законодательных реформ, стремление законодателя своевременно и жестко реагировать на криминальные проявления, сократить «тюремное население» и найти оптимальные формы реагирования на преступления. С другой стороны, многие из принимаемых решений достаточно противоречивы и непоследовательны, не согласованы со сложившейся системностью уголовного права, не соответствуют уголовно-правовой доктрине, целям и принципам, которые находятся в основании действующего законодательства. На основании вышеизложенного, следует сделать вывод, что уголовное законодательство находится в процессе непрерывного реформирования. Причем, данные преобразования носят порой достаточно неоднозначный характер.

В настоящее время одной из спорных новелл, предлагаемых по инициативе Верховного Суда РФ, является включение в систему уголовного законодательства категории «уголовный проступок». Эта идея была озвучена Председателем Верховного Суда Российской Федерации Лебедевым В.М. на IX Всероссийском съезде судей. В.М. Лебедев подчеркнул: он и его коллеги считают, что действующее уголовное законодательство характеризуется излишней криминализацией. По словам Председателя Верховного Суда, в структуре всех дел, которые рассматривают суды РФ (порядка 1 млн. дел), дела о преступлениях небольшой тяжести составляют 55%. «Уголовный проступок – это правовое понятие между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением. Его, я думаю,

можно применять к преступлениям не только небольшой, но и средней тяжести. Проступок не наказывается лишением свободы, имеет короткие сроки давности».

Данная позиция была неоднозначно воспринята как в юридическом сообществе, так и в обществе в целом. Чтобы разобраться в этом вопросе, считаем необходимым определить понятие «уголовного проступка» и указать особенности данной правовой категории. В истории российского законодательства категория уголовного проступка впервые получила свое закрепление в XVIII веке. Вопрос дифференциации преступлений и проступков впервые получил свое законодательное обоснование в практике Российской империи еще в XVIII веке. При Петре I появляются понятия «преступление» и «проступок», что свидетельствует о формализации сущности криминального поведения и утрате им религиозного значения. Екатерина II в первом дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 года высказала заимствованную у Монтескье мысль о том, что «не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно». Эта идея нашла воплощение в Уставе благочиния, или полицейском уставе 1782 года. Уголовные проступки были закреплены еще в Своде законов Российской империи 1832 года, XV том которого был посвящен вопросам уголовного права.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. указывалось два понятия уголовно-наказуемого деяния – преступление и проступок. В Уголовном уложении 1903 года законодатель разграничивает преступные деяния на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки. Представленное деление проводится в зависимости от назначаемых наказаний.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года не закрепил категоризацию уголовно-наказуемых деяний, установленных в Уголовном уложении 1903 года. Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР также не содержал решения проблемы дифференциации преступлений в зависимости от их тяжести. В 1977 году была предпринята попытка законодательно закрепить уголовные проступки. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» устанавливалась возможность применения мер административной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Закрепление в уголовном законодательстве РФ категории «уголовный проступок» не является новшеством, что обусловлено историческим опытом закрепления и применения данного института уголовного права.

Для практического исследования сущности понятия «уголовный проступок» целесообразно обратиться к опыту зарубежного уголовного права. Так, в Германии в соответствии с критерием строгости наказания, преступные деяния дифференцируются на преступления и проступки. Преступлениями признают противоправные деяния, за которые предусмотрено как минимальное наказание – лишение свободы на срок не менее 1 года. Проступками являются противоправные деяния, за которые предусмотрено лишение свободы на срок менее 1 года или денежный штраф.

УК Франции закрепляет уголовно-наказуемое деяние менее опасное по своей сущности, чем проступок – уголовно-наказуемое нарушение.

УК Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. использует понятие уголовного правонарушения. В соответствии с ч.1 ст. 10 УК уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательство зарубежных стран устанавливает понятие уголовного проступка в источниках уголовного права, что говорит о целесообразности использования данного института уголовного права.

Чтобы понять, какое место занимает категория «уголовный проступок» в теории права в целом, необходимо обозначить соотношение следующих понятий: «Преступление», «Уголовный проступок», «Административный проступок». На данный момент в УК РФ и КоАП РФ существуют статьи, зачастую одинаковые в своем названии, которые содержат схожие составы преступлений и административных правонарушений. В КоАП РФ и УК РФ содержится около 100 таких «пограничных» составов, которые в зависимости от характера и степени общественной опасности могут квалифицироваться как преступления, так и административные правонарушения. Например, ст. 330 УК РФ и 19.1 КоАП РФ (самоуправство) или ст. 158–158.1 УК и ст. 7.27. КоАП (мелкое хищение). Указанные статьи, по нашему мнению, при реформировании уголовного законодательства, могут быть пере-квалифицированы в категорию уголовных проступков.

2 марта 2017 г. в Верховном Суде Российской Федерации состоялась научно-практическая конференция на тему «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования». Профессор В.П. Коняхин в своем выступлении отметил, что сегодня порядка 65% ученых поддерживает введение уголовного проступка. Одной из главных целей ввода нового института он считает то, что уголовный проступок положительно повлияет на статистику преступлений, а также защитит интересы правоприменительного свойства.

По мнению Б.Я. Гаврилова и Е.В. Роговой, необходимость введения понятия уголовный проступок обусловлено следующими факторами:

1) действующее уголовное законодательство перенасыщено уголовно-правовыми запретами. Следствием этого является то, что через механизм уголовной ответственности в 1992-2001 гг. ежегодно «проходило» более 1,5 млн. взрослого населения страны, а в 2012-2015 гг. – порядка 900 тыс.; 2) необходимость декриминализации ряда деяний, не имеющих большой общественной опасности, и общее смягчение карательной политики; 3) при закреплении категории уголовного проступка, за совершение которого не должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы, можно сократить на 5-7% число лиц, ежегодно осуждаемых к этому наказанию; 4) криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести и лиц, виновных в их совершении, свидетельствует о невысокой общественной опасности этих преступлений и виновных лиц, а также об отсутствии устойчивой антиобщественной ориентации личности; 5) в случае положительного решения вопроса излишним станет понятие деяния, в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, закрепленное в ч. 2 ст. 14 УК РФ; 6) необходимость введения уголовного проступка обусловлена негативной тенденцией снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлении. Если в 2008 г. были возбуждены 2,6 млн. уголовных дел и по 5,3 млн. сообщений о преступлениях приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, то в 2015 г. на 1,9 млн. уголовных дел пришлось уже 6,9 млн. «отказных» материалов, по которым в силу малозначительности противоправные деяния, по оценке правоприменителя, не представляли общественной опасности.

Как представляется, указанные факторы не являются абсолютно обуславливающими данные процессы. Мы считаем, что можно определить несколько вариантов реформирования уголовного законодательства:

1) введение наряду с понятием «преступление» (ст.14 УК) понятия «уголовный проступок». При этом к уголовным проступкам, по словам В.М. Лебедева, следует отнести все преступления небольшой тяжести. Однако считаем данный подход необоснованным и опасным для реализации, поскольку к уголовным проступкам могут быть отнесены соста-

вы преступлений, предусмотренные следующими статьями УК РФ – 112, 158, 159, 174, 174.1, 228, 247, 261, 290, 291;

2) предложено к уголовным проступкам также отнести неосторожные преступления и преступления небольшой тяжести. Данный подход также противоправен, так как к уголовным проступкам могут быть отнесены преступления, названные ст. ст. 109, 118, 143, 168, 247, 264, 293 УК РФ, обладающие достаточно высокой степенью общественной опасности;

3) включение в структуру Общей части УК РФ Раздела «Уголовное правонарушение», который должен содержать: 1) понятие преступления; 2) понятие уголовного проступка, 3) структурирование Особенной части УК РФ путем дифференциации на два основных раздела: уголовные проступки; преступления. При этом в структуру уголовных проступков переqualифицируется ряд составов административных правонарушений и преступлений. Данный подход нерационален и нецелесообразен, так как требует пересмотра УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ, значительного финансирования из государственного бюджета, переqualификации сотрудников правоприменительных органов и правосудия. Кроме того, стоит вопрос об осуществлении необоснованной либерализации уголовного законодательства (указанные выше статьи) и усиления ответственности за нарушение административно-деликтного законодательства (уголовная ответственность физических лиц за незначительные правонарушения, уголовная ответственность юридических лиц);

4) на данном этапе необходимо провести исследование мнения общественности путем проведения конференций, электронного анкетирования. Изучить путем проведения конференций и слушаний в высших органах власти: понятие уголовного проступка, необходимость его введения в УК РФ, способы осуществления данного преобразования.

Так, выступая на IX Всероссийском съезде судей, В.В. Путин обратил внимание присутствующих на следующее. «Наше правовое поле меняется очень быстро, слишком быстро, и порой несистемно, что создает немало угроз процессам правоприменения», – сказал глава государства. «Стабильность и предсказуемость закона – общая для всех цель, гарантия качества национальной юрисдикции. Это чрезвычайно важная вещь, о которой мы всегда должны помнить» – особо подчеркнул Президент РФ.

При всей заманчивости предлагаемой новеллы уголовно-правовой доктрины, на данном этапе развития нашего государства такой огромный шаг в реформировании уголовного законодательства, нецелесообразен и практически не осуществим. Считаем, что реформирование российского уголовного права в данной области целесообразно только после проведения ряда мероприятий по изучению категории «уголовного проступка», определению необходимых организационных средств и методов осуществления и использования данного правового института в уголовном законодательстве РФ.

Литература:

1. Интервью Председателя Верховного суда РФ по вопросу «почему уголовное законодательство России нуждается в декриминализации» // Российская газета. 2017. №212 (7080) // www.rg.ru.

3. Логецкий А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX - начала XX веков: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М, 2003.

4. Российское законодательство X-XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1988.

5. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002.

6. Там же.

7. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2-5.

8. Защитить закон и гражданина // Российская газета. 2017. № 277 (7145). <http://www.rg.ru/>

П. Ю. ШТАЕР
студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

P. Yu. SHTAER
student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION

Аннотация. Изучен принцип справедливости в уголовном праве Российской Федерации, его применение на практике. Рассмотрены актуальные проблемы осуществления справедливости в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: принцип справедливости, уголовное право, преступление, Российская Федерация, справедливость.

Annotation. The principle of justice in the criminal law of the Russian Federation, its application in practice is studied. The actual problems of the implementation of justice in criminal proceedings are considered.

Keywords: The principle of justice, criminal law, crime, the Russian Federation, justice.

Анализ, изучение и объективная оценка принципов современного уголовного права России сегодня имеет большое значение для общества. Ведь знать основополагающие идеи и начала законов своего государства не просто надобность, а необходимость для каждого гражданина! От этого зависит и правовая культура общества, и правильное понимание закона, и результативность его исполнения, что придает особую актуальность данной теме.

Уголовное право России базируется на принципах равенства граждан перед законом, вины, законности, справедливости и гуманизма, которые вытекают из социально-экономической природы общества нашей страны, его особенностей и ценностей культуры, исторического развития, политических и правовых взглядов, а так же положений Конституции Российской Федерации [3]. Воплотившись в нормах действующего уголовного законодательства, эти принципы устанавливают его характер, содержание в целом, определяют институты, нормы и практику его применения. Принципы выполняют функцию регуляторов, цель которых – обеспечить целесообразное и одновременно разумное, рациональное решение уголовно-правовых задач, с достижением максимального, наивысшего эффекта.

Понятие «справедливость» – это одна из главных и основополагающих нравственных категорий, включающая в себя иные нравственные категории, такие как законность, правосудие, истинность. Поэтому в уголовном праве данное понятие неразрывно связано с процессуальной справедливостью. Слово «справедливость» в словаре В.И. Даля определяется как правда, правосудие, а «справедливый» как правильный, сделанный законно, по правде и по совести [6]. С.И. Ожегов дает следующую трактовку слова «справедливый»: действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляющий на законных и честных основаниях, истинный, правильны [7]. Заметим очевидное соответствие в этом

аспекте. Древнейшие мыслители, такие как Сократ, Цицерон, Аристотель, также соотносили понятие справедливости с правосудием и истиной.

Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 6 закрепляет принцип справедливости. Выражается он в следующем: Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. То есть наказание и меры государственного принуждения, применяемые к лицу, которое совершило преступление, должны быть справедливыми, а именно соответствовать степени опасности для общества и характеру правонарушения.

В теории и на бумаге все предельно ясно и обоснованно, но практика доказывает, что уголовное законодательство сталкивается с рядом проблем и является далеко несовершенным. Во-первых, явной несправедливостью может считаться привлечение к уголовной ответственности невиновного или привлечение к ней виновного. Во-вторых, несправедлива чрезмерно строгая санкция к лицу, совершившему преступление небольшой тяжести или необоснованно мягкая мера, применяемая к лицу, виновному в совершении более тяжкого преступления. Обосновывается это отсутствием специализированных механизмов и инструментов измерения степени и характера общественной опасности преступления, личности преступника. Не существует четких, закрепленных правом критериев справедливости, а скорее существуют те, которые базируются на неписаных нормах морали, нравственных принципах и других подобных социальных регуляторах, а также на субъективных оценках и мнениях конкретных должностных лиц. Отметим, что данный факт свидетельствует и том, что уголовный закон не обеспечивает в полной мере безопасность человека, что противоречит части 1 статьи 7 Уголовного кодекса Российской Федерации, подтверждает это портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации – Краснодарский край занимает третье место в стране по количеству преступлений за 2016 год – 71509. Россия занимает пятое место в мире по количеству убийств – 14574 [10].

Применять уголовно-правовые меры воздействия необходимо, исходя из того, что чрезмерно суровая или чрезмерно мягкая мера ответственности будет являться несправедливой как по отношению к виновному, так и обществу в целом. Принцип справедливости имеем тесную взаимосвязь с понятием достаточности, когда лицо получает за совершенное правонарушение то наказание, которое заслуживает.

Подчеркнем, что право каждого человека на справедливость и публичность судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом закреплено на международном уровне [1]. Однако Конституция Российской Федерации не закрепляет данное право. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации такое положение относится только к приговору (ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 297, ст. 383).

Конституционный Суд Российской Федерации 8 декабря 2003 года постановил, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Следовательно, приговор будет считаться справедливым, если он убедит всех участников судебного процесса в верности и правильности вынесенного решения судом. А произойдет это только тогда, когда будут всецело проанализированы все доказательства, когда все обстоятельства дела исследуются всесторонне и объективно. Но в российском законодательстве нет принципа всесторонности и объективности, который смог бы обеспечивать справедливость и приговора, и всего уголовного судопроизводства.

Вольтер писал: «Несправедливые законы не должны исполняться» [8]. Становится очевидным, что чем справедливее законы, тем качественнее они применяются и исполняются. Поскольку юрист является олицетворением закона и правопорядка, он в первую очередь должен быть справедлив. Отсюда рождается и преумножается доверие граждан к правоохранительным органам их решениям. Подчеркнем, что справедливость должна распространяться на все право, не только уголовное. Понятие правового принципа справедливости дал советский и российский юрист, автор исследований по уголовному процессу, доктор юридических наук, профессор, В.П. Нажимов: «Это общее правовое требование разрешать вопросы дела в полном соответствии с объективной истиной, законом, правосознанием и собственной совестью, мотивируя принятые решения ясными и бесспорными доводами и установленными по делу фактами» [9].

Процессуальная справедливость включает в себя понятие разумных сроков уголовного судопроизводства, охватывающее все его стадии [5]. Данная гарантия закреплена Европейским Судом по правам человека, который относит ее к обязанности государства организовать судопроизводство таким образом, чтобы оно было закончено в разумные сроки.

Подводя итог, подчеркнем следующее: все закрепленные принципы уголовного права являются условиями его справедливости. Совокупность таких факторов как беспристрастный суд, разумные сроки судопроизводства, всесторонность, полнота и объективность исследования всех обстоятельств дела укрепляет принцип справедливости, который необходим в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Жан Жак Руссо писал: «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества». Русский народ всегда опирался на справедливость, чтит ее и защищал, поэтому так необходимо существование общеправового принципа справедливости сегодня.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.); Международный Пакт от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах»; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изм. от 13.05.2004 г.) вместе с протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 03.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 03.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепринятых принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2001. С. 736.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989 г. С. 800.

8. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956. С. 340.

9. Нажимов В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1989. С. 3-12.

10. Источник данных: УНП ООН (UNODC) // Управление ООН по наркотикам и преступности является ведущим международным агентством, работающим в области контроля над наркотиками и предупреждения преступности.

А. И. ЮЖАКОВ
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)
A. I. YUZHAKOV
master of Law Faculty
FGBOU VO "Kuban State University"
(Russia)

ПОДАРОК ИЛИ ВЗЯТКА: КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ

GIFT OR BRIBE: CRITERIA FOR LIMITATION

Аннотация. В статье рассматривается проблема отграничения взятки от обычного подарка через призму соотношения положений гражданского и уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: взятка, получение взятки, подарок, должностное лицо, коррупция, разграничение понятий.

Annotation. The article deals with the problem of bribe delimitation from an ordinary gift through the prism of the correlation between the provisions of civil and criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: bribe, bribe taking, gift, official, corruption, delimitation of concepts.

Согласно Конституции РФ, единственным источником власти является народ. Однако коррупция меняет эту ситуацию в точности до наоборот: использование власти и должностных полномочий происходит в личных интересах отдельных лиц, а не всего общества. Таким образом, власть постепенно теряет свое истинное предназначение. Она перестает служить гражданам и представляет опасность для их прав и свобод.

Необходимость в единой антикоррупционной политике определяет выработку и развитие единой международно-правовой базы в сфере борьбы с коррупцией. В рамках ООН проблема коррупции обсуждалась неоднократно. Результатом этого стало принятие в 90-е годы Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с коррупцией», Международного кодекса поведения должностных лиц (1996 г.), Декларации ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях (1996 г.). Не осталась без внимания проблема борьбы с коррупцией и на уровне региональных международных организаций. Так, например, Совет Европы, принял в 1998 г. Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию [1]. Эти документы содержат в себе различные предписания, направленные на предупреждение и пресечение коррупции, однако их нормативный и организационный потенциал используется сегодня далеко не в полном объеме. Тем не менее, процесс реализации международных инициатив и унификации национального законодательства об ответственности за коррупцию проходит трудно, декларативных норм на международном уровне пока больше, чем реальных действий. Основная борьба с коррупцией разворачивается на национальном уровне, с учетом специфики государства и правовой системы.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе» в ст. 17 установил запрет служащим получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ [2]. Гражданский кодекс, в свою очередь,

запрещает дарение должностным лицам, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей (ст. 575 ГК РФ).

При этом подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью или собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы. Такой подарок гражданский служащий может выкупить, в установленном законом порядке. Аналогичный порядок предусмотрен и для подарков муниципальным служащим.

УК РФ не исключил возможность признания взяточничеством случаев получения денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, переданных как подарок, благодарность должностному лицу за уже им содеянное или в связи с исполнением им служебных обязанностей. Не оговорен в УК и минимальный размер взятки [3].

Такая ситуация породила споры в уголовно-правовой доктрине. Многие известные ученые, в частности, С.Г. Келина, В.Б. Боровиков, У.А. Усманов, считают, что указанная в ГК сумма представляет собой ту границу, которая разделяет подарок и взятку [4]. В.Д. Пристанков также разделяет эту позицию [5]. А.М. Эрделевский утверждает, что ст. 575 ГК РФ частично декриминализировала ст. 290 и 291 УК РФ [6]. Большинство ученых сошлись на том, что имеет место межотраслевая коллизия между Уголовным и Гражданским кодексом [7].

Однако с этими суждениями сложно согласиться. Как справедливо отмечает М.В. Феоктистов, гражданское законодательство не имеет своей целью поощрение или стимулирование незаконной деятельности [8]. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо выяснить, регулируют ли ст. 575 ГК РФ и ст. 290 УК одни и те же общественные отношения и какая из этих норм имеет приоритет перед другой?

Уголовное законодательство является отраслью публичного права, тогда как гражданское право регулирует частно-правовые отношения. Согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном и ином властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется. В свою очередь статья 575 ГК призвана регулировать отношения, которые складываются в гражданско-правовой сфере. Уголовное законодательство же, в соответствии со ст. 1 УК РФ, определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями. Поэтому говорить о наличии какой-либо коллизии между Гражданским и Уголовным кодексом было бы неправильно, так как гражданское законодательство не вмешивается в регулирование отношений, складывающихся в уголовно-правовой сфере.

Основополагающим свойством, которое отличает дарение в гражданско-правовой сфере от получения взятки в публично-правовых отношениях, является безвозмездность. Даритель не вправе ожидать какого-либо встречного предоставления от должностного лица. При наличии какого-либо встречного обязательства от должностного лица сделка является притворной, ничтожной. Как отмечает Н.А. Лопашенко, взяточничество как коррупционное преступление является по сути сделкой, в нем наиболее очевиден возмездный обмен благами, выгодами, преимуществами. В большинстве случаев этот обмен обусловлен между сторонами сделки заранее, причем не имеет значения до или после совершения взяткополучателем обещанных действий, и встречный характер передачи вещи, встречное обязательство, исключающее договор дарения, выражены вполне отчетливо [9].

Поэтому можно с уверенностью сказать, что взятка, независимо от того, какого она размера, не является подарком. Взятка, в отличие от дарения, предполагает соответствующее встречное предоставление, которое указано в ст. 290 УК РФ: за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия

(бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе. В ст. 575 ГК РФ говорится о подарках, хоть и в связи с должностным положением, но дарение которых происходит без встречного предоставления от должностного лица. Следовательно, ст. 290 УК РФ и ст. 575 ГК РФ регулируют различные общественные отношения, а подарок и взятка не пересекаются, независимо от стоимости первого и размера второй.

Подтверждается это и появлением в УК РФ ст. 291² «Мелкое взяточничество», которая устанавливает ответственность за получение или дачу взятки, лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. Появление данной статьи позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от размера взятки. При этом в ней отсутствует минимальный размер взятки, что подтверждает тезис о том, что минимального размера для взятки не существует и связывать его с дарением, не превышающим трех тысяч рублей в гражданско-правовой сфере в корне неверно.

Различны и мотивы, которыми руководствуется лицо при даче подарка с одной стороны и взятки с другой. Вручая подарок, лицо действует бескорыстно, желает выразить свою искреннюю благодарность. Невозможно не согласиться с позицией П.С. Яни, который утверждает, что расценить действия как обычный подарок можно, только если вознаграждение (или соглашение о нем) не имело характера подкупа, не обуславливало соответствующее, в том числе правомерное, поведение должностного лица и если вознаграждение не передавалось лицу за незаконные действия [10].

Передавая взятку, лицо пытается склонить служащего к нарушению предписаний законодательства, регулирующего его деятельность. Факт принятия предмета взятки говорит о склонении должностного лица на сторону гражданина и нарушении юридической связи должностного лица с публичной властью. При этом частное лицо осознает противоправный характер своих действий, поэтому такой акт дарения нельзя признавать договором дарения, о котором говорится в ГК РФ, так как такая сделка противоречит основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Именно поэтому преступная купля-продажа публичных полномочий власти и позволяет отнести получение взятки к деяниям, которые обладают высокой общественной опасностью и представляют серьезную угрозу для общества и государства.

Поэтому следует согласиться с Б.В. Волженкиным, который считает, что обычный подарок, не влекущий никакой ответственности как для должностного лица, его принявшего, так и для вручившего подарок лица, отличается от взятки не только относительно небольшим размером. Независимо от размера получение должностным лицом и передачу ему незаконного вознаграждения в связи с должностным положением или в связи с исполнением служебных обязанностей нужно расценивать как взяточничество в следующих случаях: 1) если имело место вымогательство этого вознаграждения; 2) если вознаграждение (или соглашение о нем) имело характер подкупа, обуславливало соответствующее, в том числе правомерное, служебное поведение должностного лица; 3) если вознаграждение передавалось должностному лицу за незаконные действия (бездействие) [11].

В том случае, когда лицо вручает подарок, оно лишь только пытается оказать воздействие на соответствующее поведение должностного лица, например, ускорить рассмотрение им какого-либо вопроса, рассчитывая на такой эффект. В этом случае отношения между ними выстраиваются только на моральных обязательствах, нарушение которых правовые последствия не порождает.

Для того, чтобы обычный подарок не вызывал сомнений, необходимо чтобы он передавался после совершения действий по службе и без предварительной договоренности. При этом необходимо исключить такие случаи, при которых характер взаимоотношений

служащего и граждан предполагает преподнесение подарков должностному лицу за его действия по службе как традиция или норма поведения, несмотря на отсутствие предварительной договоренности о подарке. В каждом подобном случае необходимо выяснять факт наличия или отсутствия такого рода взаимоотношений. Таким способом можно исключить возможность необоснованного вознаграждения и формирования в сознании граждан представления о том, что даже за совершение должностным лицом законных действий необходимо стимулировать его поведение. Необходимость преодоления гражданами бюрократических барьеров путем преподнесения подарков демонстрирует общественную опасность и такое поведение представителей власти недопустимо. Принимая подарок, одаряемый должен сам, опираясь на свои нравственные, этические убеждения и принципы, понимать, может он принять это в дар или нет. Жизнь гораздо богаче нормативных установлений и разъяснений [12].

Подводя итог, следует сказать, что основным отличием подарка от взятки является его безвозмездность: передавая подарок, даритель ничего не просит взамен. Взятка же дается за конкретное действие (бездействие) или за общее покровительство или попустительство по службе. В том случае, если должностное лицо, не рассчитывая на вознаграждение, совершает действие (бездействие) по службе, а уже затем получает от гражданина за это заранее не обещанный подарок, состава получения взятки быть не может, должностное лицо будет нести ответственность за дисциплинарный проступок, если полученное им вознаграждение составляет более трех тысяч рублей. Таким образом, установленный в ГК запрет дарения должностным лицам подарков стоимостью более трех тысяч рублей является границей между правомерным поведением и дисциплинарным проступком, но не получением взятки, минимальный размер которой законом не установлен.

Литература:

1. Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79 ФЗ (действующая редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Волженкин Б.В. Обычный подарок или взятка? // Законность. 1997. № 4. С. 22.
4. Пристанков В.Д. Особенности допроса заявителя по делам о взяточничестве. СПб., 2002. С. 10.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1996. С. 701.
6. Эрделевский А.М. Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 12.
7. Бахрах Д.Н., Новоселова Н.В. Подарок или взятка? Коллизия российских законов // Организованная преступность и коррупция. 2000. № 1. С. 97.
8. Феоктистов М.В. Теоретические и практические проблемы взяточничества и коммерческого подкупа // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. Краснодар, 2000. С. 206.
9. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 37.
10. Яни П.С. Корысть как признак получения взятки // Законность. 2010. № 3. С. 43.
11. Волженкин Б.В. Обычный подарок или взятка? // Законность. 1997. № 4. С. 27.
12. Вязгина А.Я. Обычный подарок или взятка // Советник юриста. 2010. № 12. С. 25.

IV Раздел:
«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

И. В. АНАНЕНКО

*доцент кафедры уголовного права и процесса
Кубанского института социэкономки и права (филиал)
ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений»
кандидат юридических наук
(Россия)*

I. V. ANANENKO

*Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Kuban Institute of Socio-Economics and Law (branch)
OUP IN "Academy of Labor and Social Relations"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

**ЯДЕРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**NUCLEAR WEAPONS - POLITICAL FACTOR OF INTERNATIONAL
RELATIONS**

Аннотация. В статье идет речь о вызовах и угрозах, возникающих в рамках ядерной опасности нового тысячелетия. Анализируется наличие ядерных арсеналов в России и за рубежом. Рассматривается роль ядерного вооружения в политике международных отношений.

Ключевые слова: «Ядерная эра», ядерное вооружение, ядерный потенциал, военное превосходство, ядерная программа.

Annotation. The article deals with the challenges and threats arising from the nuclear danger of the new Millennium. Examines the presence of nuclear arsenals in Russia and abroad. Examines the role of nuclear weapons in the politics of international relations.

Keywords: "Nuclear era", nuclear weapons, nuclear capability, military superiority, its nuclear program.

16 июля 1945 года считается началом «ядерной эры» человечества. Тогда на полигоне Уайт Сэндз в пустыне неподалёку от города Аламогордо в штате Нью-Мексико в рамках Манхэттенского проекта было проведено первое успешное испытание взрывного ядерного устройства, получившего название «Штучка». Мощность ядерного взрыва в тротиловом эквиваленте составила около 21 кт. [1]. Это испытание открыло дорогу для боевого применения энергии атомного распада.

В августе 1945 года в распоряжении американских военных имелось две готовых к применению ядерных бомбы.

Первая, урановая, получившая название «Малыш», «пушечного типа», массой около 4000 кг и длиной 3000 мм, содержала в себе 64 кг высокообогащённого U-235. 6 августа 1945 года бомба была сброшена на японский город Хиросима. Вторая американская атомная бомба «Толстяк», практически уничтожившая 9 августа 1945 года портовый японский город Нагасаки, была плутониевая — имплозивного типа.

В результате бомбардировки погибло около 80 тыс. человек, ещё около 60 тыс. человек умерло до конца года. На площади около 84 км² было разрушено и повреждено приблизительно 19500 зданий.

Эффект применения ядерных бомб против японских городов, значительная часть которых была застроена деревянными строениями, оказался даже выше ожидаемого, и после капитуляции Японии американское руководство стало рассматривать ядерное оружие как элемент давления на Советский Союз. Если в 1947 году Соединённые Штаты располагали 32 ядерными бомбами, подготовка к применению которых требовала значительного времени, то уже через пять лет в 1952 году в США имелось 1005 ядерных зарядов. Ещё через пять лет количество зарядов увеличилось более чем в шесть раз [1].

В 50-60-е годы в США произошло насыщение ядерным оружием всех родов войск. Ядерными боеголовками оснащались зенитные и авиационные ракеты истребителей-перехватчиков, торпеды и глубинные бомбы [3].

Тогда же на вооружение американских частей в Европе поступили ядерные артиллерийские, «ядерные» безоткатные орудия «Девы Крокет». Для частей «специальных операций» были созданы переносные ядерные фугасы в виде ранцев.

Попытки США добиться подавляющего военного превосходства над СССР едва не привели к глобальной ядерной катастрофе. В 1960 году количество имеющихся у американцев ядерных зарядов в несколько раз превосходило советский ядерный потенциал. На тот момент в США было развёрнуто около 6000 ядерных боевых частей, в СССР на стратегических носителях их было около 300.

В конце 60-х в вооруженных силах США имелось около 32000 ядерных зарядов, в дальнейшем их количество стало постепенно сокращаться. Отчасти это произошло из-за ряда инцидентов, связанных с утерей ядерных бомб.

В конце 60-х в США началось постепенное снижение количества ядерных зарядов. По состоянию на 1990 год на носителях и базах хранения у американцев имелось около 22000 боезарядов. Благодаря заключённым с Россией договорам СНВ-I, СНВ-II, СНВ-III, количество боеголовок по состоянию на 1 марта 2014 года было сокращено до 1585 единиц. Эти боезаряды развёрнуты на 778 межконтинентальных баллистических ракетах, баллистических ракетах подводных лодок и дальних бомбардировщиках. В США ещё имеется около 150 неразвёрнутых носителей. Согласно договору СНВ-3, к февралю 2018 года количество развёрнутых ядерных боезарядов не должно превышать 1550 единиц, а количество стратегических носителей — 800 единиц, из которых «оперативно-развёрнутых» должно быть не более 700 носителей.

Кроме стратегического ядерного оружия, в распоряжении военных США имеется также тактическое ядерное оружие. Официальные данные по нему никогда не публиковались, но согласно экспертным оценкам США имеет около 500 тактических зарядов. Часть из них находится на складах на территории США отдельно от носителей. В это число входит примерно 100 боеголовок для крылатых ракет морского базирования.

Несмотря на то, что ядерные испытания в США прекращены в 1992 году, а стратегические и тактические арсеналы подверглись сокращению, совершенствование существующих и создание новых видов ядерного оружия продолжается. Недавно стало известно, что в 2018 году планируется завершить цикл испытаний и принять на вооружение новую термоядерную бомбу B61-12 [4]. Эта авиационная бомба оснащена комбинированной инерциальной и спутниковой системой навигации и исполнительными управляющими аэродинамическими поверхностями, с помощью которых точность попадания бомбы увеличивается в несколько раз. Это, а также регулируемая мощность взрыва, должны снизить возможный побочный ущерб для своих войск.

В арсеналах США и России находится примерно 90% всех мировых запасов ядерного оружия [5]. В вооруженных силах России по состоянию на начало 2015 года имелось примерно 1800 развёрнутых зарядов. Около 700 стратегических боезарядов находятся в хранилищах отдельно от носителей.

Несмотря на сокращение числа ядерных боезарядов в России, США, Франции и Великобритании вооруженные силы государств, где ядерное оружие имеется, регулярно проводят тренировки, и учения, на которых отрабатывается подготовка к применению ядерного оружия и защита от него. В развитых странах, где ядерного оружия нет, готовят свою армию к действиям в условиях ядерной войны. Несмотря на декларируемое прекращение «холодной войны» и мораторий на ядерные испытания, совершенствование и создание новых видов ядерного оружия не прекратилось. Это связано с тем, что военное и политическое руководство ядерных государств по-прежнему рассматривает возможные сценарии ядерной войны.

Ныне в мире насчитывается 26 854 ядерных зарядов, однако в состоянии боеготовности находятся примерно 12,5 тыс. из них. Остальные находятся в хранилищах. Для сравнения - в 1986 году мировой ядерный арсенал составлял 70 481 зарядов. Окончание холодной войны стало началом процесса сокращения ядерных вооружений.

По официальным данным, США располагают свыше 7 тыс. стратегическими ядерными боеголовками. Учитывая около 1670 тактических боеголовок и запасы, ядерные арсеналы насчитывают около 10 тысяч единиц.

Следует отметить, что в России в настоящее время развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности [6]. Арсенал стратегических ядерных боеголовок достигает почти 20 тыс. Так же, как и США, она держит около 2 тысяч боеголовок в состоянии повышенной боевой готовности.

Франция имеет около 350 ядерных боеголовок на 60 бомбардировщиках Mirage 2000 N, четырех атомных подводных лодках, вооруженных баллистическими ракетами, и самолетах корабельного базирования.

Ядерный арсенал Великобритании состоит примерно из 200 стратегических и «полустратегических» боеголовок, развернутых на атомных подводных лодках, вооруженных баллистическими ракетами.

Китай, по разным оценкам, имеет от 140 до 290 стратегических и от 120 до 150 нестратегических ядерных боеголовок.

Пакистан утверждает, что его «минимальное ядерное сдерживание» включает в себя баллистические ракеты, способные наносить удары по центральным районам Индии. По оценкам аналитиков, пакистанский арсенал в настоящее время вырос до 48 боеголовок.

Индия располагает запасом в 55-110 бомб. Но многие эксперты склоняются к нижней оценочной границе.

Израиль официально не признает, что располагает ядерными бомбами. По оценкам аналитиков, в его арсенале насчитывается от 100 до 200 единиц.

31 декабря 2002 года Северная Корея выслала из страны инспекторов ООН, а затем вышла из договора о нераспространении. Некоторые эксперты подозревают, что у КНДР есть как минимум одна атомная бомба вопреки тому, что по соглашению 1994 года она заморозила свою ядерную программу. Пхеньян уже заявлял, что имеет «средства ядерного сдерживания» и готов их применить [7].

Много лет в мире господствовало убеждение: если Москва и Вашингтон сократят ядерные арсеналы до тысячи боеголовок с каждой стороны, другие государства будут вынуждены присоединиться к ограничениям ядерных вооружений [8]. Полагая, что после того как США «взяли паузу» в отношениях с Россией, о планируемом сокращении количества ядерных боеголовок до тысячи с каждой стороны, скорее всего, можно забыть.

За годы, отделяющие нас от того дня, когда была взорвана первая атомная бомба, история ее создания успела обрасти легендами. Об этом событии были написаны десятки книг, правдивых и ничего общего с исторической правдой не имеющих. Но Потсдамская конференция, это факт, стала первой конференцией Высшего уровня, на которой, фактически, состоялся дебют ядерных вооружений в качестве политического фактора международных отношений.

Литература:

1. Военное обозрение. Ядерная эра. Ч.1. [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 01.03.2017 г.).
2. Военное обозрение. Ядерная эра. Ч.2. [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 01.03.2017 г.).
3. Белозеров А. США провели в Неваде испытание обновленной атомной бомбы B61-12. [Электронный ресурс] // URL: <http://militaryarms.ru/novosti/ssha-proveli-v-nevade-ispytanie-modernizirovannoj-atomnoj-bomby-b61-12> (дата обращения: 01.03.2017 г.).
4. По материалам: [Электронный ресурс] // URL: <http://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>; URL: <http://www.bellona.ru>; URL: <http://warspot.ru>; URL: <http://www.nationaldefense.ru>; URL: <http://zver-v.livejournal.com/133575.html> (дата обращения: 01.03.2017 г.).
5. Мартынова Т.В. Вопросы межнациональной безопасности в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: правовой и правоприменительный аспект» (28 мая 2012 г.). Краснодар: КСЭИ, 2012.
6. URL: <http://www.newsru.com/world> (дата обращения: 01.03.2017 г.).
7. Конец ядерной эры. [Электронный ресурс] // URL: <http://maxpark.com/community/politic/content> (дата обращения: 01.03.2017 г.).

Л. И. БАБКОВА

*старший преподаватель кафедры
общетеоретических и государственно-правовых дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Я. В. БАЦУН

*студентка юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

L. I. BABKOV

*senior lecturer of the department
General theoretical and state-legal disciplines
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

Ia. V. BATSON

*Student of the Faculty of Law
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

«ЗАКОН ДИМЫ ЯКОВЛЕВА»: ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ И ПРАВОВАЯ СУДЬБА СЕГОДНЯ

"THE LAW OF DIMA YAKOVLEV": THE HISTORY OF THE FOUNDATION AND THE LEGAL FATE OF TODAY

Аннотация. В данной статье рассматриваются история основания и содержание отдельных положений Федерального закона № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», а также дается правовая оценка его возможной отмены и ее последствий.

Ключевые слова: усыновление, дети-сироты, приемные родители, опека, преступление.

Annotation. This article discusses the history of the founding and the contents of individual provisions of Federal law No. 272-FZ, "On measures of influence on persons involved in violations of fundamental rights and freedoms of the person, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation" and also provides a legal assessment of its possible abolition and its consequences.

Keywords: adoption, orphans, foster parents, guardianship, crime.

Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [4] вступил в силу 1 января 2013 г. Не так уж много правовых актов федерального значения, которые известны практически всем. Это творение российского парламента стало знаменитым задолго до его принятия. Данный правовой акт получил название «Закон Димы Яковлева» и вызвал бурное обсуждение в обществе, по сути стал одной из причин обострения отношений между Россией и США. Такое название Закону предложил дать Вячеслав Никонов – первый заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам и член фракции «Единая Россия» – в память умершего 8 июля 2008 в США из-за халатности своих приемных родителей российского сироты Димы Яко-

влева. В различных источниках этот Закон также называют «детским», «антидетским», «антисиротским законом», «законом Царя Ирода», «законом подлецов», а также «людоедским законом» [7].

Одновременно с принятием указанного федерального закона Путин В.В. подписал и указ, упрощающий процедуру усыновления детей-сирот для российских семей.

К концу 90-х гг. сироты из России составляли 1/10 часть от всех усыновленных или удочеренных детей гражданами Америки. Впервые такую возможность американские граждане получили в 1991 г., и с тех пор на протяжении 12 лет они успели перевезти в Новый Свет более полусотни тысяч беспризорников.

Далеко не для всех усыновленных детей-сирот судьба в развитой стране оказалась счастливой. В течение всех 90-х и 2000-х в выпусках новостей рассказывалось о гибели русскоязычных малышей от рук жестоких приемных родителей. Среди наиболее громких и известных случаев гибели детей-сирот, усыновленных иностранными гражданами, можно назвать:

- погибшие от рук отчима Толик и Яна Коленда, который убил всю свою семью, а потом застрелил сам себя;

- Виктор Тулимов, которого убили и отец, и мать;

- убитая приемной матерью Виктория Баженова;

- Кирилл Казаков – принял смерть от руки постороннего человека.

Данный список не является исчерпывающим. В средствах массовой информации упоминалось о 20 малышах, однако Министерством иностранных дел неоднократно делались заявления, что таких случаев гораздо больше.

Довольно часто иностранные граждане – приемные родители, проявившее халатное и небрежное отношение в воспитании своих приемных детей, в результате которого ребенок умер, получали весьма символическое наказание.

История с Димой Яковлевым получила в России крупный общественный резонанс. Уголовное дело было возбуждено лишь спустя несколько месяцев после его гибели. Российские правительственные чиновники усердно добивались пересмотра решения американского суда, но ответ так и не последовал.

Лишь спустя четыре года после случившегося ответной мерой со стороны России на данный инцидент стало принятие Федерального закона № 272 «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». В нем содержатся положения о запрете въезда на территорию страны для граждан США, которые:

- 1) когда-либо попирали основополагающие права человека;
- 2) признаны виновными в совершении преступных деяний в отношении граждан России;
- 3) являются представителями государственной власти, которые способствовали освобождению преступников, нарушивших права россиян;
- 4) являются лицами, облеченными властными полномочиями, по инициативе которых совершалось безосновательное заключение россиян под стражу;
- 5) осуществляющих необоснованное юридическое преследование граждан Российской Федерации;
- 6) причастных к похищению и незаконному лишению свободы граждан Российской Федерации [4].

В отношении таких лиц также устанавливался запрет на распоряжение имуществом, находящимся на территории Российской Федерации, приостанавливалась деятельность на территории Российской Федерации находящихся под их контролем юридических лиц,

приостанавливались полномочия (членство) в советах директоров или иных органах управления организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации.

Первая же статья 272 закона выводит отношения России с США за рамки мирного диалога, прямо говоря о том, что помимо рядовых «лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод граждан Российской Федерации» являющихся гражданами США, на подобные нарушения направлены и действия граждан США, обладающих определенными властными полномочиями высочайшего уровня, а именно:

- наделенных государственными полномочиями и способствовавших своими действиями (бездействием) освобождению от ответственности лиц, совершивших преступления в отношении граждан Российской Федерации или причастных к их совершению;

- в чьи должностные обязанности входило принятие решений, отсутствие или наличие которых привело к освобождению от ответственности лиц, совершивших преступления в отношении граждан Российской Федерации или причастных к их совершению;

- вынесших необоснованные и несправедливые приговоры в отношении граждан Российской Федерации.

Буква закона предполагала также наказывать злоумышленников рублем путем ареста их капитала и собственности, находящихся на территории Российской Федерации, а также наложение запрета на совершение любых сделок с собственностью и инвестициями этих граждан.

Кроме того, в ст. 3 указанного Федерального закона № 272 предусматривается приостановка деятельности некоммерческих организаций, которые участвуют в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и безвозмездно получают денежные средства и иное имущество от граждан (организаций) Соединенных Штатов Америки или реализуют на территории Российской Федерации проекты, программы, либо осуществляют иную деятельность, которые представляют угрозу интересам Российской Федерации.

В силу неконкретности термина «интересы Российской Федерации», под действие данной нормы попадает в принципе любая некоммерческая организация, деятельность которой по тем или иным причинам может стать неуютной властям.

Данный Закон № 272 имеет своей целью ограничение ресурсов некоммерческих организаций, осуществляющих «политическую деятельность», однако само определение данного термина в законе не содержится. Логично, видимо, использовать дефиницию, содержащуюся в законе «О некоммерческих организациях» [5]. Таковой деятельностью признается «участие (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях».

Таким образом, существует риск закрытия любой некоммерческой организации, получающей финансирование из США и осуществляющей деятельность на территории Российской Федерации.

В четвертую статью федерального закона № 272 в качестве одной из основных мер противодействия антироссийской политике США законодатель внес запрет передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, даже если они являлись законопослушными. С принятием данного закона одновременно было прекращено действие заключенного с США соглашения по вопросам усыновления, а также введен ряд санкций в отношении некоторых граждан США.

Одной из основных причин принятия такого закона стала гибель русского ребенка-сироты Димы Яковлева 2006 года рождения. Мальчик с рождения имел поражение центральной нервной системы, которое отражалось на психическом здоровье, в связи с чем его родная мать выдала расписку о возможном усыновлении. После этого ребенка пытались взять под опеку дедушка и бабушка, но без объяснения причин им было отказано. Вместо русской семьи орган опеки предпочел передать мальчика в руки американской четы Харрисонов.

Позже расследование 2012 года показало, что подпись бабушки с отказом от ребенка была подделана, а сам процесс передачи Димы в новую семью происходил с большими нарушениями.

В июле 2008 года отец оставил приемного двухлетнего сына в салоне автомобиля на стоянке. Мальчик провел под раскаленными солнечными лучами на жаре в более 50 градусов несколько часов. Слабый детский организм не выдержал этой нагрузки, и результатом стал летальный исход. Приемный отец американским судом был оправдан.

Нормативный акт, озаглавленный именем погибшего малыша, получил гораздо большую известность, чем инцидент с его смертью. В ответ на критику положений организациями, имеющими отношение к защите прав детей, лишенных родительского попечения, выражалась уверенность в том, что детей, которых потенциально могли усыновить граждане США, быстро усыновят россияне. Однако, несмотря на все усилия правительства и законодателей, российских усыновителей не стало больше, а количество иностранных усыновителей упало в несколько раз [7].

Ещё на стадии обсуждения этого закона сформировался миф, что «благородные американцы» усыновляли исключительно больных детей. Павел Астахов опроверг данные сведения, поскольку даже по сведениям гражданских активистов лишь 10 % от устроенных в семьи в США имели инвалидность, а по данным Министерства образования РФ их доля итога меньше около 5 %.

Уже во время обсуждения законопроекта общество раскололось на два враждующих лагеря. Сторонники закона утверждали, что:

- размах преступлений в отношении русских детей-сирот в Америке принял угрожающие масштабы;
 - американские суды неоднократно вставали на сторону виновников преступления;
 - ряд государств развитого мира, в числе которых Канада и Австралия, имеют серьезные запреты на вывоз местных беспризорников за рубеж;
 - вывоз малышей в семьи развитого Запада – очень прибыльный бизнес;
 - есть запрос на подобные меры со стороны большей части российского общества;
 - зарубежное усыновление создает опасность продажи их на органы или в рабство.
- Критики не менее ожесточенно отвечали, что:
- преступления против малышей внутри страны освещаются не так широко;
 - попадая в американскую семью, сироты становятся гражданами развитой страны, получая доступ к самой развитой в мире инфраструктуре;
 - закон нарушает нормы международного права.

Несмотря на волну протеста со стороны выдающихся деятелей международных инстанций и американской власти, нормативный акт продолжает действовать. Большинство же политиков были уверены, что запрет был необходим. Если в конце 2012 года основанием введения столь значительного для детей-сирот законодательного положения власти указывали необходимость противостоять нарушению США прав граждан России, то уже с середины 2013 г. обозначилась риторика вполне соответствующая проекту Концепции государственной семейной политики [6] в России. Речь идет о «традиционных семейных ценностях России» и их защите. Так, 20 ноября 2013 года, первый замглавы думского ко-

митета по вопросам семьи, женщин и детей Ольга Баталина выразила возмущение информацией о том, что психиатры в США назвали педофилию разновидностью сексуальной ориентации. Как заявила Баталина, «американские психиатры считают, что педофилы могут осуществлять сексуальные действия с детьми с их согласия. То есть то, что в России выжигается каленым железом и считается серьезнейшим уголовным преступлением, в отношении которого мы неоднократно ужесточали меры ответственности, теперь в США будет защищаться всеми международными документами, потому что ими не допускается дискриминация по признаку сексуальной ориентации» [7].

Принятие нормы, запрещающей усыновление российских детей гражданами США, таким образом, трансформировалось из некоторого политического ответа на угрозу России и ее государственным интересам, в форму защиты детей от педофилии, насилия и иного злоупотребления родителями их правами. Кроме того, отдельной статьей Семейного кодекса РФ [3] прописано, что однополые пары, проживающие в гражданском браке, не имеют права на усыновление.

В 2016 году произошла смена детского омбудсмана. Вместо достаточно жесткого и непримиримого Павла Астахова эту должность заняла Анна Кузнецова. В одном из первых своих заявлений она допустила реформирование ФЗ № 272, заявив, что за прошедшие годы накопилось большое количество критических замечаний к нему, а после победы на президентских выборах кандидата от республиканцев Дональда Трампа вроде бы наметилась оттепель в российско-американских отношениях.

Однако Министерство иностранных дел Российской Федерации не поддержало инициативу новоявленного чиновника. Как пояснил представитель ведомства Константин Долгов, во власти имеется единая позиция по этому поводу и менять ее пока не намерены. Особо подчеркнул, что в случае если американская сторона сделает первый шаг на пути нормализации отношений, возможна перемена ситуации.

Сегодня неоднократно поднимается вопрос об отмене «Закона Димы Яковлева». Приводятся различные условия, при которых такая отмена допустима, например, если США будут постоянно предоставлять сведения о детях, усыновленных американскими гражданами. Как заявила Анна Кузнецова, уполномоченный при Президенте России по правам ребенка: «Все запросы, которые мы направляем американской стороне (было сделано более тысячи запросов), они в большинстве случаев остаются без ответа вообще. То есть совершенно игнорируются. Первой задачей будет выяснить, что с нашими детьми, которые уже там. Вот если там все хорошо, то тогда можно задавать себе вопрос, что будет дальше с законом, или не законом, или механизмом...» [8].

Россия является одним из лидеров по количеству детей-сирот. Сегодня в детских домах все еще находится довольно много сирот. Но за счет усыновления таких деток их количество из года в год сокращается, в том числе и за счет усыновления иностранцами. В большинстве европейских стран усыновление за границу разрешено, и сироты находят вторую семью, в частности, и в США. Более того, усыновление сирот родителями-нерезидентами разрешено и в США. Для защиты прав детей, усыновляемых за границу, существует так называемая Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [1] – Россия, в отличие от США, эту конвенцию не ратифицировала.

Литература:

1. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 года) // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с попр.) // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 28.03.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

4. Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «Гарант», 2017.

5. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 19.12.2016 г.) «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

6. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

7. Кравчук Н. Закон Димы Яковлева: год спустя // ИПП Гарант.ру, 24 января 2014.

8. Детский омбудсмен: Закон Димы Яковлева может быть отменен // <http://www.vesti.ru>.

Г. И. ГАПОНОВА

*доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат педагогических наук
(Россия)*

G. I. GAPONOVA

*Associate Professor of the Department
of Socio-Humanitarian and Natural Science Disciplines
ANOVO "Kuban Social and Economic Institute"
candidate of pedagogical sciences
(Russia)*

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ПОДРОСТКОВОЙ АГРЕССИВНОСТИ И СКЛОННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ

THE ROLE OF PERSONAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF ADOLESCENCY AGGRESSION AND THE INSOLVENCY OF MINORS TO SELENCION

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ литературных источников о характеристике тех личностных факторов, которые не только предрасполагают подростка к агрессии, но и создают высокую вероятность вовлечения его в делинквентное поведение. Обращается внимание и на то обстоятельство, что одно и то же поведение может рассматриваться индивидами и как агрессивное, и как нормальное поведение, в зависимости от той системы ценностей и норм, которые сформировались у данного подростка.

Ключевые слова: агрессивность, делинквентность, личностные качества, деструктивные изменения, социализация, подросток.

Annotation. the paper presents a theoretical analysis of the literature about the characteristics of those personality factors that not only predispose an adolescent to aggression, but also create a high probability of its involvement in delinquent behavior. Attention is drawn to the fact that the same behavior may be considered by individuals and as aggressive as a normal behavior, depending on the system of values and norms that have developed in this teenager.

Keywords: aggression, delinquency, personality, destructive changes, socialization, teenager.

Перечень личностных черт, детерминирующих возникновение, интенсивность и направленность агрессии очень разнообразен, поэтому в данной статье мы не ставили перед собой задачи дать подробный анализ существующих личностных детерминант агрессии, а стремились рассмотреть некоторые из них, – те, которые представляют для нас особый интерес. В соответствии с избранной темой исследования мы сосредоточимся на характеристике тех личностных факторов, которые не просто предрасполагают человека к агрессии, но и создают высокую вероятность вовлечения его в делинквентное поведение.

Социализирующими детерминантами агрессии могут являться некоторые устойчивые характеристики потенциальных агрессоров – те личностные черты, индивидуальные установки и склонности, которые остаются неизменными вне зависимости от ситуации. В качестве стимулирующих агрессивное поведение психологических характеристик у «нормальных», то есть не страдающих патологией личностей, обычно рассматриваются такие личностные черты, как повышенная экстравертированность; тревога или боязнь обще-

ственного неодобрения; выраженный нейротизм; психотизм; раздражительность, тенденция усматривать враждебность в чужих действиях (предвзятость атрибуций враждебности); убежденность индивидуума в том, что он в любой ситуации является хозяином своей судьбы (локус контроль); модель поведения типа «А» и склонность испытывать чувство стыда, а не вины в большинстве жизненных ситуаций; авторитаризм; полезависимость–полнезависимость; враждебность или сама агрессия [4, 6].

Рассмотрим экстраверсию. Известный английский персонолог Г. Айзенк в ранний период своей работы считал, что криминальное поведение связано с психической тугоподвижностью, в основе которого лежит экстраверсия. Было показано, что респонденты с высокими оценками экстраверсии испытывают «сенсорный голод» и их поведение ориентировано на поиск новых и острых ощущений. У экстравертов обнаружена тенденция к низкой возбудимости, поэтому они ищут новые и рискованные виды деятельности. У интровертов, наоборот, имеется тенденция к повышенной возбудимости, поэтому они избегают слишком многочисленных социальных контактов или новых стимулов.

О тревоге или боязни общественного неодобрения Многие исследования подтверждают тот факт, что тревога – особенно обеспокоенность социальным неодобрением – действительно имеет прямое отношение к агрессии. Поэтому очевидно, что тревога может послужить сильным сдерживающим фактором агрессии [2].

О раздражительности и эмоциональной восприимчивости. Результаты теоретических исследований показали, что оба эти личностных фактора имеют отношение к агрессии, однако, раздражительность, в отличие от эмоциональной чувствительности, может быть более тесно связана с агрессией, в особенности, если ей предшествовала провокация [4, 6].

О психотизме в подростковом возрасте. Твердо установлено, что люди с высокими оценками психотизма агрессивны, недисциплинированы, жестоки, невнимательны к потребностям и чувствам других людей, не заботятся об окружающих и обычно не испытывают чувства вины. Они также кажутся безрассудно смелыми и предпочитают все странное и необычное; кроме того они импульсивны и несклонны к сотрудничеству с другими; также для них типичны психическая тугоподвижность и недостаточная чувствительность [4].

О неадекватной самооценке у подростков. Хорошо известно определение агрессии, данное канадским социальным психологом С. Фишбахом, который описывал её как поведение «направленное на вызывание боли в других с целью восстановления самооценки агрессора» [4]. Психоаналитически ориентированные исследователи также подчеркивают решающий вклад низкой и/или нестабильной самооценки в насильственные формы противоправного поведения. По мнению С. Эша, крайние проявления насилия обусловлены импульсивным стремлением к повышению самооценки [4]. Совершая акты бессмысленного насилия или вандализма, преступник просто демонстрирует свое пренебрежение к собственному суперэго или к общественным нормам. Во многом под влиянием подобных идей сложился устойчивый «профессиональный стереотип», подталкивающий психологов к приписыванию (или все более изощренному «диагностированию») у делинквентов именно низкой и/или «качающейся» самооценки. В то же время существуют данные, ставящие под сомнение приведенную выше точку зрения. В частности, Г.К. Валицкас и Ю.Б. Гиппенрейтер убедительно показали, что низкая самооценка скорее «приписывается» подросткам-делинквентам, нежели реально существует у них [6]. Они обратили внимание на то обстоятельство, что большинство стандартных процедур определения самооценки используют социально-одобряемые нормативные категории и параметры, которые чужды самосознанию подростков-правонарушителей. Низко оценивая себя по предлагаемым параметрам (что вполне закономерно и свидетельствует о значительной самоадекватности

данной категории испытуемых), делинквентные подростки имеют достаточно высокую самооценку по тем критериям и параметрам, которые задаются ценностями разделяемой ими делинквентной субкультуры; при нахождении «внутри» своей референтной группы они испытывают чувство субъективного благополучия и приспособленности. В целом же в зарубежной психологии проведено множество исследований, посвященных изучению связи между делинквентностью и оценками личностных факторов. Д. Уивер и Р. Вуттон обнаружили, что по оценкам, полученным с использованием ММРІ, можно отличить делинквентов от нормативной группы, поскольку у первых ближе к уровню патологии оценки по следующим подшкалам: социальная ответственность, алкоголизм, семейное неблагополучие, идеи преследования, психомоторная акселерация, устойчивая личностная ригидность, а также депрессия и апатия. Делинквенты не желают или неспособны принять на себя ответственность за свои собственные действия – это ненадежные люди, на которых ни в чем нельзя положиться; у них недостаточно развито чувство «Я»-интеграции и они не ощущают ответственности перед группой (или семьей), к которой принадлежат. Тем не менее, они активно исследуют другие системы ценностей и формы поведения.

Обзор литературы [4, 5] показывает, что криминальные акты связаны с большим количеством личностных черт, или граней, которые обычно исследуются по отдельности. Среди них, например, гнев/враждебность, склонность к риску; настойчивость, пренебрежение к социальным условностям; агрессивность, тревожность, низкий уровень самоконтроля; низкая самооценка, импульсивность, негативное отношение к авторитетам; стремление к острым ощущениям, низкий уровень эмпатии; внешний локус контроля.

Обращалось внимание и на то обстоятельство, что одно и то же поведение может рассматриваться индивидами и как агрессивное, и как нормальное поведение, в зависимости от той системы ценностей и норм, которые сформировались у данного индивида [1,3].

По мнению Б.С. Братуся, вероятность «соскальзывания» человека в девиантное поведение (соответственно и в делинквентность, как разновидность социального отклонения) определяется степенью его личностной нормальности-аномальности. В качестве *нормального* им рассматривается такое развитие личности, которое «ведет человека к обретению ... родовой человеческой сущности» [6]. В качестве условий и одновременно критериев этого развития выделяются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное системообразующее отношение); способность к самоотдаче и любви как способы реализации этого отношения; творческий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования будущего; вера в осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению общего смысла своей жизни.

Поведение же, которое «ведет человека к отчуждению, отрыву от его всеобщей родовой сущности» обозначается Б.С. Братусем как *аномальное* [6]. Для него характерны следующие признаки: отношение к человеку как к средству, как конечной, заранее определенной вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабая выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабая внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни. В исследовании Ю.А. Васильевой было показано, что деструктивные изменения смысловой сферы склонных к правонарушениям подростков закономерно перестраивают и всю систему личност-

ной регуляции их социального поведения. Общими чертами для обследованной этим автором выборки подростков-делинквентов оказались бездумность; слабость планирования поведения в повседневной жизни; стремление к удовлетворению ситуационно возникающих побуждений без соотнесения своих поступков с более отдаленными перспективами; общая потребительская ориентация; иная, часто малопонятная система ценностей; склонность к пассивному, некритичному принятию навязываемого извне и др. [3]. Завершая обзор личностных механизмов агрессивности, необходимо акцентировать внимание на том, что изучение данной темы важно по нескольким причинам: во-первых, знание того, какие личностные механизмы ассоциируются с высоким или низким уровнем агрессии может способствовать пониманию агрессивного поведения в целом. Во-вторых, может иметь большое практическое значение для прогнозирования тенденций к прямой агрессии и выработки мер по предотвращению или контролю агрессии.

В контексте обсуждаемой темы теоретического исследования необходимо подчеркнуть, что учет личностных механизмов агрессивности играет большую роль в процессе социализации делинквентного поведения личности подростка.

Литература:

1. Гапонова Г.И. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи педагогическими средствами// Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ, 2016. № 2-3 (70-71). С. 24-29 .
2. Гапонова Г.И., Меркулова Т.А. Педагогические условия формирования социальной готовности студента к профессиональной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология: сб. статей. Ялта: РИО ГПА, 2016. Вып. 52. Ч. 5.
3. Кочетков М.В. Профессиональные качества специалистов экстремального профиля, обеспечивающие безопасность действий: методологические подходы к анализу девиантного поведения // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность: международный научно-практический журнал. 2014. №1 (17). С. 11-16.
4. Лазаренко Л.А. Психологические факторы успешности учебной деятельности студентов высшего учебного заведения // Теоретические и практические проблемы современного образования: материалы Международной научно-педагогической конференции, 14 июня 2012 г. Краснодар: КСЭИ, 2012.
5. Пащевская Н.В., Ахрименко В.Е., Ахрименко З.М. Наш опыт формирования социальной толерантности в учебном процессе // Экономика. Право. Печать. 2014. №1. С. 153-161.
6. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социал. исслед. 2015. №9.

Э. Ф. ГИЗАТУЛЛИНА

*аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

E. F. GIZATULLINA

*Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОСЛЕ МАРТОВСКОГО (1965 Г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС

TRANSFORMATIONS IN AGRICULTURE AFTER MARTOW (1965) PLENUM OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE

Аннотация. В статье раскрывается содержание партийно-политических решений и нормативно-правовых актов, принятых в СССР в рамках преобразований в сельском хозяйстве после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. В публикации анализируются и решения данного пленума.

Ключевые слова: «косыгинские реформы», Пленум ЦК КПСС, сельское хозяйство, правовой акт, экономическая деятельность, материальная заинтересованность, производительность труда.

Annotation. The article reveals the content of party-political decisions and normative legal acts adopted in the USSR in the framework of the transformation in agriculture since the March (1965) Plenum of the CPSU Central Committee. The document analyses and the decisions of this Plenum.

Keywords: "Kosygin reforms", Plenum, agriculture, legal act of economic activity, financial interest, productivity.

На Пленуме ЦК КПСС в марте 1965 г. было принято решение «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» [1]. С него, фактически, начались «косыгинские» реформы. Начиная экономические реформы с весны 1965 г., советская правящая элита увязывала их реализацию с необходимостью перевода приоритета административных методов управления на экономические, применительно пока только к сельскому хозяйству, и в этом смысле решения Пленума имели важное политическое решение [2, с. 339-341].

С целью усиления материальной заинтересованности и повышения роста производительности труда в сфере сельского хозяйства предусматривалось повышение закупочных цен (применительно к колхозов) и сдаточных цен (применительно к совхозам) на хлопок, зерно, продукты животноводства; предполагалось вводить стабильные планы и премии-надбавки за продукцию, реализуемую государству сверх установленного плана, обеспечить гарантированную оплату труда колхозников, соразмерную с оплатой труда совхозников; было запланировано также принятие закона о пенсиях колхозников и их социальном страховании, а также о прямом банковском кредитовании колхозов. Следует отметить, что меры по экономической заинтересованности работников сельского хозяйства по-прежнему сочетались с централизованным управлением, и прежде всего в планировании и ценообразовании. Мы предполагаем, что эти показатели также являлись «красными флажками», выйти за которые означало «изменить» социалистической системе хозяйствования с откатом к капиталистической системе, что советская правящая элита допустить не

могла (и не смогла вплоть до распада СССР в 1991 г.), поскольку это означало бы изменение политического строя, установленного Конституцией СССР [3; 4].

Тогда же, на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС было решено «считать необходимым приступить к выработке нового Примерного устава сельскохозяйственной артели и к подготовке Третьего Всесоюзного съезда колхозников». Выполнение этого предписания заняло несколько лет, и в конце 1969 г. на съезде колхозников СССР был принят новый Примерный устав колхоза [5] (заменивший действовавший до этого Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г.). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Примерном уставе колхоза 1969 г. также имела место плановость – так, указывается, что «колхоз ведет свое хозяйство по плану, утверждаемому общим собранием колхозников, применяя наиболее прогрессивные, научно обоснованные формы и методы организации производства, обеспечивающие максимальное получение продукции высокого качества при наименьших затратах труда и средств. При разработке планов колхоз исходит из необходимости расширенного воспроизводства общественного хозяйства, выполнения плана государственных закупок, договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов и сверхплановой продажи зерна и другой необходимой государству продукции, удовлетворения материальных и культурных потребностей колхозников» [5] (п. 14 Примерного устава колхоза).

Однако принципиальное отличие этой плановости от плановости государственных предприятий заключалась в том, что план хозяйственной деятельности в колхозе утверждался не вышестоящей инстанцией, а самими колхозниками.

Помимо этого, колхоз в п. 1 Примерного устава колхоза закреплялся как форма «крупного *социалистического* сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства и коллективного труда» [5]. Нужно указать далее на то, что земля, занимаемая колхозом, не являлась его собственностью, а закреплялась за колхозом в бесплатное и бессрочное пользование согласно п. 8 Примерного устава колхоза. Затем в новом Земельном кодексе РСФСР от 1 июля 1970 г. (ст. 3) был четко сформулирован статус земли как собственности: «земля является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Земля состоит *в исключительной собственности государства и предоставляется только в пользование*. Действия, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на землю, запрещаются» [6]. В Земельном кодексе РСФСР указывалась также, что «право землепользования колхозов, совхозов и других землепользователей удостоверяется государственными актами на право пользования землей, которые выдаются исполнительными комитетами районных, городских Советов депутатов трудящихся» [6].

Но бесплатность земли для колхозов имела и обратную сторону, которая заключалась в том, что колхоз был завязан с государством договорами с обязательствами на поставку сельскохозяйственной продукции. Так, в п. 14, 20 Примерного устава колхоза указывалось, что «при разработке планов колхоз исходит из необходимости расширенного воспроизводства общественного хозяйства, *выполнения плана государственных закупок, договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов* и сверхплановой продажи зерна и другой необходимой государству продукции, удовлетворения материальных и культурных потребностей колхозников ... Колхоз заключает договоры с государственными, кооперативными и общественными организациями на продажу сельскохозяйственной продукции, покупку машин, материалов, скота и другого имущества, на продажу полуфабрикатов и изделий подсобных предприятий и промыслов, на выполнение различных работ и оказание услуг, а также вступает в другие договорные отношения, соответствующие целям его деятельности» [1].

Как видно, с одной стороны колхоз как негосударственный субъект экономической деятельности действительно с точки зрения обладания хозяйственными свободами имел признаки предпринимательства, но они вписывались в содержание «косыгинских» реформ. Однако, с другой стороны, указанные ограничения ставили колхозы в положение, когда они, негосударственные хозяйствующие субъекты, могли вести свою экономическую деятельность на основе договоров только с государственными органами и организациями (за небольшим исключением) и, что очень важно, на государственной земле, с использованием принадлежавшей государству техники (при отсутствии альтернативы как в период действия МТС, так и после их ликвидации в конце 1950-х гг., поскольку следовало также безальтернативно выкупать технику у того же государства, и далеко не у всех колхозов были для этого средства [7]), то есть без договора с государством и без земли колхозы перестали бы вообще существовать.

Поэтому, условно говоря, хозяйственные свободы колхозов уравнивались соответствующими хозяйственными несвободами госпредприятий, и это уравнивание осуществляла правящая КПСС под соответствующим политико-идеологическим «соусом» таким образом, чтобы все хозяйствующие субъекты, независимо от правового статуса, участвовали в строительстве единого коммунистического общества [8]. И в этом смысле вступление в действие Примерного устава колхоза 1969 г. не стало поворотным шагом в развитии советского сельского хозяйства советского государства, где, напротив, ситуация в целом оставалась очень сложной. Так, «из-за сохраняющихся низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, постоянный рост стоимости техники и запасных частей к ней, а также введение гарантированной оплаты труда колхозников, в начале 1970-х годов задолженность колхозов страны по долгосрочным ссудам Госбанка СССР превысила 8 млрд. руб.» [9 с. 180]. При этом накапливавшиеся годам долги государство систематически прощало и списывало, что также являлось причиной низкой эффективности деятельности колхозов, которые теряли мотивацию зная, что государство в любом случае колхозников не бросит, и все равно спишет долги [10, с. 73].

Что касается государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов), то в отношении них рамках «косыгинских» реформ было принято больше нормативно-правовых актов, определяющих их статус как хозяйствующих субъектов, чем в отношении колхозов. Так, 13 апреля 1967 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о переводе указанных сельхозпредприятий на хозрасчет в «целях усиления экономического стимулирования производства сельскохозяйственной продукции и повышения материальной заинтересованности работников совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий в улучшении результатов работы» [11]. Была также определена политика, направленная на трансформацию колхозов в совхозы.

Литература:

1. Мартовский пленум ЦК КПСС. 24-26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965.
2. Тленкопачева М.М. Мартовский 1965 г. Пленум ЦК КПСС и влияние его решений на дальнейшее развитие крестьянского семейного хозяйства Кабардино-Балкарии // Известия росс. гос. педаг. университета им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1. С. 339-341.
3. Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000.
4. Упоров И.В., Старков О.В., Рассказов Л.П. Теория государства и права. М., 2005.
5. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 28.11.1969 г. № 910 «О Примерном Уставе колхоза» // СП СССР. 1969. № 26. Ст. 150.

6. Закон РСФСР от 01.07.1970 г. «Об утверждении Земельного кодекса РСФСР» (вместе с Земельным кодексом РСФСР) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 28. Ст. 581.
7. Кричевский Н. Хрущев – могильщик СССР // Аргументы недели. 2016. № 50.
8. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Жинкин С.А. Теория права. Краснодар, 2000.
9. Шевельков А.И. Документы мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, как важнейший источник в исследовании аграрной истории // Исторический архив. 2013. № 11. С. 180.
10. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006). М.: Статут, 2010.
11. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 13.04.1967 г. № 319 «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет» // СП СССР. 1967. № 10. Ст.55.

И. Н. ГРИГОРЕНКО

*профессор кафедры иностранных языков
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
доктор филологических наук, профессор
(Россия)*

I. N. GRIGORENKO

*Professor of Foreign Languages Department
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Doctor of philology, professor
(Russia)*

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

DESIGN ACTIVITY IN MODERN TRAINING CONDITIONS AND ITS SOCIAL SIGNIFICANCE

Аннотация. В статье рассматриваются современные быстроменяющиеся запросы общества в связи с потребностями образования в XXI веке. Обсуждается проектная деятельность и ее функциональные особенности в высшем учебном заведении. Особое внимание уделяется созданию основных ключевых компетенций, необходимых обучаемому.

Ключевые слова: ключевые компетенции, проектная деятельность, знания, умения, автономность.

Annotation. The article deals with rapidly accelerated demands of society dealing with competence in the XXI century. Project activities and their functional peculiarities are discussed in higher educational institutions. The article argues necessary set of key competences.

Keywords: key competences, project activities, knowledge, skills, autonomy.

Целью образования в вузе является овладение системой знаний, связанной с профессиональными компетенциями. Так обучение иностранному языку в сфере юриспруденции предусматривает выработку коммуникативных компетенций. Это касается, как профессионального общения, так и иноязычной деятельности. Владение компетенциями достигается в результате выполнения заданий, связанных с методическими аспектами знаний, полученных на практических и лекционных занятиях, с одной стороны. С другой стороны, компетенции связаны с пониманием методологических аспектов знания, использованием научных методов наблюдения, формулированием целей и задач, выявлением предметов/явлений исследования, их классификацией, сравнением, и т.д.

Цель настоящей статьи – обратить внимание на потребности образования с учетом знаний, получаемых на лекциях и практических занятиях, их применением в представляемых студентами проектах. Для достижения поставленной цели была предпринята попытка разобраться в истории вопроса, связанного с потребностями образования в XXI веке в целом, а также организации проектной деятельности и ее функциональных особенностях в высшем учебном заведении.

Для того, чтобы найти необходимый баланс между усвоением определенных знаний и их практической реализацией целесообразно обратиться к понятию эффективности в парадигме современного образования в связи с актуальными тенденциями развития общества [1].

В конце XX века Европейская комиссия по образованию и культуре отметила переход в системе обучения от субъектно-объектной парадигмы образования к субъектно-субъектной [2].

Были сформулированы основные задачи получения знаний современным человеком XXI века. Они вошли в историю Европейской комиссии по образованию и культуре как «4 столпа, на которых основывается образование. Фактически были определены понятные каждому компетенции, а именно: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться быть» (там же). По сути дела они определили глобальные технологии, необходимые человеку, чтобы выжить в современном мире.

Обратим внимание, что процесс образования понимается как приобретение системных знаний, умений и, полученных в ходе лекционных, практических и самостоятельных занятий навыков, составляющих основу компетенций обучающегося. Кроме того, получение образования рассматривается и как процесс постоянного совершенствования знаний, развития личности, компетентности. Соответственно важно целенаправленное пополнение знаний, что невозможно без способности выполнять и достигать необходимого или желаемого результата с наименьшей затратой времени и усилий, что характеризует эффективность. Было выявлено, что такой подход к обучению заключается не в увеличении объемов информации, ведущих к умственным перегрузкам, а в слаженности действий как обучающегося, так и обучающего, направленных на рациональный отбор и целенаправленное усвоение необходимого для совершенствования знаний материала [3].

В основу обучения закладывается не только системно-деятельностный подход, в целом опирающийся на обеспечение соответствия обучения достигаемым результатам, но и выполнение программы обучения. Все это создает возможности для самостоятельного, возможно, автономного пополнения знаний. Соответственно меняется роль преподавателя, который акцентирует свое внимание на организации процесса получения знаний, становится консультантом по возникающим в ходе пополнения знаний вопросам, получения необходимой информации. Таким образом, преподаватель высшей школы должен не только владеть рядом технологий, которые предусматривает ФГОС ВО, но и организовывать, направлять, поощрять процесс эффективного и постоянного пополнения знаний. Для этого стандартом предусмотрены различные технологии, в том числе и технологии проектной деятельности [4].

Создание проектов составляет основу исследовательской работы, а, следовательно, создает возможность заинтересовать студентов изучением той или иной дисциплины. В данном случае иностранного языка. Смысл разработки проекта заключается в самостоятельном освоении студентами учебного материала по теме программы на иностранном языке и презентации достижений в группе, в ходе учебных занятий и/или на ежегодных научных конференциях студентов, проходящих в Кубанском социально-экономическом институте или других вузах.

Обратим внимание, что вместе с научной (познавательной) стороной представления исследуемого материала присутствует эмоциональная, оценочно-личностная, и креативная, а значит, созидательная стороны. Комплексно они определяют актуальность и значимость проекта, самостоятельность выполнения. Иными словами важным представляется развитие дизайн мышления с помощью нескольких взаимосвязанных звеньев, а именно: понимание существования проблемы, идей, связанных с ней, нахождения прототипов решения и тестирование найденных вариантов.

Первый этап включает в себя поиск так называемых «инсайтов» («сути проблемных ситуаций»). В этом направлении важно новаторство. Способность рассматривать мир через призму своего видения, представления, не забывая об ориентировке на определенную целевую аудиторию.

Развивается самостоятельность, которая реализует потребность приобретать и использовать новые знания, с последующей их интеграцией. Результатом является наблюдение, рефлексия, заимствование опыта создания проектов с помощью интернета. Далее возникает понимание фокуса создания проекта, необходимость обозначить главное и второстепенное.

Кроме вышеперечисленного существенными особенностями проектной деятельности являются знание и понимание сути проблемы, ее особенностей, междисциплинарные знания и понимание их эффективной реализации.

При выборе тем проекта в ходе изучения иностранного языка в сфере юриспруденции преподаватель руководствуется следующими критериями:

- значимость представляемой студентом информации (ее связь с темой программы);
- социальное влияние проекта, его интеллектуальный потенциал;
- воспитательная значимость проекта;
- связь с остальными темами программы;
- возможность дальнейшего развития поставленной проблемы;
- реализация межпредметных связей;
- соотношение имеющихся знаний, личного опыта и эффективности.

Продуктом проектирования может быть: презентация, доклад, фильм, статья, коллаж и т.д.

Важной составляющей представления проекта является его оценка, как преподавателем, так и студентами.

Как показывает практический опыт и требования программы, существуют определенные диагностические параметры, включающие следующие аспекты оценивания: *познавательный, мотивационный, коммуникативный, личностный* [5,6].

Остановимся на каждом из них. Так *познавательный аспект* предусматривает умение оперировать научным содержанием, осуществлять межпредметные связи, связанные с творческим использованием знаний других предметов.

Мотивационный аспект подразумевает заинтересованность проектом, как самого студента, так и воспринимающей его аудитории. Это достигается как эмоциональным представлением результатов проекта, их значимостью, так и оформлением

Коммуникативный аспект предусматривает умение отстаивать свои взгляды в ходе представления работы однокурсникам, свободное использование доказательной базы.

Личностный аспект подразумевает представление собственной системы ценностей, ориентированной на современный подход к сотрудничеству с заинтересованными сторонами.

Такой подход к проектированию отражает современные требования ЮНЕСКО к получению образования, его развитию до 2030 года [7]. Основными положениями этого документа являются следующие особенности:

Переосмысление традиционных программ обучения по каждому предмету в соответствии с постоянно изменяющимися потребностями общества, возникающими новыми сферами деятельности в XXI веке.

Основным элементом современного образования является постоянное размышление о наиболее подходящих способах совершенствования знаний.

Каждый студент должен создать обязательную базу основных ключевых компетенций. Например, таких как автономность, а именно: способность самостоятельно пополнять и совершенствовать знания в постоянно меняющейся ситуации процесса познания.

Компетенция – это способность мобилизовать знания, умения и ценностные качества, наряду со способностями к рассуждению (размышлению), связанные с овладением

знаниями для того, чтобы в дальнейшем быть востребованным на меняющемся рынке труда.

Таким образом, в результате практической работы в вузе и проведенного исследования проектной деятельности студентов можно прийти к следующим выводам:

- создание проектов отвечает современным требованиям образования, представляя хорошую перспективу применения и переосмысления студентами полученных знаний;
- презентация проектов мобилизует знания обучаемых, позволяет оперировать научным содержанием, привлекает знания других предметов, осуществляя межпредметные связи;
- проектное исследование формирует собственную систему ценностей, развивает способности самостоятельно пополнять знания, постоянно приобретать необходимые компетенции в соответствии с возникающими потребностями.

Литература:

1. Демина Л.И. Гипертекст как средство культурной коммуникации (на примере литературных текстов) // Литература и журналистика: духовные, национальные и эстетические основы. Краснодар, 2016.
2. Делор Ж. Чтобы выжить, надо превзойти себя. [Электронный ресурс] // URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200101504> (дата обращения: 18.03.2017 г.).
3. Григоренко И.Н., Дацко Т.Ф. Эффективное пополнение знаний в опоре на гипертекст// Историческая и образовательная мысль. 2017. Том 9. №1. Ч. 2. С.135-139.
4. ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. М., 2016.
5. Дацко Т.Ф. Культурная идентификация языковой личности в вариантах дискурса // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. С.34-40.
6. Дацко Т.Ф. Когнитивные модели языковой коммуникативной культуры // Естественно-гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 55-63.
7. Definition of Global Competence [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ICT/pdf/useinternetdomains.pdf> (дата обращения: 18.03.2017 г.).

Т. Ф. ДАЦКО

*профессор кафедры иностранных языков
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
доктор филологических наук
(Россия)*

T. F. DATSKO

*Professor of Foreign Languages Department
ANO VO «Kuban Social and Economic Institute»
Doctor of philology
(Russia)*

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДУЛИ КОНСТЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SOCIAL-COMMUNICATIVE MODULES OF CONSTEQUE ACTIVITY

Аннотация. Опосредуются коммуникативные составляющие формата функционирования вербальных средств языка в процессе контекстуальной деятельности, обусловленной определенным отражением системных свойств языка в производимом тексте. Функциональный план репрезентируется спектрами процессуально – коммуникативного семантического синтеза составляющих.

Ключевые слова: архетипы, сигнификация, коммуникативная интенция, семантический код, детерминация, континуум, реципиент, апелляция.

Annotation. Mediates communicative components of the format operation verbal means of language in the process of contextual activities due to certain system properties reflect the language in the produced text. Operational plan is represented by aspects of procedurally - communicative semantic synthesis components.

Keywords: archetypes, signification, communicative intention, semantic code, determination, continuum, recipient, appealation.

К. Юнг выделял три этапа формирования теории архетипов:

- прообразы, проявляющиеся как в бессознательной жизни, так и в ходе самоанализа, напоминающие различные периоды развития человечества;
- безличностные доминанты/узловые пункты в психике, оказывающие колоссальное влияние на поведение человека.

Архетип – внутренний образ – сложная величина, слагающаяся из разнородных материалов разнообразного происхождения, целостный продукт психики и сознания, имеющий собственный смысл. Образ – концентрированное выражение общего психического состояния, бессознательных содержаний, сопоставленных в данный момент. Изначальный образ К. Юнг относил к известным, чувственно воспринимаемым процессам природы. Дальнейшее развитие мысли ведет к идее, которая есть изначальный образ, достигший мысленной формулировки, где изначальный образ вступает во внутреннее поле зрения в качестве символа.

Символы обладают архетипическими качествами, что и объясняет их универсальность и постоянное проявление.

Миф – произвольное коллективное утверждение, основанное на социальном опыте. Первобытная ментальность (разум) не изобретает мифы, она их переживает. Боги и божества являются метафорами архетипического поведения, а мифы – архетипическими инсценировками.

Актуальным и креативным фактором для рассмотрения особенностей коммуникации является понятие ментальности, определяющее менталитет как совокупность всех характеристик отличающих ум, образ мышления одного человека от другого. У каждого народа, группы свои представления о личности и ее отношения к обществу, о добре и зле и т.д. Менталитет – это некая совокупная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая помогает описать своеобразное видение этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. Возникающие в сознании человека архетипические образы (архетипы) обладают универсальностью и, проходя осмысление, облекаются в форму символов с определенным смыслом и содержанием, образующих самостоятельные представления в виде мифологических построений или интерпретаций. Бессознательный смысл и содержание социального опыта образуют универсальный инвариант ментальности, облеченный в специфики социокультурного развития общности, этноса, нации.

Константен факт неразрывности языка и мышления, где механизмами означивания и выявления смыслов являются архетип и менталитет. Архетипы – самый эффективный язык для создания фундамента одного из основных понятий маркетинга – брендов. Coca-Cola – невинный герой (чистый, здоровый, оптимистичный), Nokia – исследователь, Intel – мудрец и др., фигура структурируется из фона, смыслы понимаются и усваиваются, иницируются процессы идентификации и проекции, или, другими словами, запускается маркетинговая коммуникация. Вербальная действительность может быть истолкована как подсистема способа существования менталитета, поскольку в слове создается одновременно две аналогии: время изображается внешним феноменом – звуком; пространство изображается тем же феноменом – звуком; но звук пространства есть уже внутреннее пересоздание его; звук соединяет пространство со временем, но так, что пространственные отношения сводятся к временным; звук есть объективация времени и пространства, но всякое слово есть, прежде всего, звук, а первейшая победа сознания – в творчестве звуковых символов. Существует общепринятое определение фонетики как учения о закономерностях чередования звуков, интонации, особенностях членения звукового потока на различные отрезки. Поскольку фонемы как индивидуальные элементы языка сами по себе бессмысленны, но служат для различения смысла, фонетисты фиксируют самые незначительные различия в произношении. Лингвисты обращают внимание на различия, придающие высказыванию инновационный смысл. Здесь словарный состав определяется перечнем используемых в них фонем и правилами комбинирования этих фонем при составлении осмысленных слов; лексика языка опосредуется системой взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня. Парадигматические отношения основаны на общих признаках слов, объединяемых в группы, например, общностью значений или общим типом словообразования. Синтагматические отношения – закономерность сочетания слов друг с другом, определяющихся их предметно-смысловыми связями, грамматическими свойствами, лексическим значением. Лексика системна, а семантика слова определяет его место в лексической системе языка, поскольку одно и то же слово, характеризуемое различными признаками, может быть отнесено к нескольким структурным разрядам.

Слово – форма существования вербальной информации в коммуникативном пространстве. Определяя место слова в языковой системе, следует помнить, что слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, – единица, неотступно представляющаяся нашему разуму как нечто центральное в механизме языка. Слову присуща фонетическая оформленность, определенное значение, постоянство звучания и значения, непроницаемость (внутри слово нельзя вставить другое слово). Слово обладает признаком воспроизводимости, а формат изолируемости проявляется в возможности его употребления вне речевого потока. Вектор номинативности слова опосредован способностью

указывать предмет, действие или качество и, как следствие, формат фразеологичности мотивируется вариативностью значений.

Семантический аспект слова позволяет прояснить механизм вербальной трансляции тематических смыслов. Языковой формат слова акцентен двумя основными функциями: номинативной (назывной) и обобщающей, где предметна способность слова называть понятия, формирующие в сознании человека, как общие признаки явлений действительности, так и представления об их свойствах.

Язык семантических кодов, вербальный язык моделируют общественную структуру группы в пространстве и во времени, и эта структура выходит за пределы пространства и времени отдельного человека. Номинативная функция слова проявляется в различных сферах жизни, само же слово кажется многозначным, пока оно не употреблено для передачи значения. Можно думать, что иногда коммуникативное намерение опосредуется одним и тем же словом для достижения двух или более сигнификационных целей, но раскрытие этих целей – анализ не значения, а намерений автора, имеющие, возможно, свою риторическую форму (аллегии, олицетворения, притчи и пр.). Истолкование значений слов имеет в виду не только его значение как такового, но и принятие во внимание как многообразия словоформ в ситуативном контексте, так и субъективную психологию юзера, что, в свою очередь, репрезентирует слово как специфический тип знака.

Семантическая системность лексики отражает уже познанную системность информационно-коммуникативных тематических процессов. Способы систематизации лексических единиц и явлений действительности различны по своей природе и, соответственно, отношения в сфере действительности могут найти те или иные выражения в отношениях между единицами словаря. Многозначность слов характерна для языка, она указывает несколько значений слова, а факторы разнообразия значений слова связаны между собой и образуют сложное семантическое единство – семантическую структуру слова. В зависимости от того, на каком основании и по какому признаку название одного предмета присваивается другому, различают три типа многозначности: метафора, метонимия, синекдоха. В процессе развития переносных названий в тематической сфере слово может обогащаться новыми значениями в результате сужения или расширения главного понятия. Появление новых значений в тематическом лексиконе приводит к увеличению выразительных возможностей вербального языка.

Говоря о системности вербального языка, как устройства для речевых сообщений, нельзя упускать из виду ее многомерность, поскольку различные системы единиц языка организуются зачастую по различным принципам. Лексическая система организуется по семантическому, морфемному, частотному и звуковому признакам. Каждое такое упорядочений существует относительно независимо. Лексикон и грамматика, в определенном смысле, независимы. При этом существует грамматическая классификация слов – членение лексикона по частям речи. Динамическая, многоуровневая и многомерная система языка имеет размытый характер, а вышеперечисленные свойств позволяют ему приспосабливаться к описанию любых явлений действительности, делая возможным постоянную подстройку этих систем к нужной деятельности. Функционирование вербальных средств языка в процессе контекстуальной деятельности обуславливает определенное отражение системных свойств в производимом тексте, где слова с одинаковыми морфемами позволяют устанавливать семантику недостаточно знакомых слов. Такая доступность раскрытия значений многих слов позволяет экономить усилия при сохранении в памяти колоссального словарного состава языка, создавать «инновации» по аналогии.

Функционирование языка в процессе производства текста отражает системные свойства его устройства в синтаксическом плане. Высказывание представляет собой минимально возможный текст в процессе коммуницирования. Если высказывание – минимум

текста, то слово – минимум высказывания, морфема – минимум слова (слово может состоять из одной морфемы), морфема может состоять из одной фонемы, следовательно, в некотором смысле, фонема является, как бы, минимальной морфемой. Каждая языковая единица может рассматриваться как материальная, так и как интегрирующая из составляющих.

Фраза как соединение лексической и грамматической моделей с интонационным рисунком – интегрирующая единица, «материализующаяся» посредством наполнения схем конкретным материалом, т.е. превращением в конкретное высказывание.

К числу общих понятий лингвистики относятся понятия планов языка. Этот акцент связан с самой природой языка: он является материальным образованием, организующим определенным образом информацию. Первая, материальная, формальная сторона составляет план выражения. Вторая, содержательная сторона, составляет план содержания и, как правило, рассматривая языковые единицы в тексте, мы актуализируемся на направленности плана выражения и плана содержания, поскольку они конкретизировано являются разнонаправленными.

План выражения – вектор, направленный от высших единиц к низшим. Здесь он сравнительно легко анализируется, разлагается на единицы низшего уровня. Слоги, на которые носитель языка может сравнительно легко разделить фрагмент речи, характерны для единиц плана выражения.

План содержания – вектор, направленный к целому. Здесь фонема не акцентируется полноценным содержанием в отличие от высших единиц, его имеющих, но при их актуализации в формате производства текста происходит синтез семантики высказывания в целом, репрезентирующий практическую невозможность расчленения на составные части, отвечающие отдельным элементам плана выражения.

Разнонаправленность плана выражения и плана содержания единиц тематического текста связана с позицией передающего и воспринимающего. Воспринимающий активирует план выражения, смысл высказывания ему неизвестен и, лишь приняв путем анализа план выражения, воспринимающий восстанавливает смысл высказывания, повторяя семантический синтез, определяемый деятельностью передающего. Из всего огромного запаса данных в сознании наиболее актуальными для обмена информацией являются языковые когнитивные факторы, поскольку подлинный обмен информацией осуществляется с помощью лингвистических знаков.

Естественные языки привязаны к временному континууму, к потокам звуков, но с целью описания их приходится расчленять на отрезки, длина которых детерминирована характером языковой системы и может выбираться произвольно: система слов, система фраз, система морфем, система фонем. Слова рассматриваются как типы отрезков или квантовых элементов, с помощью которых передается информация в тематической системе пользования, где с помощью слов, их различных синтаксических форм и т.п. конструируются любые сообщения. Информационное пространство словопользования на вербальном уровне можно рассматривать в двух аспектах: язык как полный набор всех высказываний, принадлежащих определенной группе людей в определенный период; язык как собрание привычных форм выражения смыслов, описываемых совокупностью знаков и правил (абстрактный и лингвистический аспекты).

Понятие формы является одним из аспектов, связывающих язык и науку (тематический вектор описания). Форма обычно возникает при непрерывном воздействии управляющих условий – «законов». Вербальные формы репрезентации понятий и знаний классифицируются нами на основе такого признака как глубина проникновения в смысл тематических явлений. Наиболее поверхностные знания представлены на первом уровне движения информации в тематическом пространстве. Это «знание-информация», представляющее словесную модель товара и/или услуги, его место, время и другие формальные харак-

теристики. Вербальные формы «знания-информации» приобретают смысл при условии краткости, точности и ясности используемых слов, а более глубокие причинно-следственные связи фиксируются посредством информации «знания - ценности». Такая информация имеет смысл в том случае, если предполагается, что реципиент примет оценку во внимание, используя оценочные слова и суждения, которые отмечают вполне определенные качества товаров/услуг. Акцентна еще одна форма существования информации в тематическом пространстве – «знание-опыт», репрезентирующаяся в форме словесной модели того, **как** надо **что-то** делать, чтобы достичь цели.

Тематическая информационно-коммуникативная деятельность – это процесс движения от формы к ее значению, переход от постулированного значения к выражающей его форме и вербальный язык здесь является относительной универсальной семиотической системой. Во-первых, вербальный язык развивается самостоятельно и не требует других семиотических средств. Во-вторых, вербальный язык играет роль посредника между музыкальным, изобразительным, компьютерным, экономическим и т.п. языками. Это проявляется в том, что знаки музыкального и/или изобразительного языков могут быть проиндексированы чрез название того или иного произведения, через указание на сферу и традиции его применения и т.д. Вербальный язык превращает каждую из знаковых систем тематических коммуникаций в информационный факт. С позиций исторической справки отметим, что Западная философская традиция во главе с М. Хайдеггером фетишизировала вербальный язык, признавая его в качестве фундаментального основания бытия и оставляя в тени творца языка.

Одной из основных характеристик современного общества является пополнение инвентаря артефактов, окружающих человека, действительность регулярно пополняется референтами с невиданными ранее наборами свойств. Появление новых категорий понятий и услуг в системе языка ведёт к возникновению новых номинаций. При этом язык стремится найти максимально короткую и содержательно ёмкую лексическую единицу, так как в коммуникативном процессе оказывается малоэффективным описательное обозначение товарной категории (бумажные носовые платки, музыкальный центр, копировальный аппарат и т.д.): оно не удовлетворяет одному из основных законов развития языка - закону экономии речевых усилий. Так, для решения проблемы наименования в русском языке, наряду с ведущим в этой сфере способом номинации – заимствованием (по преимуществу – слов английского языка: принтер, сканер, плеер и т.д.), актуализируется ещё один, хотя и не столь продуктивный, способ наименований товарных категорий - апелляция словесных товарных знаков (СТЗ), по преимуществу – также слов иностранного происхождения. Экстралингвистически продуктивность данных способов номинации поддерживается ситуацией культивирования иноязычного знака, сопровождаемой снижением уровня привлекательности собственной этнической группы, что ведёт к использованию иноязычных слов и предпочтению их исконным. Способ информативного наименования товарной категории, посредством которого средствами русского языка создаётся номинация, сообщающая о свойствах/функциях референта (обычно сложное слово или словосочетание, основанное на подчинительной связи, например, *жевательная резинка, стиральная машина*), нередко вообще оказываются неприемлемыми, так как не всегда возможно компактно передать понятийную специфику именуемого объекта. Так, если при выборе между номинациями ксерокс - копировальный аппарат, скотч – прозрачная клейкая лента доминирует закон экономии и экстралингвистический фактор моды, то семантике лексемы «джип» соответствует синтагма «полноприводный автомобиль иностранного производства с определённой формой кузова».

В русском языке пополнение апеллятивной лексики за счёт семантизированных СТЗ происходит двумя путями. В первом случае мы имеем дело не с апеллятивацией как

таковой, а с заимствованием слова, которое уже вошло в класс имён нарицательных (ИН) в языке-источнике (ср.: носители языка употребляют лексемы *целлофан, нейлон, капрон, тефлон, термос, пейджер*), не всегда догадываясь об их ономастическом происхождении. При этом в системе русского языка происходит адаптация как плана выражения лексемы, так и её плана содержания с характерным для этого процесса сужением семантической структуры лексемы-прототипа, обусловленным относительно невысоким общим уровнем владения иностранными языками. Так, носители русского языка не всегда воспринимают внутреннюю форму заимствования: лексема *page* (страница) как мотиват лексемы *пейджер*. Второй случай является апеллятивацией в чистом виде: процесс перехода имени собственного (ИС) в класс апеллятивов осуществляется в пределах системы русского языка. Как правило апеллятивации подвергаются СТЗ, заимствованные из иностранного языка вместе с реалией. Внутренняя форма СТЗ либо затемнена, например, *ксерокс* – от греческого слова *kseros* – сухой, либо она отсутствует и в языке – прототипе – тогда речь идёт о креативной номинации – искусственно созданном слове без опоры на лексику производящего языка (например, *кодак*). Процесс апеллятивации может протекать параллельно в разных языках, а может стать специфичным для одного языка и не поддерживаться в других. Так, копировальный аппарат во французском языке обозначается словом *photocopier*, которое отражает техническую сущность данного устройства. Во всем мире слово *аснирин* используется как товарный знак, только в России оно стало родовым обозначением жаропонижающих и болеутоляющих препаратов. Такая неравномерность в образовании родовых наименований из СТЗ обусловлена экстралингвистически: на протяжении многих лет в России не существовало института товарных знаков, соответственно, не предпринимались меры по их охране. Поэтому, несмотря на просьбы производителей не использовать в рекламных сообщениях словосочетания: *памперсы «Libero»*, *ксерокс «Canon»*, *джип «Toyota»*, эти и подобные номинации продолжают употребляться как имена нарицательные, встраиваются в словоизменительную парадигму одного из спряжений, а некоторые из них становятся исходными элементами словообразовательных гнезд. Так, словообразовательное гнездо лексемы «*ксерокс*» включает в себя, помимо закреплённых в словаре словообразовательных дериватов «*ксерокопия, ксерокопировать и ксерить*». [Большой толковый словарь русского языка: 2008, 477], глаголы «*отксерить, ксерануть*», а также метонимическое употребление лексемы «*ксерокс*» в значении «копия, размноженная на копировальном аппарате».

Функционально процесс апеллятивации СТЗ заключается в утрате словом способности соотноситься только с продукцией конкретного производителя и переходом в фонд нарицательной лексики для обозначения той товарной категории, к которой между собственными и нарицательными именами заключается в их функции: первые выступают индивидуализаторами, а вторые – классификаторами. Следовательно, переход СТЗ в класс апеллятивов функционально тяготеет к постепенной утрате ими индивидуализирующей роли и приобретении роли классифицирующей. Для языковой системы характерна вторичность ИС по отношению к ИН, но в данном случае первичным выступает СТЗ – слово, искусственно созданное в языке для обозначения конкретного товара, а в апеллятивной лексике развивается вторичное употребление данного языкового знака для обозначения однородного класса объектов действительности.

Семантический механизм апеллятивации ИС состоит в том, что одна из факультативных сем перемещается в ядро значения, тем самым формируя его, и становится главной (в языке вообще или только в конкретной речевой ситуации), при этом данное ИС утрачивает конкретность, т.е. связь с индивидуальным предметом, приобретая тем самым способность соотноситься с классом однородных объектов (денотат), а также обрастая рядом признаков, связанных с ядерной семой (сигнификат). Так как номинации товаров пред-

ставляют особый разряд ИС, соотносясь не с индивидуальным, а с серийным, массовым объектом, а, также приобретая посредством рекламного тиражирования определённые понятийные признаки в сознании потребителей, то мы не можем говорить об апеллиативации в чистом виде. Правомернее в данном случае выделять её особую разновидность: семантизация СТЗ происходит в результате приобретения им лишь некоторой совокупности сем, а не воспроизводства полного семного набора. Становясь объектом массового потребления, товар-референт первоначально входит в речевой обиход потребителя-реципиента как лишённая плана содержания звуковая и графическая оболочка, не связанная с понятием. Потребительский опыт и образы, внедрённые в сознание потребителя рекламой производителя, формируют первоначальную понятийную базу. При влиянии определённых экстралингвистических условий (лидирующая позиция на рынке или положение марки-основателя новой товарной категории) приводит к отрыву данного словесного знака от товара конкретного производителя и употреблению его для обозначения всей совокупности референтов с подобными свойствами, т.е. товарной категории.

Формирование корреляции *СТЗ – понятие* можно представить в несколько этапов:

1. посредственная индивидуализация и локация референта посредством СТЗ, что является наиболее экономным способом номинации. Соотношение *имя-референт* является ведущим, связь с денотатом устанавливается через референт, сигнификативный компонент значения не выражен, основная функция словесного знака – идентификация.

2. ормирование сигнификата: закрепление за СТЗ в сознании потребителя минимального набора характеристик, свойственных как референту (конкретной торговой марке), так и денотату (представлению о товарной категории). Именно установление непосредственной связи *имя – денотат* способствует окказиональному употреблению СТЗ в качестве родового наименования в речи носителей языка (маркируется отсутствием в контексте указания на товарную категорию): ср.: пожуй орбита (имеется в виду вообще любая жевательная резинка), купи какого-нибудь *фэри*, только подешевле (подразумевается любая жидкость для мытья посуды); «равноправие» идентифицирующей и номинативной функций.

3. ормирование сигнификата смещается в сторону отражения признака денотата, а не референта; имя в первую очередь соотносится с понятием, а уже через него – с референтом, т.е. СТЗ переходит из класса ИС в класс ИН; основная функция апеллиативированного СТЗ – номинативная.

Таким образом, в системе современного русского языка можно наблюдать процессы апеллиативизации иностранных СТЗ, обусловленные как внутренними закономерностями развития языка, так и экстралингвистическими факторами, в частности, отсутствием культуры восприятия товарных знаков как охраняемого объекта интеллектуальной собственности.

Современный мир переживает третью технологическую революцию. После промышленной технологизации XVIII – XIX вв. и технологизации менеджмента XX в. человечество предалось гуманитарной технологизации. Её суть можно охарактеризовать как индустриальное (а значит, высокотехнологичное) производство образов, образов различным по своим целям, но имеющих общую черту: структуризацию символического мира, его организацию по заданным параметрам. Символический мир человека стал объектом технологического воздействия. Стоит заметить, что символическая оболочка человечества никогда не была свободным эфиром и претерпевала те или иные произвольные влияния религии, государственных и иных идеологий. К образам, продуцируемым индустриально и для индустриальной колонизации символического мира человека следует, в первую очередь, отнести различные политические дискурсы, а также рекламные образы. В массовом сознании рекламные образы сливаются в одно целое и потребляются как специфическая

картина мира. Рекламный образ в силу своей гиперимплицитности и гиперэкспрессивности представляет собой мозаичную структуру, связываемую воедино лишь рекламируемым товаром. Герой рекламного образа – товар, который сакрализуется, наделяется божественными способностями управлять стихиями и человеком. Рекламный текст – идеологический текст, так как он создаётся для формирования, поддержания или коррекции определённой идеологии – идеологии бесконечного потребления. Воздействие художественного образа «накапливается» в человеческой психике (в том числе и неосознанно), создаёт некий эмоциональный тон и может привести к качественным изменениям мироощущения, ценностей и поведения. Именно в формате перцепции запускается воздействующий механизм рекламы: фигура структурируется из фона, понимаются и усваиваются смыслы, инициируются процессы идентификации и проекции или, другими словами, запускается рекламная коммуникация. По мнению отечественного психолога Д.А.Леонтьева, рекламу можно отнести к практикам направленной трансляции смыслов. Рекламный текст – сложный феномен, в котором можно выделить различные типы структур: логическую, синтаксическую, семантическую, временную и др. Реклама объективно в целях оптимизации затрат вынуждена использовать малые формы свёрнутой, фрагментарной и подчас скрытой организации текста, т.е. авторы рекламных текстов используют специальные техники упаковки и архивации рекламных смыслов и образов. На макроуровне смыслообразующие функции рекламного образа выполняет рекламируемый товар и/или услуга. Именно товар придаёт смысл видео -, аудиоряду в случае с теле-, радио- или текстовой рекламой. На микроуровне (уровень структуры рекламного сообщения) одним из лучших механизмов упаковки смыслов и образов в жёстком имплицитном формате рекламного сообщения является метафора. Восприятие метафоры всегда требует от реципиента «прыжка воображения», иначе – интеллектуальной (активной) обработки, осмысливания. В рекламных текстах используются как визуальные, так и вербальные и музыкальные метафоры. Одним из классических примеров использования визуальной метафоры является рекламная кампания сигарет «Silk Cut» (отрез шёлка). Производитель дал массивную наружную рекламу, когда по дорогам США с частотой в несколько миль были установлены щиты с фотографическим изображением отреза слегка колеблющегося фиолетового шёлка, в котором имелся разрез, как будто материал рассекли бритвой. Кроме правительственного предупреждения о вреде курения рекламный щит не содержал никакой вербальной информации. Данный образ не просто иллюстрирует название сигарет, но также направлен на смягчение представлений о сигаретах, использование которых может привести к воспалённому горлу, кашлю и другим негативным последствиям. Данный образ с семиотической точки зрения может быть интерпретирован как метафора. Мерцающий шёлк с чувственными кривыми призван символизировать женское начало. Очевидны из такого понимания и маркетинговые цели: целевая аудитория, позиционирование товара и т.д.

Возможно представить и более сложные конструкции, такие как совмещение метафоры и метонимии. В качестве образной метонимии можно рассматривать рекламный образ сигарет «Marlboro» - одинокий ковбой как составная часть образа сильного и свободного человека. Вербальная часть маркетинговой коммуникации, представленная рекламой, обладает определённой спецификой. Восприятие в данном случае имеет сукцессивный характер, т.е. текст может восприниматься и зрением, и слухом и возможно моделирование ситуации полисемантичности рекламного образа. Принципиальное значение такая модель имеет относительно конструирования слоганов. «Слоган» определяется в словаре Уэбстера как «Галльское слово «sluaghgairm» (sluagh – враг, gairm – призыв), обозначавшее боевой клич во время войны различных шотландских кланов.

1. лозунг или мотто (девиз) политической партии;
2. запоминающаяся фраза в рекламе товаров.

Слоган представляется нам упаковщиком смыслов, основной задачей которого состоит в организации образа, смысла рекламируемого объекта. В случае с корпоративной рекламой в слогане локализована имиджформирующая информация. Такого плана информация содержит в себе два разнонаправленных вектора: заострённость эмоциональной составляющей и размытость по когнитивному компоненту. Хороший слоган совмещает чёткую образную фигуру, несущую многообразие на дозированной информационной основе. В слогане Tefal «Ты всегда думаешь о нас» задано чёткое эмоциональное состояние (позитивное чувство приятных отношений – контекст задаётся звуком и цветом рекламы) при неопределённости субъекта и объекта действия (непонятно, кто и о ком думает). Субъектом действия может выступать как реципиент, думающий о компании Tefal, так и компания Tefal, думающая о нас – потребителях. Фигура и фон меняются местами, а потребители получают слоган с большим идентификационным потенциалом (каждый осмысливает текст исходя из: установки, личного опыта, личных смыслов и т.д.).

Следующий пример иллюстрирует вариант совмещения метафоры и метонимии. Компания Stanley предложила своим потребителям слоган «Stanley – в порядке вещей». С одной стороны – это метафора – иметь стенные шкафы Stanley в порядке вещей (всё равно, что иметь телевизор), с другой стороны – метонимия (стенные шкафы представлены посредством части предмета – вещи будут в порядке).

Ценность подобных конструкций состоит, во-первых, в большом смысловом диапазоне, инициирующем интеллектуальную переработку информации, во-вторых, в развёртывании имиджформирующей информации (заострённость аффекта при диффузной когниции). Важно отметить, что восприятие таких конструкций разворачивается в активном режиме с подключением смысловых образований реципиента, а, следовательно, более эффективными будут процессы запоминания и воспроизведения маркетинговой информации. Полисемантические рекламные образы предполагают построение нескольких фигур, запускают коммуникативный процесс как активное интеллектуальное овладение значениями, что определяет реакции потребителя (покупки, обращения, обсуждение полученной информации и т.д.). Создание рекламного образа в лингвомаркетологической сфере как в теоретическом плане, так и в практической деятельности требует гуманитарных технологий, включающих диагностические и прецизионные этапы и являющихся по своей методологической сути междисциплинарными лингво-маркетингово-психологическими. Определение архетипа образа, придание образу полисемантической проектно-ориентированности, существенной методологической предпосылкой которого является освоение идеи фронезиса.

Литература:

1. Григоренко И.Н. Текст как пространство реализации смысла и когниции (на материале текстов по изобразительному искусству на русском и английском языках): дис. ... д-ра филолог. наук. Краснодар, 2002.
2. Григоренко И.Н. Коммуникативные приемы использования вербальных и паравербальных знаков текстового пространства // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. №1-2 (57-58). С. 23-28.
3. Григоренко И.Н. Концептосфера текста информационного характера // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. №4. С. 41-48.

А. П. ДЫНЬКО

*доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук
(Россия)*

М. В. КУЛИШ

*доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук
(Россия)*

A. P. DYNKO

*Associate Professor of Civil Law and Process
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

M. V. KULISH

*Associate Professor of Civil Law and Process
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF PROPERTY OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Аннотация. В настоящей статье представлена и изложена сущность определенных особенностей правового режима имущества индивидуального предпринимателя в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой режим имущества, индивидуальный предприниматель.

Annotation. This article presents and outlines the essence of certain features of the legal regime of property of an individual entrepreneur in the Russian Federation.

Keywords: the legal regime of property, a sole proprietorship.

«Институт предпринимательства является сегодня одним из важнейших предметов исследования правовой и экономической науки. Анализ экономической природы предпринимательской деятельности показывает, что ее смысл состоит в способности хозяйствующего субъекта реагировать на потенциальный источник выгоды, то есть увидеть и реализовать открывшиеся возможности» [2].

Как известно, ст. 34 Конституции Российской Федерации разъясняет, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности [1].

Официальное (легальное) определение предпринимательской деятельности дано в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ: «Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

Нам представляется, что к предпринимательству относятся, по сути, любые виды хозяйственной деятельности, если они не запрещены законодательством нашего государства.

Предпринимательская деятельность включает в себя внешнеторговую деятельность, целями которой является защита экономического суверенитета, обеспечение экономической безопасности Российской Федерации, стимулирования развития национальной экономики при осуществлении внешнеторговой деятельности и обеспечения условий эффективной интеграции экономики в мировую экономику.

Однако Конституция Российской Федерации запрещает предпринимательскую деятельность, которая направлена на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, что по нашему мнению является совершенно разумным и справедливым.

Имущественное положение индивидуального предпринимателя также представляет собой одну из форм проявления его правового положения.

Имущество индивидуального предпринимателя закрепляется за ним на определенном правовом режиме. Любой самый сложный правовой режим, по мнению С.С. Алексеева, образуется из норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей [3].

Что же касается правового режима имущества предпринимателя, то он заключается в существовании особых правил реализации правомочий по владению, пользованию и непосредственному распоряжению данным имуществом в ходе хозяйственной деятельности и отчуждению.

Отметим, что содержание правового режима имущества зависит от оснований приобретения самого имущества, его состава, формы собственности и других видов вещных прав, а также порядка погашения его стоимости, а равно оснований и порядка прекращения прав на это имущество.

Как известно, различный правовой режим устанавливается в зависимости от вида вещных прав на имущество: правовой режим общей долевой собственности, правовой режим общей совместной собственности, правовой режим хозяйственного ведения, оперативного управления и др.

Особенности правового режима определяются также видами самого имущества (правовой режим использования жилого помещения, правовой режим землепользования). Правовой режим имущества индивидуального предпринимателя в основном регулируется гражданским и налоговым законодательством. Отдельные вопросы затрагиваются семейным, гражданско-процессуальным правом.

Правовой режим имущества индивидуального предпринимателя в предпринимательском праве определяется как частноправовыми, так и публично правовыми элементами.

Вместе с тем, согласно действующему законодательству нашей страны, правовой режим имущества индивидуального предпринимателя менее подвержен публично-правовому регулированию, нежели правовой режим имущества коммерческого юридического лица.

В частности, в законодательстве не содержится требований к минимальному размеру имущества, принадлежащего индивидуальному предпринимателю, индивидуальные предприниматели не обязаны также соблюдать нормы о бухгалтерском учете имущества, обязательств и хозяйственных операций, которые оказывают значительное влияние на правовой режим имущества юридических лиц.

Кроме того, законодательство не содержит и требований по формированию обязательных фондов и резервов индивидуального предпринимателя, как это предусмотрено

для юридических лиц. Имущество индивидуального предпринимателя не обособляется в фонды.

Имущество выступает в качестве объекта правового режима имущества индивидуального предпринимателя.

Логично, что у индивидуального предпринимателя возникают права и обязанности по поводу имущества, используемого им в предпринимательской деятельности. Указанные права и обязанности могут носить абсолютный и относительный характер.

Кроме того, следует рассмотреть следующий спорный вопрос об имущественных обязанностях, прежде всего о долгах как имуществе.

Имущество индивидуального предпринимателя может быть образовано за счет долгов как источников формирования имущества, поскольку долговые обязательства с точки зрения их экономической природы и бухгалтерского учета представляют собой источник формирования имущества в целом и относятся к пассиву, а не активу баланса.

В том же случае, когда под имуществом понимается совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей, характеризующих имущественное положение их обладателя, правильно говорить о чистых активах или о показателе чистых активов, под стоимостью которых понимается величина, определяемая путем вычитания из суммы активов, принимаемых к расчету, суммы его пассивов, принимаемых к расчету.

Задача правового регулирования состоит в гармонизации и унификации понятия имущества в гражданском, учетном и налоговом праве. Это станет предпосылкой повышения прозрачности предпринимательской деятельности индивидуального предпринимателя, упростит процедуры контроля за его деятельностью.

Вместе с тем, необходимо сохранить диспозитивное применение норм бухгалтерского учета к деятельности индивидуального предпринимателя.

Таким образом, мы считаем, что к имуществу индивидуального предпринимателя, помимо материальных и нематериальных благ, относится и определенного рода информация, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) и иные объекты прав, имеющие стоимостную оценку, являющиеся продуктом труда.

То есть, это все виды объектов прав, предназначенные для осуществления предпринимательской деятельности, в отношении которых выполняются следующие условия:

- имеют определенную денежную стоимостную оценку;
- обособлены от иных объектов прав;
- имеют количественное измерение;
- являются продуктом непосредственного труда;
- в отношении них существует возможность фиксации правовой связи объекта прав и субъекта (индивидуального предпринимателя) в правовой форме;
- им присуща отчуждаемость (необязательный признак в случае с деловой репутацией).

Отметим, что индивидуальный предприниматель, так же как и юридическое лицо, несет ответственность всем своим имуществом. Однако, в отличие от юридического лица, особенность имущественной ответственности индивидуального предпринимателя состоит в том, что в отношении него законодательством закреплён перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание.

Целью деятельности индивидуального предпринимателя является прибыль как финансовый результат такой деятельности. Действительное имущественное положение бизнеса, а не физического лица, а также финансовые результаты предпринимательской дея-

тельности индивидуального предпринимателя невозможно оценить, не отделив его личные имущество и обязательства от предпринимательских.

Один из показателей, который напрямую характеризует реальное имущественное положение индивидуального предпринимателя, является показатель чистых активов, который уже применяется судами при оценке имущественного положения крестьянских (фермерских) хозяйств.

В частности, в силу сложившейся судебной практики в случае выхода члена из хозяйства расчеты с ним будут осуществляться с учетом стоимости чистых активов, т.е. стоимости имущества с учетом принимаемых к учету расходов и обязательств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с попр.) // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. от 10.01.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Волгин В.В. Индивидуальный предприниматель: практическое пособие. М.: Маркетинг, 2006.
4. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987.
5. Тархов В.А. Предмет гражданского права. Имущественные отношения // Гражданское право. 2009. № 1.

А. А. КУМУК

*преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Ю. С. ДЕНИСЕНКО

*студентка юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

A. A. KUMUK

*Teacher of the Civil Law and Process Chair
ANO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

Yu. S. DENISENKO

*Student of the Faculty of Law
ANO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

ACTUAL PROBLEMS OF ELECTORAL LAW

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы избирательного права.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, избирательное право, выборы, нарушение избирательного законодательства, выборы, несовершенство законов.

Annotation. The actual problems of electoral law.

Keywords: The universal Declaration of human rights, suffrage, elections, violations of electoral law, elections, legislative shortcomings.

Правовое государство немислимо без проведения выборов как способа делегирования власти народа представительным органам. Свободные и периодические выборы повышают значение государства в демократическом обществе. Избирательное право обеспечивает действенное участие граждан в формировании представительных органов не только на федеральном, но и на муниципальном уровне, и в большей степени дает ощущение принадлежности гражданина к своему государству и демократизму этого государства.

Провозглашенные и зафиксированные в международных документах как, Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о политических и гражданских правах, универсальные принципы избирательного права в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, подлежат гарантированной защите и исполнению [1, с. 39]. Одним из главных является право избирать и быть избранным. Действующее российское законодательство закрепляет меры юридической ответственности за нарушение избирательных прав участников выборов. Но, как и любая система имеет изъяны, так и в случае ответственности за нарушение избирательного законодательства проявляются пробелы. Все более усиливается недоверие и предвзятость к результатам выборов у общественности, прослеживается падение доверия к институту выборов.

Проблемы ответственности за нарушение избирательных прав известны в правоприменительной практике с древних времен. Происходит постоянное совершенствование средства правовой защиты и реализации ответственности за нарушение прав участвующих в выборах лиц и выборных производств. Нарушения избирательного законодательства фиксируются на каждых выборах. Как показывает анализ, нарушителями зачастую ис-

пользовались недостатки в избирательном законодательстве. В частности большое количество нарушений происходит из-за отсутствия правильного регулирования замены не явившихся в избирательные участки по каким-либо причинам членов избирательных комиссий, что приводит к срыву голосования на отдельных регионах или участках.

Еще одна из важнейших проблем нарушения избирательного законодательства является не возможность проверки сообщения о нарушении, касающихся конституционных гарантий избирать и быть избранными. В данном случае законодатель полагается на здравый смысл самих проверяющих.

Существуют весьма характерные примеры данных нарушений, одним из таких стал случай в г. Иркутске, где происходило «организованное голосование» студентов. К участию в выборах студенты были перевезены в другой город для голосования, фактически с целью манипулирования результатами выборов. Необходимо отметить также такой существенный пробел в избирательном законодательстве, как ответственность за нарушение членов избирательной комиссии за предоставленные в ненадлежащем виде копии протокола. Если копия протокола оформлена ненадлежащим образом или фактические данные в протоколе не соответствуют данным юридически значимого протокола избирательной комиссии, то составители копии не несут никакой ответственности [3, с.15].

Еще к одной из наиболее важных проблем относят практику последних лет, которая свидетельствует о неудовлетворительной, а порой и политически ангажированной работе территориальных и участковых избирательных комиссий. Для того, что бы устранять данные пробелы и не допускать правонарушений, необходимо предпринять меры по модернизированию избирательного законодательства, а также учесть практику устранения правонарушений предыдущих лет.

Главным содержанием вносимых законодателем изменений должно быть закрепление в законе таких механизмов, которые бы обеспечивали достаточно полную реализацию гарантий избирательных прав граждан на выборах любого уровня [2, с. 35]. Эти изменения необходимы для того, чтобы на каждом этапе избирательной кампании появились непреодолимые препятствия, тем, кто стремится во власть, для обеспечения личных или узко корпоративных интересов, а также для тех, кому не известны моральные и правовые ограничения. Изменения должны обеспечить присутствие в законе четких и ясных правил, обязательных, прежде всего, для избирательных комиссий всех уровней. Эти правила должны исключать субъективизм в подходах избирательных комиссий, зависимость их решений и действий от какого-либо воздействия со стороны, от конкретного состава комиссии, уровня компетентности ее членов, наличия у них опыта разрешения тех или иных ситуаций [6, с. 130].

Необходимо ликвидировать и условия возможного неравенства доступа кандидатов к средствам массовой информации, прежде всего к тем, что находятся в частной собственности. Ныне деятельность этих СМИ законом не регулируется. Эти средства могут использовать в неограниченном объеме те кандидаты, что имеют в своем избирательном фонде больше денежных средств по сравнению с другими кандидатами. Такие кандидаты скупают все или почти все «общественно значимое» время на телеканалах и тем самым блокируют возможность распространения информации о своих соперниках [4, с. 45].

Кандидаты, избирательные объединения и избирательные блоки, которые ограничены в этих средствах, практически не имеют возможности использовать СМИ за плату, а значит, и довести свою программу до сведения избирателей своего округа они не могут или эта задача решается ими лишь отчасти. Эта проблема свидетельствует не только о допущении неравенства условий деятельности всех кандидатов, но и об известном ограничении права избирателей на получение полной информации обо всех кандидатах. Решить эту проблему можно установлением в законе пределов времени, предоставляемого на каналах

частных СМИ. Эти пределы не должны, очевидно, значительно превышать те объемы времени (печатной площади), что предоставляются кандидатам государственными или муниципальными СМИ.

Мы все заинтересованы в честных и демократически справедливых выборах, но нужен не только интерес, а деятельные совместные усилия в достижении этой цели. Ни Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, ни региональная (республиканская, областная, краевая и т.п.) избирательная комиссия (соответственно в масштабах страны или региона) не смогут обеспечить всеобщий контроль над проведением выборов, организацией голосования и подсчетом голосов избирателей на всех многочисленных избирательных участках [5, с. 167]. Контроль могут и должны осуществлять кандидаты и политические партии, другие общественные объединения, направляя своих наблюдателей на каждый избирательный участок. Но наблюдатели должны быть не только людьми добросовестными и ответственными, но и знающими свои права и законодательство о выборах. Только совместная работа всех организаторов выборов и заинтересованных участников избирательного процесса может обеспечить демократические свободные и честные выборы.

Литература:

8. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с попр.) // СПС «Консультант-Плюс», 2017.
9. Колюшин Е.И. Концепция модернизации избирательного и связанного с ним законодательства // Вестник Московского университета. 2013. № 1. С. 35.
10. Андреева Л.А., Красовская Н.Р., Степанов И.С. Проблемы защиты гражданских прав в избирательном законодательстве Российской Федерации. М., 2015. № 7. С. 15.
11. Артемова О.Е. Нормотворческие полномочия Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 45.
12. Волков В.Э. Злоупотребление правом в электорально-информационных отношениях: анализ избирательной кампании. М., 2014. № 11-1. С. 167.
13. Макарецев А.А. Легитимность выборов: механизмы правового обеспечения // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 130.

Э. А. МЕДВЕДЕВА
*старший преподаватель кафедры административного права
и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

E. A. MEDVEDEVA
*Senior Lecturer of the Department of Administrative Law
And law enforcement
ANO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

ОСОБЕННОСТИ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ

PECULIARITIES OF PRIVATIZATION IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассмотрены недостатки организационного обеспечения приватизации государственной и муниципальной собственности в России, ее негативные последствия.

Ключевые слова: приватизация, государственное имущество, муниципальное имущество, правовая база.

Annotation. In the article, the most significant lacks of legal and organizational maintenance of privatization of the state and municipal property of Russia and its negative consequences are considered.

Keywords: privatization, the state property, municipal property, legal base, bankruptcy, economic crimes.

Приватизация - это сложный, живой и объективный процесс, имеющий множество разнообразных функций и включающий в себя различные формы. В конце XX приватизация стала общемировым явлением и важнейшим экономическим элементом, с помощью которого экономически обновился постсоциалистический мир, развивалась частная собственность и рыночное хозяйство. Разгосударствление произошло более чем в 80 странах. В те годы шла смена социально-экономической модели, все это требовало полной перестройки отношений собственности. При приватизации госпредприятий политические, экономические и социальные мотивы переплетаются между собой, и приватизация рассматривается составная часть реформирования экономики. В 80-е годы экономика России была в критическом состоянии и спасти ее могла лишь приватизация и затягивать с этим было нельзя, т.к. это могло привести страну до беды, настоящей стихии: утери государственного контроля над идущим процессом разгосударствления. Приватизация в каждой стране протекает по-своему. Как говорилось выше, в России данный процесс происходил в несколько этапов, которые так же имеют свои особенности. В России отчуждение государственного имущества в собственность физических и юридических лиц происходило главным образом в форме акционирования госпредприятий двумя способами: мелких предприятий - продажей на аукционах; крупных – преобразованием в акционерные общества.

В ее процессе (с начала 1992 г.) имели место четко фиксируемые этапы [1, с. 56-62].

Первый этап – законодательство периода массовой (т.н. «ваучерной») приватизации (1992-1994 гг.). К этому моменту, т.е. за два с половиной года, количество государственных и приватизированных предприятий стало соответственно 57,2 и 42,8%.

Предваряют этот этап законодательные акты по приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР еще летом 1991 года. Однако практическая реализация положений этих законов началась лишь в 1992 году.

Основной массив документов этого периода составили закон «О кооперации», «Основы законодательства об аренде» и постановления «Об акционерных обществах», Указы Президента Российской Федерации, в том числе от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества»; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»; от 24 декабря 1993 г. «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Второй этап – законодательство периода денежной приватизации (1994-1999 гг.).

Базовым документом для начала денежной приватизации стал Указ Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 г. «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года». Однако важнейшим нормативным правовым актом этого периода является Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации».

Третий этап – совершенствование правовых основ распоряжения государственной собственностью (1999-2003 гг.).

В этот период был принят закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», который под приватизацией понимает «возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц». Этот закон в статье 17 определяет следующие способы приватизации: продажа государственного или муниципального имущества на аукционе, на коммерческом конкурсе с инвестиционными или социальными требованиями, продажа акций работникам предприятий, выкуп арендованного имущества, преобразование унитарных предприятий в открытые акционерные общества, внесение государственного или муниципального имущества в качестве вкладов в уставные капиталы хозяйственных обществ. Определение приватизации, установленное в законе, описывает экономическую суть этого явления – перераспределение государственной и муниципальной собственности [2, с.66].

В итоге ваучерного этапа приватизации в России произошел передел собственности, были обеспечены экономические гарантии невозможности возвращения советского режима. Однако под контролем государства остался ряд перспективных звеньев экономики, включая железнодорожную сеть, авиационное и ракетно-космическое производство, энергетическую систему.

Вместе с тем отсутствие опыта, особенности социальной структуры, сложившейся в России в условиях плановой системы, способствовали возникновению определенных негативных моментов процесса приватизации.

В связи с массовой приватизацией открылись широкие возможности для отмывания денег. Приватизация часто проводилась без должного представления о перспективах приватизируемого предприятия, в результате на этих объектах часто прекращалось производство, они переоборудовались под офисы, использовались как торговые помещения и т.д.

Страну захлестнула бесконтрольная приватизация, когда государственная собственность практически без нарушения закона стала просто передаваться частным лицам.

В результате приватизации в России сформировались негосударственный сектор экономики в короткие сроки, рыночные институты и новый корпоративный сектор экономики (рынок ценных бумаг, акционерные общества, банки, система институциональных инвесторов, страховые компании), произошло распределение юридических прав собственности на приватизированное имущество, при этом социальные конфликты были сведены к минимуму.

Ряд стратегических целей приватизации достигнут не был, несмотря на то, что к концу 90-х гг. XX в. уже была решена задача изменения форм собственности в целом:

- широкий слой эффективных частных собственников не был сформирован;
- увеличение эффективности деятельности предприятий в результате структурной перестройки экономики не произошло;
- инвестиций, которые были привлечены, в процессе приватизации оказалось недостаточно для технического, социального и производственного развития предприятий;
- в некоторых отраслях свое конкурентное положение предприятий на мировом и отечественном рынке не удалось сохранить.

На практике приватизация государственной собственности в России была такой, что созданы, были, по сути, частные системы централизованного планирования, частные монополии, которые заменили централизованное планирование государства.

В результате отсутствия профессионализма и неприменения опыта других стран произошло резкое снижение валового внутреннего продукта, продолжавшееся в течение ряда лет, резко перестроилась сама структура экономики и производства, а также увеличилось социальное неравенство. Социальное неравенство выражалось разрывом минимальной и максимальной заработной платы, способом получения денег и получением на данные средства необходимых благ [3, с.172].

В настоящее время нельзя изменить итоги приватизации, поэтому главным для предприятий, отраслей и экономики становится постприватизационное их развитие. Данное обстоятельство позволит решить ряд проблем, связанных с кризисными.

Приватизация выявила массу лазеек для незаконных действий, коррупции, которые негативно сказались на экономике впоследствии. Нарушения привели к созданию узкого слоя богатых собственников, что усилило противоречия между населением.

На данный момент в нашей стране складывается такая ситуация, когда темпы преобразования намного опережают создание новой модели государственного управления экономикой. Все это ведет к образованию организационно-управленческого вакуума, который значительно усложняет вхождение предприятий в рыночную среду.

Процессы приватизации неизбежны, и в срок от одного года до трех лет Правительством РФ утверждается прогнозный план приватизации, в котором указываются основные направления и задачи приватизации федерального имущества на плановый период, прогноз влияния приватизации этого имущества на структурные изменения в экономике, в том числе в конкретных отраслях экономики, характеристика федерального имущества, подлежащего приватизации, и предполагаемые сроки его приватизации. Но нельзя повторять ошибок 1990 годов. Реализация госимущества должна быть экономически оправданна, целесообразна, уменьшение расходной части бюджета путем освобождения государства от необходимости поддержки приватизированных предприятий и с увеличением доходов бюджета за счет поступления средств от приватизации должно содействовать финансовой стабилизации. Необходимо учитывать конъюнктуру и тенденции рынка.

Не должно быть продаж акций за бесценок, по бросовой цене. Бюджету это не принесет особой пользы, к тому же такая практика чревата захватом предприятий конкуриру-

ющими компаниями, а это в конечном итоге тоже не самое лучшее для рынка. Этого, безусловно, нужно избежать.

Обобщая процесс российской приватизации, можно сказать, что идет он сложно [4].

Неудовлетворительность результатов предыдущих этапов приватизации требует перенесения центра внимания от раздачи и перераспределения собственности в направлении создания условий для роста эффективности и конкурентоспособности производства, проведения активной структурной перестройки, развития инвестиционного процесса и модернизации управления. В переходной экономике процесс разгосударствления должен сочетаться с формированием эффективной государственной собственности и адекватной рыночной экономике

Что же касается прогноза на будущее, то приватизация в России показывает следующие перспективы: ведущим способом приватизации станет продажа предприятий (имущества, пакетов акций) на инвестиционных конкурсах; сложились условия для перехода к оригинальным моделям приватизации в регионах; индивидуализация условий приватизации оставшихся государственных крупнейших научно-производственных комплексов, малых и средних предприятий [5].

Тема приватизации 90-х годов не закрыта. Это не значит, что поставлена под сомнение необходимость приватизации как одного из важных процессов, формирующих современное российское общество, или что приватизацию нужно полностью пересмотреть, а собственность переделить. Но вот проверить совершенные сделки на соответствие закону необходимо. И на основании выявленных и доказанных фактов в судебном порядке обеспечить восстановление нарушенных прав собственника – государства.

Литература:

1. Бесценный О.М. Этапы приватизации в России. М., 2007. С. 56-62.
2. Бутук А.И. Экономическая теория: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Вектор, 2003. С.66.
3. Богачев В.И., Дидоренко Э.А. Экономико-правовые вопросы рыночных отношений. Луганск: Книжный свет, 2008. С. 172.
4. Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Петров Г. Особенности приватизации в Украине: правовое регулирование 1989-1992 гг. // Экономика. Декабрь 2012.

К. Е. МИНИНА

*студентка юридического факультета
АНОО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

А. П. ДЫНЬКО

*доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

К. Е. MININA

*student of the Faculty of Law
ANOO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

A. P. DYNKO

*Associate Professor of Civil Law and Process
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЛУЧАЕ АВИАКАТАСТРОФЫ

QUESTIONS OF DELIMITATION OF CIVIL-LAW RESPONSIBILITY IN CASE OF CRASH

Аннотация. Российская Федерация определила одним из приоритетных направлений своего развития до 2020 г. обеспечение безопасности в сфере воздушных перевозок. Это связано с тем, что согласно Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а значит, их эффективная охрана и защита - обязанность государства.

Ключевые слова: катастрофы, компенсация, вред, происшествия, жертвы, самолет, груз, ответственность.

Annotation. The Russian Federation has identified one of the priority directions of its development up to 2020 security in the field of air transport. This is due to the fact that according to the Constitution of man, his rights and freedoms are the Supreme value, and therefore their effective conservation and protection of the obligation of the state.

Keywords: catastrophe, compensation, damages, accidents, casualties, aircraft, cargo, responsibility.

В настоящее время Россия стала одним из самых опасных мест для авиAPERелетов. В Российской Федерации в 2007 году года произошло 21 авиационное происшествие, из них 12 катастроф, где погибло 40 человек. В 2008 году за 11 месяцев произошло 27 авиационных происшествий, в том числе 14 катастроф, где погибло 143 человека. Если сравнивать 2007 и 2008 год, то можно заметить, что авиационные происшествия увеличились на 23 %. Часто причиной катастрофы являются человеческий фактор. Настоящую причину могут скрывать долгие годы. Страховые выплаты часто не соответствуют нормам российского законодательства и международным стандартам. Одна из крупнейших авиакатастроф произошла с самолетом Боинг 737-500 в сентябре 2008 года при посадке в Пермь, в результате которой из жизни ушло 88 человек, из них 6 членов экипажа и 82 пассажира. Компенсационные выплаты в соответствии с изменением воздушного закона РФ от 6 июня 2008 года выросли в 20 раз, и выплата родственникам погибших составила 2 миллиона

рублей. Родственникам погибших при авиакатастрофах могут выделить не более 25 тысяч рублей на похороны (ст. 1094 ГК РФ).

С середины 20 века начали вести полноценную статистику авиапроисшествий. Из-за ряда крупных авиакатастроф началось ужесточение стандартов безопасности. В итоге к середине 1980-х годов число погибших сократилось более чем в два раза. Если рассматривать мировую статистику в 1970-2000-х, можно увидеть понижение погибших. Однако, за последние несколько лет, Россия, начиная с 2012 года, заняла первое место по количеству жертв и катастроф. Авиакатастрофы происходят при снижении и приземлении самолета, но тут чаще всего обходятся без пострадавших. В основном люди погибают во время взлета самолета и набора высоты.

При перевозке в основном появляются следующие проблемы: утрата багажа; порча имущества; совершение террористических актов на воздушном транспорте, вследствие чего может привести к катастрофе и другие ситуации, в случаях наступления гражданско-правовой ответственности.

Федеральный закон "О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации" от 03.07.2016 N 291-ФЗ сказано, что перевозчик обязан предоставить выплаты компенсации «гражданам, имеющим право на возмещение вреда в случае смерти кормильца в соответствии с гражданским законодательством, при отсутствии таких граждан - родителям, супругу, детям умершего пассажира, а в случае смерти пассажира воздушного судна, не имевшего самостоятельного дохода, - гражданам, у которых он находился на иждивении, в сумме два миллиона рублей. Указанная компенсация распределяется между гражданами, имеющими право на ее получение, пропорционально количеству таких граждан» (п. 1.1 ст. 117 ВК РФ) Одним из способов защиты своих прав и благ является компенсация морального вреда. В ст. 151 ГК РФ определяет моральный вред как причинение гражданину физических или нравственных страданий. Компенсация морального вреда осуществляется в случаях, когда вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности, к которому также относится и воздушное судно (ст. 1100 ГК РФ). Компенсация морального вреда взимается с владельца воздушного транспорта, независимо от его вины. На практике судьи иногда отказывают гражданам в исках, обращенных к авиакомпаниям, согласно ст. 151 ГК РФ суд может возложить компенсацию на нарушителя, например на пилота, если его вина доказана. Компенсацию морального вреда можно требовать с юридического лица, которому принадлежит воздушный транспорт в случае, когда это предусмотрено трудовым договором. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий (п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

Один из видов гражданско-правовой ответственности в случае авиакатастрофы является компенсация морального вреда (ст. 117 ВК РФ). Выплата в денежной сумме не вернет жизнь близких людей пострадавших в авиакатастрофах, но стоит отметить, что большую часть суммы составляет компенсация за моральный вред. Таким образом, институт компенсации морального вреда является правовым институтом и имеет важное значение для защиты прав и благ граждан, которые носят личный неимущественный характер. Воздушный кодекс Российской Федерации предусматривает, что перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза после принятия их к воздушной перевозке и до выдачи грузополучателю или до передачи их согласно установленным правилам другому гражданину или юридическому лицу в случае, если не докажет, что им были приняты все необходимые меры по предотвращению причинения вреда или такие меры невозможно было принять. (п. 1 ст. 118 ВК РФ). Так же перевозчик несет ответственность за сохранность находящихся при пассажире вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) этих вещей произошли вследствие об-

стоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, либо умысла пассажира (п. 2 ст. 118 ВК РФ). В соответствии с п. 3 ст. 118 ВК РФ перевозчик может быть освобожден от ответственности за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза, если докажет, что это произошло не во время воздушной перевозки. Так же перевозчик несет ответственность в случае авиакатастрофы в соответствии со ст. 119 ВК РФ за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа, груза в следующих размерах:

1) за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа, груза, принятых к воздушной перевозке с объявлением ценности, – в размере объявленной ценности. За воздушную перевозку багажа или груза с объявленной ценностью с грузоотправителя или грузополучателя взимается дополнительная плата, размер которой устанавливается договором воздушной перевозки багажа или договором воздушной перевозки груза;

2) за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа, груза, принятых к воздушной перевозке без объявления ценности, – в размере их стоимости, но не более шестисот рублей за килограмм веса багажа или груза;

3) за утрату, недостачу или повреждение (порчу) вещей, находящихся при пассажире, – в размере их стоимости, а в случае невозможности ее установления – в размере не более чем одиннадцать тысяч рублей.

Согласно п. 3 ст. 796 ГК РФ перевозчик обязан в случае повреждения (порчи) груза при невозможности восстановления груза возместить его стоимость, а также возратить отправителю (получателю) провозную плату не только за недоставленный груз (полностью или в части), но и за поврежденный (испорченный) груз. Воздушная перевозка грузов или почты осуществляются на основании договоров грузов в соответствии с заявками грузоотправителей и договорами об организации перевозок грузов, а также по мере предъявления их для перевозок, где перевозчик обязан доставить груз или почту в пункт назначения и выдать их грузополучателю, при этом грузоотправитель обязан оплатить за воздушную перевозку груза или почты (п.2 ст. 103 ВК РФ; ст. 785 ГК РФ).

Договор перевозки оформляется документами, которые имеют юридическое значение для определения взаимных прав и обязанностей сторон, участвующих в договоре.

К этим документам ВК РФ относит:

транспортную накладную, дорожную ведомость, квитанцию о приеме груза для перевозки.

Авиационная компания обязана выдать накладную получателю вместе с грузом. Таким образом, основная цель воздушного законодательства является устранение несоответствий внутренних норм и противоречия последних международным нормам. Это позволит нам избежать трудности в случаях авиакатастроф связанные с гражданско-правовой ответственностью и перевозок на воздушном транспорте гражданской авиации в Российской Федерации.

Литература:

1. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреаль, 28 мая 1999 г.) // Московский журнал международного права. 2001. №1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. (ред. от 07.12.2011г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. (ред. от 07.12.2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. (ред. от 30.12.2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. (ред. от 30.12.2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Алексеев С.С. Гражданское право: учебник. М.: Норма, 2011.6. Васильева В.В. Договор перевозки: юридические аспекты. М.: ГроссМедиа, 2010.

А. С. НЕМЦЕВА
магистр юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)

A. S. NEMTSEVA
Graduate student of the Faculty of Law
FGBOU HPE "Kuban State Agrarian University"
(Russia)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МНИМЫХ И ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF MULTIPLE AND CUSTOMER TRANSACTIONS

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы мнимых и притворных сделок, истории их развития, законодательного закрепления. По результатам исследования, автором делаются выводы по вопросам доказывания фиктивных сделок.

Ключевые слова: недействительная сделка, несостоявшиеся сделки, ничтожные и оспоримые сделки, фиктивные сделки, мнимые и притворные сделки.

Annotation. This article is devoted to the research of the legal nature of imaginary and feigned transactions, history of their development, legislative fixing. By results of the research, the author makes conclusions concerning the proof of dummy transactions.

Keywords: invalidity of transactions, cancelled transactions, insignificant and voidable transactions, dummy transactions, imaginary and feigned transactions.

Вопрос о правовой природе мнимых и притворных сделок до настоящего времени не получил однозначного решения в правоприменительной практике и научной российской теоретической доктрине, равно как и вопрос о правовой природе недействительности сделок как таковых, что неизбежно приводит к возникновению проблем при рассмотрении дел данной категории в судах при принятии решений. И как следствие вышеуказанная проблематика приводит к торможению развития отечественного гражданского законодательства в целом. Данные вопросы и проблемы непременно заслуживают внимания, но прежде чем рассматривать обстоятельства и условия, которые ведут к недействительности мнимых и притворных сделок, необходимо разобраться, что включает в себя юридическое понятие «недействительность сделок».

Дать ответ на этот вопрос достаточно сложно, поскольку действующее законодательство не дает однозначного, конкретного определенного законодательного понятия «недействительность сделок». Законодательная неопределенность понятия «недействительности сделки» в нормативных актах привела к тому, что ученые-цивилисты по-разному раскрывают сущность данной категории гражданского права.

Так, В.И. Шахматов считает, что недействительные и несостоявшиеся сделки являются аналогичными правовыми категориями, аргументируя свою позицию следующим: «Все несостоявшиеся сделки не соответствуют тем или иным требованиям норм права о составе сделки, поэтому нет надобности говорить в этих случаях о несостоявшихся сделках – все они являются недействительными. Выделение в самостоятельную группу несостоявшихся сделок не имеет никакого практического значения, так как последствия таких сделок определяется по правилам, установленным для недействительных сделок» [6]. Не

представляется возможным согласиться с данным выводом, поскольку недействительные сделки нарушают требования закона, а несостоявшиеся находятся вне поле зрения закона, поскольку при их не исполнении, не прослеживается нарушение чьих-либо прав и законных интересов.

Проведя анализ гражданского законодательства, а также изучая и обобщая мнения ученых, специализирующихся на изучении проблем гражданского права по данному направлению, можно говорить о том, что недействительная сделка – это неправомерное действие, в результате которого наступают не желаемые сторонами юридические последствия, а последствия, предусмотренные законом для недействительности.

Действующее законодательство в ст. 166 ГК РФ дает определение, что недействительные сделки бывают двух видов: ничтожные и оспоримые [1]. Современное представление о ничтожности и оспоримости юридических сделок в гражданско-правовой науке признается классическим. Неизбежность использования данных видов недействительных сделок в теоретической юриспруденции обусловлена более ранними теоретическими спорами юристов-цивилистов, проводимыми ими в научных работах, основанных на законодательных актах принятых в древнем Риме и Европе, теоретически основанных на анализе древнейших кодификаций.

Категории ничтожных и оспоримых сделок использовались как в римском праве, так и в европейском праве. Например, нормативные акты и нормы, затрагивающие данные категории гражданских правоотношений, содержатся в Гражданском кодексе Франции 1804 г. (Кодекс Наполеона), в Германском гражданском уложении 1896 г. и др., которые были изучены и применены в теоретических работах современных ученых, специализирующихся на изучении данной проблемы в современной правоприменительной практике и научных теоретических разработках [5].

Законодательно установленная специфика и отличие оспоримых сделок от ничтожных заключается в возможности их оспаривания именно конкретными заинтересованными лицами, перечень которых не подлежит расширительному толкованию, в то время как требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом, также суд вправе применить такие последствия по собственной инициативе.

Кроме того, законодательно установлено, что различие между данными видами недействительных сделок заключается в том, что ничтожная сделка недействительна с самого начала ее совершения, в то время как оспоримая в зависимости от решения суда признается недействительной с момента ее заключения либо вынесения решения суда.

В свою очередь мнимые и притворные сделки относятся к категории ничтожных сделок. Отнесение данных сделок именно к ничтожным связано с тем, что они в большинстве случаев нарушают права и законные интересы третьих лиц, которые не учувствовали в совершении сделки.

Упоминания о недействительности сделок, заключаемых лишь для вида, или сделок, совершенных с целью скрыть другую сделку, известны как дореволюционным, так и советским юристам. Так, Ю.С. Гамбаров отмечал: «...симулятивные сделки могут иметь форму мнимого акта либо форму прикрывающую мнимую сделку» [4]. Различные выводы, посвященные сделкам, имеющим мнимый или притворный характер, можно встретить в трудах таких цивилистов, как С.Ф. Березкина, Ю.С. С.А. Муромцева, К.П. Победоносцева и многих других.

Что касается законодательного закрепления, то первые попытки прослеживаются в начале XIX в. при разработке Проекта Гражданского уложения Российской империи 1809-1814 годов, в дальнейшем тенденция законодательного закрепления мнимых и притворных сделок продолжилась. Так, ст. 1587 Проекта Гражданского Уложения 1905 г. содержит

упоминания о недействительности мнимых и притворных сделках, которые почти в неизменном виде перешли в ГК РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1964 г., что было немаловажно для правового регулирования советских гражданских правоотношений.

Гражданский кодекс РФ в ст. 170 раскрывает понятия данных недействительных сделок: «1. Мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна. 2. Притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила» [1]. Так, обращает на себя внимание тот факт, что сущность понятий мнимой и притворной сделки являются устоявшимися и классическими определениями данных видов недействительных сделок.

В юридической литературе встречаются разные мнения по поводу правовой природы ничтожной и мнимой сделки. Одни утверждают, что данная категория относится к сделкам с пороками содержания, другие относят к сделкам с пороками воли. Видится целесообразным отнесение мнимой и притворной сделки именно к последнему составу недействительных сделок, поскольку действительность сделки предполагает совпадение воли и волеизъявления, что полностью отсутствует как в мнимой, так в притворной сделках. Однако, не всегда очевидно, что та или иная мнимая либо притворная сделка является недействительной. Фактически до признания в судебном порядке сделки мнимой или притворной она является действительной.

Так, обращение кредитором взыскания на имущество должника, которое было им отчуждено третьему лицу по фиктивной сделке в целях его сокрытия из основной конкурсной массы, невозможно без признания сделки отчуждения мнимой в судебном порядке, при этом установление мнимости либо притворности является одним из наиболее сложно доказуемых на практике юридических составов недействительных сделок. В подтверждение данной позиции рассмотрим определение Арбитражного суда Челябинской области от 18 февраля 2015 года по делу № А76-9687/2014. Конкурсный управляющий обратился с заявлением в суд о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, в рамках дела о банкротстве, ссылаясь на п.1 ст. 170 ГК РФ. Суд отказал в удовлетворении данного заявления, мотивируя это тем, что представленные конкурсным управляющим документы, не являются подтверждением того, что стороны не намеревались создать правовые последствия сделки по купле-продаже спорного имущества, а также наличия мотивов у ответчика для совершения мнимой сделки, с целью вывода имущества из конкурсной массы [2]. Аналогичные выводы можно встретить и при рассмотрении заявления о признании сделки притворной в определении Арбитражного суда Ставропольского края от 21 мая 2015 г. №А63-4751/2014 [3], а также в иных судебных актах.

Таким образом, чтобы сделка была признана мнимой либо притворной, необходимо наличие не только письменных доказательств, подтверждающих, что стороны не желали наступления тех или иных последствий либо намеревались создать другие правовые последствия, но и наличие факта недобросовестности действий ответчика, признаков заинтересованности сторон сделки, а также наличие мотива и целей, которые преследуются при совершении фиктивных сделок.

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что мнимые и притворные сделки имеют особое значение как в системе недействительных сделок в целом, так и в системе ничтожных сделок в частности. Данные основания ничтожности были известны задолго до современных правоотношений, поэтому утверждения о том, что данные сделки появились в нынешних правоотношениях, являются неверными. Установление ничтожно-

сти мнимой либо притворной сделки как показывает практика без решения суда практически невозможно, кроме того, сложность выявления признаков мнимости либо притворности создают определенные трудности в правоприменительной деятельности. Именно поэтому данная правовая категория заслуживает особого внимания и тщательного изучения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».
- 2.сОпределение Арбитражного суда Челябинской области от 18 февраля 2015 года по делу № А76-9687/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 21 мая 2015 г. № А63-4751/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гамбаров Ю.С. Русское гражданское право. Общая часть (1911). М.: Зерцало, 2003. С. 796.
5. Желокин С.С. К вопросу о разграничении недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в ГК РФ // Юрист. 2014. № 11.
6. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск: ТГУ, 1967. С. 311.

Т. В. ПАВЛЮШКЕВИЧ

*доцент кафедры предпринимательской деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат экономических наук
(Россия)*

М. А. КАЙНОВА

*студентка факультета предпринимательства, сервиса и туризма
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

T. V. PAVLYUSHKEVICH

*Associate Professor of the Department of Entrepreneurship
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of Economic Sciences
(Russia)*

M. A. KAINOVA

*Student of the faculty of business, service and tourism
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

ЛОЯЛЬНОСТЬ КЛИЕНТОВ – ГАРАНТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЫНКЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

LOYALTY OF CLIENTS - GUARANTEE OF COMPETITIVE SECURITY IN THE MARKET OF BANKING SERVICES

Аннотация. В статье приводится обзор классических и современных подходов к теоретической интерпретации и эмпирическим исследованиям лояльности клиентов к банкам. На основе анализа российских и зарубежных источников, результатов уже проведенных исследований автором предлагаются возможные пути углубления применяемых на российском исследовательском рынке методик измерения лояльности потребителей на рынке финансовых услуг.

Ключевые слова: лояльность, качество обслуживания, удовлетворенность, банковские услуги, банки, клиент.

Annotation. The article provides an overview of classical and modern approaches to theoretical interpretation and empirical studies of customer loyalty to banks. Based on the analysis of Russian and foreign sources, the results of the studies already conducted, the author suggests possible ways of deepening the methods used to measure consumer loyalty in the financial services market in the Russian market.

Keywords: loyalty, quality of service, satisfaction, banking services, banks, client.

Усугубление конкурентной борьбы на банковском рынке в настоящее время усложняет процесс привлечения новейших клиентов, по этой причине огромную значимость обретает умение сдерживать уже существующих. В настоящий период большая часть трудоспособного населения Российской Федерации (приблизительно 90%) ранее считаются клиентами банков. В связи с тем, что расходы на привлечение новейших клиентов регулярно увеличиваются, то и обстоятельство привлечения новейшего клиента никак не обеспечивает получение прибыли. Обслуживание стабильного клиента увеличивает возможность реализации эффективных кросс-продаж, а новейший клиент, скорее всего, никак не станет покупать внезапные услуги при первоначальном посещении банка. Подобным способом

деятельность по обеспечиванию требуемого уровня лояльности имеющихся клиентов банка обретает особенную значимость.

Понятие «лояльность» в последнее время все больше распространяется в сфере услуг. С экономической точки зрения, лояльность выгодна: согласно статистическим данным именно лояльные потребители способны увеличить прибыль банка от 25 до 85%. Присутствие позитивного отношения покупателей к банку и его продуктам и услугам (лояльности) считается базой устойчивого увеличения объема продаж и гарантирует результат в долгосрочной перспективе.

Для России тезис лояльности относительно новейшее понятие, чего никак не скажешь об европейских государствах, где степень преданности клиентов банков высока: таким образом, в 1 банке европейцы обслуживаются целыми поколениями. Российским банкам достигнуть такого высочайшего уровня трудно.

Несмотря на то, что конкретной трактовки термина «лояльность» ещё не существует, некоторые точки зрения экспертов по данному вопросу дают возможность определить лояльность последующим способом: лояльность – это верность клиента к банку, стремление продолжать долгосрочное совместную работу и желание рекомендовать компанию друзьям, приятелям и родным.

Важным условием удержания клиентов считается клиентоориентированная стратегия, так как условия по продуктам почти абсолютно во всех банках одинаковые. И непосредственно данный аспект представляет главную значимость, т.к. наряду с хорошим обслуживанием потребитель получает решение своих экономических нужд с наибольшим удобством и выгодой. Главным показателем преданности считается результативность взаимодействия клиента с банком.

С целью исследования результативных программ лояльности в первую очередь следует дать оценку степени приверженности клиентов к банковской компании.

Создание методики оценки лояльности клиента считается весьма важной проблемой с целью фактической работы в области банковских услуг, т.к. единого подхода ней ещё не выработано.

Решением проблемы, связанной с привлечением и удержанием клиентов, формированием их лояльности, озадачены топ-менеджеры почти абсолютно всех фирм возвышенно-конкурентоспособных разделов экономики, к каким, бесспорно, принадлежит и рынок банковских услуг. Насыщение продуктами и услугами, растущие требования потребителей, усложнение привлечения новейших клиентов и, как следствие, усиление конкуренции и снижение рентабельности – вот базовый список проблем, актуализирующих вопросы формирования лояльности клиентов как российских, так и зарубежных банков.

На сегодняшний день почти все банки чувствуют необходимость в стратегии дифференциации – обеспечении «наценки выше среднерыночной» из-за результата увеличения лояльности и индивидуализации клиентских взаимоотношений. Несмотря на то, что цель опережающего наращивания клиентской базы и завоевания доли рынка никак не снята с повестки дня, все без исключения банки больше внимания уделяют удержанию прибыльных клиентов и интенсификации доходов с имеющейся клиентской базы. Согласно оценкам специалистов, вовлечение новейших потребителей обходится до 10 раз дороже, чем удержание существующих из-за значительных затрат на исследования, рекламу и переговоры.

Нынешний этап компании доверительных отношений с клиентами обуславливается определением «лояльность клиента банку». С целью решения исследовательских задач относительно оценки лояльности важным условием считается операционализация самого понятия «лояльность». Рассмотрим, как представители разных подходов разъясняют данное понятие.

В многочисленных исследованиях лояльность объясняется (и в дальнейшем измеряется) как поведенческая характеристика потребителя (в частности, исследуются стратегии управления лояльностью), постоянно пользующегося продуктами какого-либо банка и намеренного продолжать их использование. В то же время такое неполное понимание лояльности при последующем исследовании финансового поведения целевой группы показывает, что значительная часть клиентов легко переключается на предложения других банков. Главным образом это происходит из-за упущения из вида показателей социально-психологической вовлеченности и эмоциональной привязанности таких клиентов к компании или бренду. В публикациях аналогичные ошибки описываются термином «ложная лояльность», которая зачастую формируется отсутствием достойной альтернативы на момент выбора продукта, опасением «риска изменений», наличием длительных обязательств перед банком и иным факторам.

Можно выделить 5 основных этапов формирования лояльности, их признаки вполне могут быть операционализированы и заложены в исследовательский инструментарий для дальнейшей сегментации клиентской базы современного банка:

1) Потенциальный покупатель – никак не осознана необходимость в услуге этого банк; бренд малознаком либо никак не принимается как привлекательный; свойственно незнание рекламы банка, безучастие в промо-акциях.

2) Случайный (новый) клиент – обладает единичным навыком получения продукта / услуги, но установка на вторичное обращение в банк никак не сформирована. Клиент чувствителен к качеству обслуживания и параметрам самой услуги, которые формируют основные эмоциональные впечатления.

3) Клиент постоянно использует услуги определенного банка, при наличии потребностей в финансовых продуктах в первую очередь рассматривает данный банк, но не только его. На этом уровне создается эмоциональная привязанность к бренду, выражаются первоначальные признаки самоидентификации клиента со статусным сообществом.

4) Постоянный клиент – больше всего пользуется услугами конкретно данного банка, в случае появления вопросов либо дополнительных нужд обращается к его сотрудникам за консультацией, доверяя их мнению. У покупателя создается субъективная оценка его персональной ценности для банка, зачастую сопровождающаяся ответным личным подходом в обслуживании.

5) Приверженец – совершенно лояльный покупатель. Присутствие значительной преданности к бренду данного банка увеличивает степень исполнения условий к качеству продукта и обслуживанию в целом.

В отдельных работах признаками лояльности также выступают:

- толерантное отношение к погрешностям и небольшим минусам в свойстве сервиса, неважным ограничениям согласно применяемым продуктам и услугам;
- интенсивная рекомендация банка и его товаров собственным приятелям, родным и друзьям;
- низкая восприимчивость к уменьшению стоимости и другим событиям согласно стимулированию сбыта, проводимым банками-конкурентами.

Таким образом, постоянство клиентов и их лояльность – гарантия конкурентной безопасности на рынке банковских услуг.

Литература:

1. Аймалетдинов Т.А. Подходы к исследованию известности бренда банка // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2012. № 1. С. 28-37.
2. Андреев А.Г. Лояльный потребитель – основа долгосрочного конкурентного преимущества компании // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2015. № 2. С. 16.

3. Винокуров Ф.Н. Стабильность потребительского поведения и лояльность бренду // Российский научный журнал. 2015. № 30. С. 195-203.
4. Драгунов С.В. Лояльность клиентов в предпринимательских структурах: мероприятия по повышению лояльности и оценка их эффективности // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 3. С.100-103.
5. Ивашкова Н.И. Расширение аналитических возможностей методики оценки качества услуг SERVQUAL // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 8. С. 80-87.
6. Малькова И. Лояльность потребителей // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 3.
7. Мартышев А. В. Маркетинг отношений. Владивосток, 2015.
8. Полонский Д. Э. Стратегическое маркетинговое управление лояльностью потребителей // Экономические науки. 2016. № 78. С. 126-129.

М. А. СААКЯН

*студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Россия)*

M. A. SAAKYAN

*student of the Faculty of Law
FGBOU VO "Kuban State Agrarian University"
(Russia)*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ИХ СООТНОШЕНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

INTERNATIONAL LAW AND RUSSIAN LEGISLATION: THEIR CORRELATION, INTERACTION AND INTERPENETRATION

Аннотация. Изучены основные концепции соотношения международного права и российского законодательства. Рассмотрены актуальные вопросы влияния норм одной системы на формирование и развитие норм другой.

Ключевые слова: международное право, российское законодательство, Конституция Российской Федерации, Федеральный закон, монистическая концепция, дуалистическая концепция.

Annotation. The basic concepts of the correlation between international law and Russian legislation are studied. Topical issues of the influence of the norms of one system on the formation and development of the norms of the other are considered.

Keywords: international law, Russian legislation, the Constitution of the Russian Federation, Federal law, monistic concept, dualistic concept.

Вопрос соотношения международного права и внутригосударственного (в том числе российского) законодательства давно является центральным предметом спора специалистов в сфере международного и конституционного права. Их взаимная связь в последние десятилетия настолько умножилась, что при определенных обстоятельствах решение вопроса о том, какая из двух систем является значительней при регулировании каких-либо отношений, представляет безусловную сложность. Актуальность данного вопроса для науки российского права исходит из существующей позиции (которую, например, поддерживает и глава Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин [1]), что Конституция Российской Федерации закрепляет примат международного права над правом российским. Еще актуальнее вопрос о том, как влияют нормы одной системы на формирование и развитие норм другой.

На сегодняшний день существует два подхода к рассмотрению соотношения международного и российского права – монистический и дуалистический. Монистические концепции исходят из примата какой-либо конкретной системы права или международной, или российской. Дуалистическая концепция принимает во внимание международное и российское право, как равнозначное, самостоятельное, активно взаимодействующее явление правовой системы. Рассмотрим каждый подход подробнее.

Монистическую теорию, в свою очередь, делят на две концепции – примата международного права и примата национального права. При этом сторонники концепций расходятся только в вопросе главенства этих правовых систем. Согласно монистической концепции внутригосударственное и международное право рассматривается как единая правовая система, и последние по инициативе своих основателей могут напрямую координи-

ровать внутригосударственные и международные отношения, наделяя тем самым их участников в этих обстоятельствах качеством субъектов международного права [2]. При этом, как отмечает Л.Н. Шестаков, монистическая школа снимает проблему конфликтов между нормами международного и внутригосударственного права, поскольку таковые «глушатся» в самом начале верховенством норм той или иной части единой системы [3].

Что же касается дуалистической концепции, основателями которой являются Анилотти, Трипель, Оппенгейм, то в данной теории нормы международного и внутригосударственного права рассматриваются как отдельные аспекты. Проявление данной теории может выражаться как в прямом, так и в косвенном воздействии, а именно внутригосударственное на международное право и, наоборот, международное на внутригосударственное право. Во-первых, это способ предназначения содержания и сущности международного права, где давление выражается в воздействии внутригосударственного права на международное право через непрямую с помощью частей его норм внутреннюю и внешнюю политику государства. Во-вторых, способ воздействия внутригосударственного права на процесс реализации и создания норм международного права [4]. Исходя из этого, я могу сделать следующие выводы: норма национального законодательства не может иметь прямого действия на территории отдельного государства без его на то воли, а также действовать напрямую в сфере международных отношений.

На сегодняшний день российское законодательство придерживается в целом дуалистической концепции. Например, в Конституции Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 закрепляется следующее положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5]. Получается, что международные договоры Российской Федерации имеют большую юридическую силу, чем федеральное законодательство, однако, наивысшей юридической силой в России обладает Конституция – это исходит из ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, а также подкрепляется содержанием Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», где в ст. 22 говорится о том, что если международный договор содержит такие нормы, которые требуют изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения поправок в Конституцию или пересмотра ее положений [6].

Международное право в Российской Федерации может иметь как обязательный характер, так и условный. Чтобы наглядно понять, о чем идет речь, я проиллюстрирую на примерах. Так, принимая во внимание военную сферу, можно привести пример из Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно статье 355 «уголовно наказуемым является производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации» [7]. При этом, если такой международный договор отсутствует, то нарушителя не смогут привлечь к уголовной ответственности. Также можно привести в пример протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Относительно отмены смертной казни», где в ст. 1 говорится о том, что «смертная казнь отменяется, никто не может быть приговорён к смертной казни или казнён» [8]. Российская Федерация согласно данному протоколу подписала мораторий на смертную казнь, не смотря на то, что казнь в нашей стране установлена Уголовным кодексом в качестве меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, она не может применяться у нас в соответствии с международным договором. Но в тоже время наш основной закон в ч. 4 ст.

15 гласит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяется правила международного договора» [9]. Следовательно, данные примеры проявляют обязательность характера международного права в Российской Федерации.

Условное же содействие международного права российскому законодательству вызвано или появлением коллизии между нормами международного и национального права, вошедшими в основу правовой системы, или отсутствием международно-правовых положений.

Многие ученые мыслили по-разному насчет роли и важности характера международного права в российском законодательстве. Так, к примеру, Б.И. Осминин сделал вывод, что отечественная доктрина всегда исходила из того, что государство должно обеспечивать выполнение своих международных обязательств, но само избирает для этого необходимые способы [10].

Российская Федерация активно принимает участие в развитии норм международного права. В соответствии с этим можно привести в пример Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», где в преамбуле особенно акцентируется на том, что Российская Федерация выступает за строгое выполнение договорных и обычных норм, также указывает на приверженность основному принципу международного права-принципу добросовестного выполнения международных обязательств согласно Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 31).

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что процесс реализации норм международного права в сфере российского законодательства является исключительной прерогативой Российской Федерации, так как само международное право не определяет конкретные способы осуществления своих позиций. По моему мнению, проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права (в том числе российского) занимает одно из основных, главных мест в доктрине и практике международного права, а ее важность трактуется процессом глобализации, дающее о себе знать и сегодня. На мой взгляд, российское законодательство, как и другие законодательства стран мира не смогут полностью функционировать свою правовую систему без норм международного права и наоборот, международное право не сможет реализовывать свои принципы без внутригосударственного права.

Литература:

1. Наталья Козлова. Исправленному верить – Александр Бастрыкин предлагает установить приоритет национального права над международным // Интернет-портал «Российской Газеты» // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/28/bastrykin.html> (дата обращения: 22.03.2017 г.).
2. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 2. М., 1999. С. 335.
3. Международное право / под ред. Л.Н. Шестакова. М., 2005. С. 111 (глава написана Л.Н. Шестаковым).
4. См.: Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М., 2001. С. 223-224; Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 376-377.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с попр.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 03.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) (с изменениями от 11 мая 1994 г.), статья 1 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с попр.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 321.

А. Г. СИДОРОВА
*магистр юридического факультета
Северо-Кавказский филиал Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российский государственный университет правосудия»
(Россия)*

A. G. SIDOROVA
*student of the master's program of the Faculty of Law
North-Caucasian Branch of the Federal
State budgetary higher educational institution
Russian State University of Justice
(Russia)*

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ – ГАРАНТ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

OPTIONALITY IS THE GUARANTOR OF THE SETTLEMENT AGREEMENT IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются основные точки зрения ведущих ученых-процессуалистов о категории «диспозитивность» в гражданском судопроизводстве. Принцип диспозитивности заключается в возможности участвующих в деле лиц и, в первую очередь, сторон распоряжаться своими материальными и процессуальными правами. Наряду с позициями ученых-процессуалистов, одним из главных аспектов диспозиции является свобода действий сторон, но в пределах закона.

Ключевые слова: диспозитивность, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, мировое соглашение, суд.

Annotation. The article discusses the main viewpoints of leading scientists and processualists about "optionality" in civil proceedings. The principle of optionality is the ability involved in the case of individuals and, primarily, of the parties to dispose their material and procedural rights. Along with the positions of scientists-protsessualistov, one of the main aspects of the disposition is a freedom of action of the parties, but within the limits of the law.

Keywords: dispositive, the Civil procedural code of the Russian Federation, the Arbitration remedial code of the Russian Federation, settlement agreement, court.

Итак, диспозитивность пронизывает все гражданское судопроизводство.

Принцип диспозитивности заключается в возможности участвующих в деле лиц и, в первую очередь, сторон распоряжаться своими материальными и процессуальными правами.

Рассмотрим основные точки зрения ведущих ученых-процессуалистов о категории «диспозитивность» в гражданском судопроизводстве.

А.Т. Боннер понимает сей принцип как нормативно-руководящее положение гражданского судопроизводства, определяющее движущее начало и механизм процессуального движения [1].

Е.В. Васьковский, говоря о данном принципе, отмечает, что отличительной чертой гражданских прав является то, что они предоставлены в полное распоряжение своих обладателей: во-первых, объектом процесса, т.е. теми требованиями, которые заявлены относительно данного права; и, во-вторых, процессуальными средствами защиты [2].

М.А. Вукот указывает, что диспозитивность предполагает возможность в процессе сторонам, по их усмотрению, совершать определенные предусмотренные законом действия либо отказаться от их совершения [3].

Совсем иную позицию занимали А.Ф. Клейнман, Н.Б. Зейдер, которые распространяли данный принцип не только на действия сторон в процессе, но и на действия прокурора, органов государственного управления и организаций по защите интересов других лиц в сочетании с активностью суда.

Таким образом, наряду с вышеперечисленными позициями ученых-процессуалистов, все же одним из главных аспектов диспозиции является свобода действий сторон, но в пределах закона [8].

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации строго регламентируют в статьях 39, 49, соответственно, правомочие сторон в окончании дела мировым соглашением [5].

Мировое соглашение – взаимное согласие, в котором стороны идут на уступки, определяя объем требований.

Существуют различные подходы ведущих ученых-процессуалистов к пониманию категории «мировое соглашение».

М.С. Шакарян характеризует мировое соглашение как сделку, заключенную сторонами при рассмотрении дела и утвержденную судом, по которой истец и ответчик путем взаимных уступок по новому определяют свои права и обязанности и прекращают возникший между ними судебный спор [9].

М.А. Вукот определяет мировое соглашение как волеизъявление сторон, направленное на достижение определенности в отношениях между ними в целях окончания процесса путем саморегулирования правового конфликта [4].

М.А. Гурвич рассматривает мировое соглашение как разновидность гражданско-правовой новации [7].

Стоит отметить, что возможность разрешения спора мировым соглашением возможна на любой стадии процесса.

Условия мирового соглашения должны быть конкретными, однозначными и четкими.

Основные признаки мирового соглашения определяются следующим образом: мировое соглашение является средством защиты прав, реализуемых в порядке, установленном нормами процессуального законодательства; представляет собой двух (много) стороннюю сделку (договор), заключаемую сторонами в предусмотренной законом форме при наличии возбужденного судебного процесса и подлежащую удовлетворению судом; является добровольным отказом сторон от публичной процедуры; направлено на окончание производства по делу; оформляется судом путем внесения его в протокол судебного заседания, либо путем приобщения к делу письменных документов, содержащих условия мирового соглашения, с указанием об этом в протоколе; в обязательном порядке подлежит утверждению судом, в противном случае оно не приобретает статуса такового и не влечет для сторон соответствующих правовых последствий.

Обязанности суда выглядят следующим образом: суд должен проявлять инициативу в примирении сторон; суд обязан осуществить проверку заключенной сторонами сделки при утверждении мирового соглашения; анализируя содержание мирового соглашения, суд должен внимательно проверять соответствие его условий фактическим обстоятельствам дела и условиям соглашения.

Суд утверждает мировое соглашение сторон, если это не противоречит закону и не нарушает права или законные интересы других лиц.

В целях соблюдения принципов диспозитивности и добровольности примирения сторон суд, рассматривая вопрос об утверждении мирового соглашения, не вправе утверждать такое соглашение в части, изменять или исключать из него какие-либо условия, согласованные сторонами. Вместе с тем суд вправе предложить сторонам исключить из мирового соглашения отдельные условия, противоречащие закону или нарушающие права и законные интересы других лиц.

Важным аспектом является то, что определением о заключении мирового соглашения суд одновременно прекращает производство по делу (статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статья 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Мировое соглашение обладает исполнительной силой, в связи с чем, по нему выдается исполнительный лист. Оно исполняется лицами, его заключившими, добровольно в порядке и в сроки, которые предусмотрены этим соглашением. Если мировое соглашение не будет исполнено добровольно, оно исполняется принудительно.

Следовательно, заключение мирового соглашения находится под контролем суда.

По мнению большинства авторов, мировое соглашение может быть только судебным, а значит, деление его на виды невозможно, однако, встречается деление мировых соглашений и на *внесудебные*, то есть имеет место факт заключения такого соглашения вне суда. В то же время в случае возникновения судопроизводства по делу о разрешении правового спора между лицами, заключившими такое соглашение, и ссылки в процессе разбирательства той или другой стороны на него суд должен рассматривать внесудебное мировое соглашение как одно из обстоятельств дела.

Таким образом, мировое соглашение есть не что иное, как одна из разновидностей распорядительных действий сторон, прямым выражением принципа диспозитивности. Существовая в рамках законности, принцип диспозитивности находит свое идеальное выражение в институте мирового соглашения, что определяется назначением и правовой природой последнего.

Стоит подчеркнуть, что мировое соглашение может быть заключено на любой стадии судебного разбирательства, а также в исполнительном производстве. Следовательно, право сторон заключить мировое соглашение является проявлением диспозитивности, как судопроизводства, так и исполнительного производства.

Стремление сторон к примирению всегда свидетельствует об их умении предвидеть даже самые отдаленные последствия судебных тяжб, навыков разрешать самые сложные споры мирно.

Литература:

1. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. С.18.
2. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 101-103.
3. Вкут М.А. Гражданское процессуальное право России. М., 2002. С. 44-45.
4. Вкут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 2001. С. 216.
5. Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 г. (ред. от 19.12.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Арбитражный процессуальный кодекс РФ 2002 г. (ред. от 19.12.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гурвич М.А. Советское гражданское процессуальное право: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1957. С. 276.
8. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2012. С. 81-82.
9. Гражданское процессуальное право: учебник /под ред. М.С. Шакарян. М, 2004. С. 68.

И. А. СУШКОВА

*заведующая кафедрой гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент*

I. A. SUSHKOVA

*Head of the Department of Civil Law and Process
ANOO VO "Kuban Social and Economic Institute"
Candidate of jurisprudence, associate professor*

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЦЕЛЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

LIMITATION OF THE OWNERSHIP RIGHT FOR PUBLIC AND STATE SECURITY

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены цели и основания ограничений, установленных законодателем для собственников определенного имущества; в частности речь идет о вещах ограниченных в обороте и изъятых из оборота, ограничениях прав и свобод, которые могут быть приняты при наличии обстоятельств, представляющих собой реальную чрезвычайную и неизбежную угрозу безопасности граждан или конституционному строю РФ.

Ключевые слова: гражданское право, государство и право, право собственности, общественная безопасность, ограничение права собственности.

Annotation. In this article the purpose and reason to restrictions imposed by the legislator for the owners of certain property; in particular, we are talking about things limited in circulation and withdrawn from circulation, restrictions of rights and freedoms that may be taken in the circumstances that constitute a real emergency and imminent danger to public safety or to the constitutional order of the Russian Federation.

Keywords: civil law, state and law, property law, public safety, restriction of property rights.

Обеспечение безопасности государства и общества, защита прав и свобод человека и гражданина является одной из первоочередных задач каждого государства, а осуществление этой задачи неизбежно приводит к ограничению гражданских прав и права собственности в том числе.

Особенности правового регулирования отношений собственности ярко проявляются в действующем законодательстве РФ. Так, например, ст. 129 ГК РФ, которая регулирует оборотоспособность объектов гражданских прав, устанавливает три разных режима объектов собственности: а) объекты, которые свободно могут отчуждаться, переходить от одного лица к другому в порядке сингулярного и универсального правопреемства; б) объекты, оборот которых ограничен; в) объекты, полностью изъятые из оборота.

Надо сказать, что во всех правовых системах такие ограничения установлены и обусловлены государственными и общественными интересами, в первую очередь, интересами безопасности. Еще в Риме к изъятым из оборота вещам относились: общие вещи (*res communes*), например, воздух; имущество, закрепленное исключительно за государством (*res publicae*), например, государственная земля или государственные рабы; священное имущество (*res sacrae*), составлявшее собственность религиозного культа [1].

В настоящее время в России к вещам, изъятым из оборота, относятся некоторые виды вооружения, ядерная энергия, радиоактивные материалы и другие объекты, предусмот-

ренные в Указе Президента РФ от 22 февраля 1992 г. «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [2]. Вещи, изъятые из оборота, не только нельзя передавать в собственность других лиц, они вообще не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Распоряжение и пользование ими осуществляется на основании административно-правовых актов.

В круг объектов собственности, ограниченных в обороте, входят также оружие, сильнодействующие яды, радиопередающие устройства, летательные аппараты, валютные ценности и т. п., которые могут приобретаться по особым разрешениям. Так, например, запрещается устройство и эксплуатация радиоустановок без надлежащей регистрации или без разрешения; изготовление и использование радиопередающих устройств без разрешения и т.п.

Согласно Закону РФ «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. [3] производство, продажа и приобретение оружия на территории РФ подлежит лицензированию. Лицензии на продажу или приобретение оружия выдаются органами МВД, а лицензии на производство оружия – в порядке установленном Правительством РФ.

Валютные ценности, в силу особого хозяйственного значения, имеют специальный правовой режим, установленный актами о валютном регулировании [4].

Ограничение права собственности в зависимости от субъектов правоотношения предусмотрено в ст. 213 ГК РФ. В п. 3 этой статьи говорится, что особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, находится имущество в собственности гражданина или юридического лица, в собственности РФ, субъекта РФ или муниципального образования, могут устанавливаются лишь законом. Статья 213 ГК РФ применительно к кругу объектов, собственниками которых могут быть граждане и юридические лица, предусматривает, что в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам или юридическим лицам.

Законом определяются виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Так, в силу ст. 71 Конституции РФ в ведении РФ находятся федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы, федеральные транспорт, пути сообщения, информация и связь, деятельность в космосе и т.п.

Ограничения право собственности по субъектам правоотношения предусмотрено в ст. 238 ГК РФ. В п.1 данной статьи говорится, что если по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок. Анализируя эту статью, Ю.К. Толстой пишет: «Вполне возможны ситуации, когда имущество оказалось в собственности лица по основаниям, допускаемым законом, но эти основания отпали. Например, изменился правовой режим вещи. Из вещи, находящейся в свободном обращении, она перешла в разряд ограниченно оборотоспособных или изъятых из оборота вещей и более не может находиться в собственности данного лица. Или изменился статус юридического лица, наделенного специальной правоспособностью, в результате чего отпали основания, чтобы то или иное имущество было в его собственности. На эти и аналогичные случаи и рассчитаны правила п.1 ст.238 ГК РФ» [5].

Возможны и другие случаи. Оружие и иные вещи, на владение которых нужна лицензия, могут перейти к наследнику, у которого лицензии нет. Следовательно, и в этом случае наследник в установленный срок должен в течение года передать эти вещи лицам, которые могут иметь его в собственности.

Однако законодатель не регулирует порядок отчуждения имущества, которое в силу закона не может принадлежать собственнику. Можно предположить, что если это оружие, яды, химикаты и т.д., то отчуждение такого имущества должно происходить с ведома соответствующих государственных органов.

Существенные ограничения отдельных действий собственников содержатся в правилах о пожарной безопасности, которые преследуют цель не допускать уничтожения имущества граждан и государства от пожаров. Под правилами пожарной безопасности подразумевается комплекс положений, устанавливающих порядок соблюдения требований, норм и стандартов, направленных на предотвращения пожаров, обеспечение безопасности людей на случай возникновения пожаров, обеспечения объектов народного хозяйства и поселенных пунктов средствами противопожарной защиты и пожарной техники, других правил пожарной безопасности.

Уместно сказать, что ограничения права и отдельных действий собственника по соображениям пожарной безопасности были предусмотрены в дореволюционном русском праве. Так, например, по праву соседства домохозяин мог требовать, чтобы сосед не пристраивал кухни или печи к стене его дома.

Конституция РФ (ч. 3 ст. 44) устанавливает, что каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Исходя из этого, ст. 240 ГК РФ предусматривает, что в случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов.

Отдельные ограничения прав и свобод, в том числе и права собственности, могут быть приняты при наличии обстоятельств, представляющих собой реальную чрезвычайную и неизбежную угрозу безопасности граждан или конституционному строю РФ. Законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Согласно ФЗ РФ «О чрезвычайном положении» [6] на период чрезвычайного положения допускаются временный арест печатной продукции до отмены чрезвычайного положения, а также временное изъятие звукоусиливающих технических средств и множительной аппаратуры, ограничение или запрещение продажи оружия, ядовитых веществ, спиртных напитков. В исключительных случаях допускается временное изъятие у граждан огнестрельного и холодного оружия и боеприпасов, ядовитых и взрывчатых веществ, а у предприятий, учреждений и организаций и учебной военной техники и радиоактивных веществ.

Также предусматривается установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств; установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества; эвакуация материальных и культурных ценностей в безопасные районы в случае, если существует реальная угроза их уничтожения, похищения или повреждения в связи с чрезвычайными обстоятельствами.

Литература:

1. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права: учебно-методическое пособие. Л., 1974. С. 65.
2. О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена: Указ Президента РФ от 22.02.1992 г. № 179 // Российская газета. 1992. 16 марта.
3. Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».
4. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1996. С. 356.
6. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

И. М. ФЕДИНА

*доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
кандидат исторических наук
(Россия)*

А. А. ЗЕЛЕНИНА

*студентка факультета истории и международных отношений
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Киргизия)*

I. M. FEDINA

*Associate Professor of the Department of Russian History
FGBOU VO "Kuban State University"
Candidate of Historical Sciences
(Russia)*

A. A. ZELENINA

*Student of the Faculty of History and International Relations
FGBOU VO "Kuban State University"
(Kyrgyzstan)*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ ПО СОХРАНЕНИЮ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

LEGAL REGULATION OF MUSEUMS ACTIVITIES FOR CONSERVATION OF WORLD HERITAGE

Аннотация. В статье рассматривается деятельность музеев в сохранении культурного и природного наследия. Анализируется вклад ЮНЕСКО и международной организации ИКОМ в популяризации и сохранении Всемирного наследия.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, музей, охрана памятников, ценность, Всемирное наследие.

Annotation. The article examines the activities of museums in the preservation of cultural and natural heritage. The contribution of UNESCO and the international organization of ICOM in the promotion and preservation of the World Heritage is analyzed.

Keywords: cultural and natural heritage, museum, protection of monuments, value, World Heritage.

Человечество издавна заботилось о сохранении природного и культурного наследия. На заре своей истории оно оберегало и стремилось сохранить предметы, имеющие сакральную, особо значимую и эстетическую ценность. Первоначально сохранению подлежали предметы религиозного культа. Начиная со II тысячелетия до н.э. во многих городах Двуречья хранились коллекции литературных и научных текстов. Со временем круг предметов относящихся к культурным и природным ценностям становился более разнообразным. Их ценность определялась историческими, культурными, религиозными и социальными критериями. Местами хранения особых ценностей в период Античности становились ликеи и музейоны, в эпоху средневековья – церковные ризницы и королевские сокровищницы. В эпоху Возрождения одной из культурных форм выработанных человечеством для сохранения и трансляции природного и культурного наследия стали музеи. Создаются специальные помещения – мюнцкабинеты, кунсткамеры, антикварии, студиоло для хранения ценностей.

Природное и культурное наследие это тот духовный, культурный, экономический и социальный потенциал который отражает этапы развития природы и общества и осознаваемых народами как ценность подлежащее актуализации.

Человечество осознала высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения для будущих поколений и эффективного использования. На протяжении веков формируется эталон культурного наследия: музыкальный, художественной, религиозной и духовный, народный и бытовой, поселенческий и т.д.

Сегодня культурное и природное наследие является богатством, охрану, сохранение и популяризацию которого возлагают на те государства, на территории которых оно находится. Международное сообщество уже давно удивляет внимание состоянию культурного наследия и сохранением уникальных мест естественной природной среды. Помимо принятия национальных списков наиболее ценных и охраняемых объектов во второй половине XX в. была поставлена задача сохранения и оказания помощи памятникам культуры и природным территориям в рамках межгосударственных программ. Своего рода реестром наследия общечеловеческого значения с 1972 г. стал Список объектов Всемирного наследия, составляемый в рамках международной конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия. Главная цель Всемирного наследия популяризация и защита объектов которые являлись уникальными в своем роде. Были выработаны особые критерии к такого рода объектам, а именно: уникальность и исключительность для цивилизации, образец, объект (памятник) должен представлять шедевр человеческого созидания [1].

В последнее десятилетие XX в. международным сообществом была остро поставлена проблема сохранения нематериального наследия, в 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия», являющаяся дополнением к принятой в 1972 г. «Конвенции ЮНЕСКО по вопросам охраны мирового культурного и природного наследия». ЮНЕСКО приступило к составлению списков объектов всемирного нематериального наследия, требующих охраны, и были разработаны правила представления государствами своих национальных объектов для включения в эти списки [2]. К формам нематериального наследия относили язык, литературу, музыку, танец, игры, мифологию, ритуалы, обычаи, ремесла, традиционные формы коммуникации, традиционные экологические представления и т.п.

Эталоны и ценности основанных на традиции творений культурного сообщества передаются устно, посредством подражания или иными средствами, и именно механизм трансляции «из уст в уста», от мастера – ученику, от отца – сыну делает нематериальное наследие столь уязвимым, а задачу его сохранения – трудно решаемой. Традиция сохраняется до тех пор, пока в сообществе существует установка на ее поддержание; в противном случае объект нематериального наследия полностью исчезает и в дальнейшем забывается. Эпоха модернизации, трансформации и глобализации ведет к стремительному, неизбежному и пагубному воздействию на формы культурного наследия [3].

Немаловажную роль в сохранении культурного наследия выполняет музейное сообщество. Сегодня музеи находятся в центре культурных, социальных и экономических проблем современного общества. Музеи играют ключевую роль в развитии общества через образование, демократизацию в плане исторического осмысления прошлого, сохранения культурных сокровищ человечества для будущих поколений. Многие из объектов культуры, включенных в список Всемирного наследия, являются музейными объектами. Международная организация ICOM – International Council of Museums / Международный совет музеев (ИКОМ) представляет интересы мирового музейного сообщества и обеспечивает защиту, сохранение, передачу культурных ценностей. Образованный в 1946 г. – Международный совет музеев занимается восстановлением и популяризацией культурных ценно-

стей, через воспитательную функцию музеев и выставок, международный оборот культурных ценностей, сохранение и т.д. [4]. 18 мая ИКОМ устанавливает ежегодное проведение по всему миру Международного дня музеев. Этот день призван повысить осведомленность населения о важности музеев в развитии общества. Консультативный комитет ИКОМ ежегодно определяет тему праздника. Роль Международного совета музеев – работать на благо общества, его развития, стремясь сохранить и защитить культурные ценности.

ИКОМ также выступает в качестве дипломатического форума для представителей многих стран, собирая международных специалистов, внесших выдающийся вклад в культуру. Способствует обмену знаниями, поддерживает самобытность и культурное наследие, значимое и характерное для каждой культуры. Международный совет музеев служит обществу и его развитию, гарантирует защиту, сохранение, передачу культурных ценностей, благодаря реализации международных проектов.

Проблеме нематериального наследия в музеях была посвящена в 2004 г. XX Генеральная конференция ИКОМ в Сеуле. Были сформулированы требования более широкого и целостного представления культурного наследия музеями: «Музеи должны развиваться не только как коллекции артефактов, но отражать в целостности культурную инфраструктуру поселения, осязаемую и неосязаемую» [5].

Таким образом, международное регулирование охраны Всемирного культурного наследия основано на взаимодействии и взаимодополняемости национальных и международных правовых мер при приоритетной, главенствующей роли последних в разработке классификационных критериев объектов, относимых к всемирному культурному наследию; создании системы международного сотрудничества и помощи государствам в их усилиях, направленных на сохранение и выявление этого наследия, в том числе организации специального институционального международного механизма по его охране. Все страны, подписавшие международные акты по сохранению и защите Всемирного наследия, берут на себя обязательства разрабатывать свои собственные концепции и практические программы в этой сфере в соответствии с международными стандартами.

Сохранение Всемирного Наследия необходимо для обретения национальной идентичности, поддерживать такую среду обитания, в которой человек сохранит связь с природой и объектами культурного наследия, оставленного предыдущими поколениями.

Международные правовые документы декларируют всеобщую ответственность за сохранение и передачу будущим поколениям культурного наследия; провозглашают универсальную доступность всемирного культурного наследия для любой нации и народа, каждого индивида в силу особой роли культурного наследия в истории развития человеческой цивилизации; предусматривают совместные действия международных и национальных государственных и общественных организаций по его спасению и в мирное время, и в экстренных ситуациях вооруженного конфликта, техногенных или природных катастроф либо в связи с отсутствием средств для сохранения, консервации или восстановления объектов [6].

Кроме того, сохранение памятников природного и культурного наследия играет особую роль в продвижении туристского бренда территорий. Так как именно памятники наследия или достопримечательности региона привлекают большое количество туристов.

Литература:

1. Охрана памятников истории и культуры: сб. документов, М., 1973. С.39.
2. Музей и наследие // Музей. 2009. №5. С.10-12.
3. Там же.
4. Проект ЮНЕСКО/ИКОМ «Управление музеем – XXI век» // <http://www.unesco.org/new/ru/moscow/culture/the-unescoifesco-project-running-a-museum-21st-century/>.

5. Галкова О.В. Культурное наследие: современные подходы и проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. М., 2008. № 6. С.43-46.

6. Касьянов В.В., Петров В.И. Особенности организации действий правоохранительных органов по поддержанию правопорядка на территории Краснодарского края как основы стабильного взаимодействия государственной власти с гражданским обществом // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1-1. С. 74-78.

А. В. ЦВИЛИЙ

*преподаватель кафедры административного права
и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

A. V. TSVILI

*Teacher of the Department of Administrative Law
And law enforcement
ANO O VO "Kuban Social and Economic Institute"
(Russia)*

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

IDEOLOGICAL MODEL OF PATRIOTISM IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS AND PROBLEMS OF ITS FORMATION

Аннотация. В статье раскрывается и анализируется понятие патриотизма в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Автором практически определяется значимость высоконравственных поступков в профессиональной деятельности юриста при обеспечении национальной и общественной безопасности от внешних и внутренних угроз. Акцентируется внимание на процедуре назначения сотрудника на руководящую должность.

Ключевые слова: патриотизм, профессиональная деятельность, профессионально-этические, нравственные, моральные качества юриста, руководитель, подчиненный, правовой нигилизм, преступность.

Annotation. The article reveals and analyzes the concept of patriotism in the professional activity of law enforcement officers. The author practically determines the importance of highly moral acts in the professional activity of a lawyer while ensuring national and public security against external and internal threats. Attention is focused on the procedure for appointing an employee to a managerial position.

Keywords: Patriotism, professional activity, professional ethical, moral qualities of a lawyer, leader, subordinate, legal nihilism, criminality.

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов наполнена большим содержанием драматических и остросюжетных жизненных ситуаций, в большинстве которых ярко проявляется гуманная направленность и личная самоотверженность большой плеяды защитников закона, осознанно рискующих своим физическим и материальным благополучием ради важнейшей цели – обеспечения общественной безопасности и защиты законных прав широкого круга субъектов российского государства.

В каждом отважном и героическом поступке раскрывается идеологическая модель личностного патриотизма, представляя духовно-нравственную силу конкретного сотрудника с его гуманным мировоззрением, ценностными убеждениями и готовностью решительно действовать в опасных жизненных ситуациях.

Термин «идеология» был введен в научный оборот французским мыслителем начала XIX века А. Л. К. Дестют де Траси для обозначения учения об идеях, понимаемого им как «учение об общих закономерностях происхождения идей из содержания чувственного

опыта». Данное учение должно было выступать основными принципами для руководства как в науке, так и в социальной жизни. Поэтому А. Л. К. Дестют де Траси видел в идеологии систему знаний первооснов морали, политики, права [1].

Содержанием модели идеологического патриотизма в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь, выступают такие составляющие элементы как:

- социально-ориентированная жизненная позиция на те ценности, с которыми сотрудник гармонично связан узами истории, укладом жизни той местности, где родился, вырос и осознанно сформировал для себя идеализированный образ патриота и Отечества, которое готов защищать не щадя сил, здоровья и собственной жизни;

- долг и ответственность перед обществом и государством, которые реализуются в самокритичных поступках и действиях, четко соответствуя правовым положениям с мерами гуманного характера и оперативностью реагирования на сигналы о криминальных угрозах в охраняемых общественных отношениях, результатом которых является общественная полезность и надежность.

В этом сегменте идеалов патриотизма присутствуют «глубокие чувства, закрепленные веками и тысячелетиями обособленных отечеств» и отводится особое место образу конкретной личности, «который наглядно демонстрирует силу патриотизма через человеческое достоинство» [2, с. 39].

Трудно не согласиться со следующим утверждением Н. Н. Седовой: «Сам факт того, что патриотизм представляет собой личную потребность блага для общества, уже позволяет сделать вывод о диалектическом единстве социального и индивидуального в патриотизме. Более того, можно сказать, что желаемое благо для общества представляется одновременно благом для личности» [3, с. 51-57].

Именно поэтому высоконравственные профессиональные поступки уже сегодня должны стать атрибутом повседневной деятельности сотрудников правоохранительных органов, являясь ответом на запрос общества к государству об укреплении национального единства и обеспечении общественной безопасности от внешних и внутренних угроз.

Эти сложные и ответственные задачи безопасности решаются органами правопорядка в напряженное время, продиктованное социально-экономическими и политическими трудностями регионов России, где власти на местах пытаются выстроить модель национально-регионального единения. Поиск мер для консолидации властных структур с политическими партиями, религиозными конфессиями, общественными институтами и различными «группами общественных инициатив», происходит с использованием всевозможных форм влияния, в которых часто представлен патриотический контент и риторика.

Рассматривая патриотизм как самостоятельное явление, уместно обратиться, на наш взгляд, к философскому словарю, где исследуемое понятие определено как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защитить интересы родины [4].

Отсюда следует важный термин «защита интересов родины», который в региональном политическом процессе «единения» часто представлен непрофессиональными, волюнтаристскими и даже «договорными» решениями отдельных чиновников с представителями полукриминальных структур и криминального лобби.

Минуя границы правового барьера, установленные федеральным законодательством, игнорируя принципы законности и справедливости, они создают протекцию в поступлении и продвижении по службе детям и родственникам богатой знати в правоохранительных, надзорно-контрольных и судебных органах, в обмен на политическую поддержку и теневые материальные ресурсы.

Тактика таких действий со стороны должностных лиц прямо противоречит положениям ст. 37 Конституции Российской Федерации, исключающей трудовую дискриминацию, и нормам «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» [5], где в разделе 2 «Основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих» изложено следующее: «Государственные (муниципальные) служащие, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны»... «не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций». В п. 13 этого же раздела закреплено: «Государственные (муниципальные) служащие в своей деятельности не должны допускать нарушение законов и иных нормативных правовых актов исходя из политической, экономической целесообразности либо по иным мотивам».

Примеры чиновничьего безразличия к правовой дисциплине и ее культуре поведения у многих людей формируют культ властолюбия, богатства и праздной жизни. Эти ориентиры, к сожалению, становятся главной идеологической основой для многочисленной группы молодых граждан России, проходящих службу в подразделениях правоохранительных органов, где зачастую нет высокопрофессиональной и авторитетной личности руководителя.

Грамотный руководитель может изменить взгляды колеблющихся подчиненных через личный пример нравственных поступков в профессиональной деятельности, увлечь его поиском новых приемов борьбы с преступностью, опираясь на положения действующего законодательства и использовать в методике воспитательного процесса примеры жизненной позиции ветеранов, которые формировали авторитет правоохранительных органов.

Личностные пороки, такие как лицемерие, обман, сарказм, равнодушие и самовлюбленность культивируются у определенных групп сотрудников и рассматриваются в настоящее время как современные средства самоутверждения. Эти низменные ценности формируют жесткий прагматизм и потребительское сознание личности, размывая основу национальных традиций, веру в великие исторические свершения старшего поколения, факты личного мужества и талант соотечественников в борьбе с преступностью в разные исторические периоды.

Достаточно определить, каким уровнем профессионально-этических, нравственных, моральных качеств обладали выпускники 2016 года Академии ФСБ России, отмечая прощание с учебным заведением, создав инцидент с массовым заездом на Mercedes-Benz Gelandewagen по улицам Москвы [6]. Данный факт вызвал резкую критику общественности и послужил основанием для проведения служебной проверки. По завершении разбирательства, в ФСБ России отметили, что «впервые за многие годы в ходе торжественных мероприятий вне службы слушателями были допущены действия, привлечшие повышенное внимание общества» [7].

Не вызывает сомнений запрограммированная противоправная мотивировка целей в профессиональной деятельности руководителей подразделений МВД, арестованных в 2016 году за ряд совершенных преступлений против интересов государственной службы [8; 9; 10].

К сожалению, подобные примеры в настоящее время значительно превышают объективно допустимый процент случаев противоправных деяний, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, и за счет разрастающегося внутриведомственного нигилистического правосознания становятся частым явлением.

Основным источником правового нигилизма в коллективах правоохранительных органов являются ничтожные методы и приемы управления, используемые отдельными руководителями, которые переступают грань профессиональной чести и, в основе своей:

- пренебрегают морально-этическими нормами в общении с правонарушителями и подчиненными сослуживцами;

- одобряют совершение подчиненными должностных проступков с фальсификацией ведомственной отчетности, ради достижения высоких показателей в борьбе с преступностью;

- осознанно подстрекают подчиненных на противоправные действия с материальными ресурсами частных лиц, коммерческих структур и т.д.

Расследования целого ряда должностных преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, указывают на существующие факты принуждения руководителями своих подчиненных к фальсификации документов о результатах оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, оказание помощи богатым предпринимателям в уклонении от административной и уголовной ответственности. Причину своего поведения «предатели» правоохранительной системы объясняют нехваткой материальных ресурсов, недостаточностью средств финансирования подразделений, профессиональной усталостью, или иными надуманными мотивами. В тоже время, такие руководители чаще всего не признают свою вину в противоправном и преднамеренном формировании профессиональной деформации сознания у подчиненных сотрудников.

Можно предположить, что этому способствовала система выхолащивания из практики руководителей принципа морально-этической ответственности командира и начальника. Прежние руководители подразделений подвергали себя критической оценке не только за свои действия, но и, чувствуя свою вину за серьезные просчеты подчиненных, инициировали перед руководством вопрос о снятии с себя полномочий руководителя.

Действующая в настоящее время в МВД России практика немедленного увольнения полицейского-правонарушителя и наказания его начальника породила опасную крайность и множество противоречий в профессиональной деятельности полицейских коллективов. В работе руководителей фактически исключен процесс воспитательной работы с личным составом, присутствуют чувства недоверия, опасности и демонстрируется показная требовательность к подчиненным. В коллективах утрачиваются принципы коллективизма и поддержки товарищей, которые призваны защитить честных профессионалов, подвергшихся дискредитации со стороны криминальных элементов или недобросовестных чиновников различных ведомств. Достаточно фактов, когда в судах сотрудники правоохранительных органов вынуждены самостоятельно, без помощи ведомства, бороться за восстановление справедливости с решениями, которые не соответствуют объективности оценки их действиям [11].

Довольно часто достоянием общественности становятся факты преступной деятельности сотрудников правоохранительных органов, представляющие опасные формы при их совершении, как преступниками-одиночками, так и сплоченными организованными преступными группами [12].

Опасная тенденция свидетельствует о том, что группировки из числа правоохранителей образовывались по причинам низкого ведомственного контроля за результатами профессиональной деятельности конкретных должностных лиц и активно действовали на протяжении длительного времени (от 1 года до 5 лет), возглавляемые офицерами из числа руководящего состава. Послужной список таких лиц указывает на то, что в период совершения ими преступлений они неоднократно поощрялись руководством УМВД регионов и даже МВД России за успехи в служебной деятельности [13], а их личностные качества по-

ложительно отмечались при прохождении аттестации и назначении на вышестоящие должности [14].

Характерной особенностью в кадровой ротации сегодняшнего времени является то, что в тексте представления к назначению сотрудника, стоявшего в резерве на руководящую должность, как правило, не излагаются критические замечания, пожелания и рекомендации для будущего руководителя, в содержании документа отражаются только его положительные качества. Это исключает возможность для самого сотрудника критически оценить свои личностные качества и работать над ошибками и недостатками. Не позволяет и инспекторским группам при осуществлении контроля учесть изложенные рекомендации и вывести оценку личностных изменений руководителя в служебном процессе.

Кадровой службой и службой собственной безопасности в настоящее время не изучаются глубоко и детально морально-личностная позиция «резервиста» в семейно-бытовой области и отношения, выстроенные с родственниками, друзьями и знакомыми. Часто остаются без внимания и оценки такие факты, когда сам «резервист» допускает нарушения законодательства, употребляет спиртные напитки в быту и теряет контроль над своим поведением, не информирует руководителя о факте сожительства с лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью, в результате чего может возникнуть конфликт интересов по действующему антикоррупционному законодательству.

Множатся примеры, когда несовершеннолетние дети руководителей правоохранительных органов являются злостными правонарушителями, а сам отец характеризуется как «ведомственный многоженец», при том, что его избранницами становятся подчиненные сотрудницы.

Подобные факты формируют в сознании населения и честных сотрудников правоохранительных органов чувство досады и разочарования в государственной политике по формированию резерва руководящих кадров из достойных сотрудников [15]. Вызывает сомнение законность и справедливость вручаемых наград и поощрений руководителям подразделений правоохранительных органов. Накапливается скрытое недовольство кадровой политикой и недоверие к руководителям правоохранительных органов за развенчанные постулаты духовно-нравственного патриотизма, которыми они апеллируют, общаясь с гражданами и сослуживцами на официальных мероприятиях.

Подтверждением этого являются данные рейтинга одобрения деятельности общественных институтов среди россиян, проведенного всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в декабре 2016 года. Согласно данному исследованию правоохранительные органы поддерживают чуть больше половины опрошенных (55,6%). Лидирует в рейтинге неодобрения судебная система России, показатель неудовлетворенных работами составил 37,2% [16].

Не вдаваясь детально в причинно-следственные связи, резюмируем: четыре автономные системы, оказывающие основное влияние на правопорядок в стране, – МВД России, Следственный комитет Российской Федерации, прокуратура Российской Федерации и система органов суда, находятся под ударом общественной критики и испытывают общую проблему: «читать закон и быть зависимыми только от его положений, могут не многие служители фемиды».

Проведенное нами анкетирование сотрудников полиции по вопросам практической роли руководителя в патриотическом воспитании сотрудников позволило обозначить ряд проблемных аспектов, указывающих на низкий моральный климат и деловые отношения, складывающиеся между руководителями и подчиненными в коллективах¹. Так, более 70%

¹ Проведено анкетирование 86 сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел Сибирского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов.

опрошенных указали на низкий авторитет руководителей, которые в 64% используют методы принуждения и угроз в работе с подчиненными и не желают объективно разбираться и влиять на устранение бюрократических барьеров при решении служебных задач. 83% респондентов указали, что руководители в сложных ситуациях не принимают ответственность на себя, адресуют ее исполнителям. Только 23% руководителей демонстрируют личный пример работы подчиненным. 90% опрошенных указали, что видят ветеранов службы на праздничных мероприятиях, но не знакомы с их биографией и примерами из личной практики работы в ОВД.

Все выше перечисленное указывает, на наш взгляд, на деструктивную функцию в кадровой политике правоохранительных органов современного периода, которая нуждается в переводе на новый формат отношений через обновленную нормативную правовую базу, закрепляющую патриотическую процедуру воспитательного процесса с личным составом сотрудников как системную, профессионально-ориентированную и обязательную функцию авторитетных руководителей.

Литература:

1. Идеология (Ideology) – это. [Электронный ресурс] // URL: <http://forexaw.com/TERMs/Society/Ideology/1849> (дата обращения: 19.01.2017 г.).
2. В мире мудрых мыслей / сост. С.Х. Карин. 3-е изд. М.: Знание, 1962.
3. Седова Н.Н. Отношение к патриотизму жителей крупного промышленного города // Социология города. 2012. № 4. С. 51-57.
4. Патриотизм. [Электронный ресурс] // URL: <http://vslovare.ru/slovo/filosofskiijslovar/patriotizm/281550> (дата обращения: 18.12.2016 г.).
5. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36. Декабрь.
6. Автопробег выпускников Академии ФСБ на «Гелендвагенах». Коротко. [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/04/avtoprobeg-vypusknikov-akademii-fsb-na-gelendvagenah-korotko> (дата обращения: 15.12.2016 г.).
7. Руководителей академии ФСБ увольняют за заезд выпускников на «Гелендвагенах» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mk.ru/social/2016/07/14/rukovoditeley-akademii-fsb-uvolnyayut-za-zaezd-vypusknikov-na-gelendvagenakh.html> (дата обращения: 19.12.2016 г.).
8. Болгова Е. При обыске квартиры полковника МВД нашли 8 миллиардов рублей [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kuban.kp.ru/daily/26580.7/3595387/> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
9. УФСБ по Петербургу и Ленобласти по подозрению в получении взятки в 100 миллионов рублей задержало начальника ГУСБ по СЗФО. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fontanka.ru/2016/12/09/030/> (дата обращения: 09.12.2016 г.).
10. Следователи задержали высокопоставленных сотрудников краевого УМВД по подозрению в должностных преступлениях. [Электронный ресурс] // URL: <http://zabaykalye.sledcom.ru/news/item/1025252/> (дата обращения: 25.09.2016 г.).
11. Суд оправдал замначальника антикоррупционного отдела полиции ЕАО по рыбно-икорному делу. [Электронный ресурс] // URL: <http://news.sputnik.ru/obschestvo/8851b7ebde01917afa0a059077b957c5f7b731c6> (дата обращения: 19.05.2016 г.).
12. ФСБ задержала в Ингушетии полицейских-садистов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mk.ru/incident/2016/12/07/fsb-zaderzhala-v-ingushetii-policeyskikhsadistov.html> (дата обращения: 09.12.2016 г.).

13. Все фигуранты уголовного дела о конструкторах-распилах в ЕАО приговорены к реальным срокам. [Электронный ресурс] // URL: <http://eaomedia.ru/news/447543/> (дата обращения: 05.07.2015 г.).

14. Для полицейского генерала Сугробова попросили 22 года колонии строгого режима. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newsru.com/russia/08dec2016/sug.html>. (дата обращения: 10.12.2016 г.).

15. О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации: Указ Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

16. Россияне больше всего одобряют деятельность армии и Церкви [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newsru.com/religy/15dec2016/opros.html> (дата обращения: 20.12.2016 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВИЛОВА Л. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

АНАНЕНКО И.В. – доцент кафедры уголовного права и процесса Кубанского института социэкономии и права (филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений», кандидат юридических наук (Россия)

БАБКОВА Л.И. – старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

БАЦУН Я.В. – студентка юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

БОНДАРЬ Е.В. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ВЕРТЕПОВА Т.А. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарский университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ГАПОНОВА Г.И. – доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат педагогических наук (Россия)

ГИЗАТУЛЛИНА Э.Ф. – аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

ГРИГОРЕНКО И.Н. – профессор кафедры иностранных языков АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», доктор филологических наук, профессор (Россия)

ДАВЫДОВ В.А. – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ДАНОВСКАЯ Г.А. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ДАЦКО Т.Ф. – профессор кафедры иностранных языков АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», доктор филологических наук (Россия)

ДЕНИСЕНКО Ю.С. – студентка юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ДЖАМИРЗОВ К.Х. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

ДРИГУЛЯС А.П. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

ДЫНЬКО А.П. – доцент кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук (Россия)

ЗЕЛЕНИНА А.А. – студентка факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Киргизия)

ИЛИКБАЕВА Е.С. – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

КАЙНОВА М.А. – студентка факультета предпринимательства, сервиса и туризма АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

КОНОВАЛОВ А.К. – студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

КОНЮШИХИНА Н.И. – аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

КРАВЕЦ С.А. – аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

КРАВЧЕНКО В.А. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

КУЗЬМИНА А.В. – аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

КУЛИШ М.В. – доцент кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук (Россия)

КУМУК А.А. – преподаватель кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ЛЕБЕДЕВА А.Д. – доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ЛЕГОСТАЕВ В.П. – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

МАРТЫНОВА Т.В. – заведующая кафедрой уголовного права и процесса Кубанского института социэкономики и права (филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

МЕДВЕДЕВА Э.А. – старший преподаватель кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

МЕЛИХОВ А.А. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

МЕЛЬНИК Е.Р. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

МЕЛЬНИЧЕНКО Н.Н. – мировой судья (Россия)

МИНИНА К.Е. – студентка юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

МУРОДОВ Ш.М. – студент юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Таджикистан)

НЕМЦЕВА А.С. – магистр юридического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

НОЗИМОВ Х.С. – студент юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Таджикистан)

ПАВЛЮШКЕВИЧ Т.В. – доцент кафедры предпринимательской деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат экономических наук (Россия)

ПИЛЮГИНА Т.В. – доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ПРОХОРОВ Л.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заведующий кафедрой административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», доктор юридических наук, профессор (Россия)

ПРОХОРОВА М.Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», доктор юридических наук, профессор (Россия)

РАССОХИНА А.А. – преподаватель юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

РОЙ А.О. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

РЫБАЛКИНА Е.Н. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

СААКЯН М.А. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

САВЕЛЬЕВ И.А. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

СИДОРЕНКО Л.П. – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат исторических наук (Россия)

СИДОРОВ А.А. – доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

СИДОРОВА А.Г. – магистрант юридического факультета Северо-Кавказский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Россия)

СИЛЬЧЕНКО Е.В. – доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук (Россия)

СУШКОВА И.А. – заведующая кафедрой гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ТОРОСЯН Р.В. – помощник нотариуса Брюховецкого нотариального округа, кандидат юридических наук (Россия)

ТРОШИНА О.Н. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

ФЕДИНА И.М. – доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат исторических наук (Россия)

ФИРСОВ В.В. – студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ЦВИЛИЙ А.В. – преподаватель кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ЧЕБОТАРЬ Ю.И. – студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», (Россия)

ШТАЕР П.Ю. – студентка юридического факультета - ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» (Россия)

ЮЖАКОВ А.И. – магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

**Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья
населения, общественной нравственности и иных
социально значимых интересов**

Материалы VI Международной научно-практической конференции

Печатается по решению научно-методического и
редакционно-издательского советов КСЭИ в авторской редакции

Подписано в печать 20.05.17.
Формат 60×84. Усл.печ.л. 14,75. Тираж 300 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3.
Типография ООО «Межотраслевой центр профессиональной
переподготовки»